# Чайлд Линкольн

# Из глубины

## Пролог

*Нефтедобывающая платформа «Сторм кинг»*

*Где-то у берегов Гренландии*

Чтобы работать на нефтяной платформе, надо быть особым человеком, решил Кевин Линденгуд. Человеком с мозгами набекрень.

Линденгуд мрачно сидел перед своим пультом в центре управления бурением. Снаружи, за прочными окнами, в Северном море металась буря, мешанина черного и белого. Над поверхностью воды взлетали соленые брызги и бурлила разъяренная пена.

Северное море всегда кажется разъяренным. Неважно, что нефтедобывающая платформа «Сторм кинг» возвышается над волнами более чем на тысячу футов, — простор океана делает ее крохотной игрушкой, которую в любой момент может смыть волна.

— Как скребок? — спросил Джон Уэрри, менеджер шельфовой установки.

Линденгуд глянул на свой пульт.

— Сигнал четкий. Минус семьдесят один, поднимается.

— Труба?

— Все показатели в пределах нормы. Все, похоже, в порядке.

Он снова поднял взгляд к покрытым каплями темным окнам. Платформа «Сторм кинг» — самая северная на нефтяном месторождении Брент. Где-то там, в шестидесяти с лишним милях к полюсу — земля или то, что в этих краях считается ею, — Ангмагссалик, Гренландия. Хотя в такой день, как сегодня, кажется, что, кроме океана, на планете больше и нет ничего.

Да, чтобы работать на платформе, надо иметь мозги набекрень (здесь, к несчастью, всегда одни мужчины, и только изредка появляются немногочисленные женщины — менеджеры по связям с общественностью и психотерапевты; они прилетают на вертолете и, убедившись, что у всех все в порядке, поскорее отбывают). И каждый, похоже, тащит с собой свою долю незавершенных дел, или какие-нибудь причуды, или заботливо лелеемый невроз. Иначе что может заставить человека наняться на железный ящик, висящий над ледяным морем на нескольких стальных зубочистках? Работать, не зная, когда разразится

чудовищный шторм, подхватит тебя и бросит в забвение? Все любят говорить, что ехать на нефтедобывающую платформу заставляет высокая зарплата, но и на твердой земле хватает профессий, за которые платят почти так же хорошо. Нет, правда в том, что каждый приехал, чтобы бежать от чего-то или, что еще страшнее, бежать к чему-то.

На пульте вдруг раздался тихий писк.

— Скребок прошел вторую.

— Ясно, — отозвался Уэрри.

За пультом рядом с Линденгудом Фред Хикс хрустнул костяшками пальцев и взялся за джойстик на своей панели.

— Ставлю скребок над буровым окном номер три.

Линденгуд бросил на него взгляд. Хикс, дежурный инженер-технолог, — яркий пример вышесказанного. У него был MP3-плеер, iPod первого поколения, в котором хранились лишь тридцать две фортепианные сонаты Бетховена. Хикс слушал их постоянно, без остановки, днем и ночью, на смене и в свободное время, снова и снова. И подпевал себе под нос, издавая тихие глухие звуки. Линденгуд, как и все остальные на платформе «Сторм кинг», уже слышал все сонаты не раз и даже запомнил каждую — в виде мурлыкания Хикса.

Линденгуд считал, что мурлыканье не принесло бы исполнителю музыкального признания.

— Скребок над третьей, — объявил Хикс.

Он поправил крохотные наушники в ушах и продолжил мурлыкать «Вальдштейн-сонату».

— Опускай, — скомандовал менеджер.

— Есть.

Линденгуд повернулся к своему пульту.

В центре управления бурением их было всего трое. Огромная установка в то утро напоминала город-призрак. Насосы молчали, рабочие и бурильщики находились в жилом блоке — смотрели спутниковое телевидение в кают-компании или играли в пинбол и настольный теннис. Был последний день месяца, когда работы полностью останавливались, а электромагнитные скребки чистили трубы в скважинах.

Во всех десяти.

Прошло десять минут, потом двадцать. Хикс стал мурлыкать в другом темпе, прибавив в сопении и ритме. Похоже, «Вальдштейн-соната» кончилась и начался «Хаммерклавир».

Линденгуд, глядя на экран, занимался подсчетами. До океанского дна почти девять тысяч футов. Еще тысяча или даже больше — до нефтяного месторождения. Надо почистить сто тысяч футов труб. И он, инженер по добыче, отвечает за работу скребка — ввести-вывести, вниз-вверх, снова и снова, под бдительным взглядом начальника платформы.

Жизнь удивительна.

Словно в ответ на его мысли, Уэрри спросил:

— Как скребок?

— Восемь тысяч семьсот футов, идет вниз.

Скребок опустится до дна третьей скважины, самой глубокой из пробуренных в морском дне, остановится и пойдет вверх; тогда и начнется медленный, нудный процесс чистки.

Линденгуд глянул на Уэрри. Менеджер являл собой еще одно подтверждение новой теории Линденгуда. Парня, наверное, слишком много били в школе, потому что у него серьезные проблемы с демонстрацией власти. Обычно менеджеры шельфовых установок — люди сдержанные, неторопливые и спокойные. Они понимают, что жизнь на платформе небогата удовольствиями, и делают, что могут, чтобы облегчить ее для сотрудников. Но Уэрри — настоящий капитан Блай:[1] вечно не удовлетворен работой подчиненных, кричит на рабочих и младших инженеров, при малейшей возможности штрафует. Не хватает только офицерского стека и…

Вдруг на пульте Хикса раздался отчаянный писк. Линденгуд равнодушно посмотрел на него, а Хикс наклонился над панелью, считывая показания.

— У нас проблема со скребком, — произнес Хикс, вытаскивая из ушей наушники и хмурясь. — Он вырубился.

— Что? — К нему подошел Уэрри, бросил взгляд на экран. — Разряд при высоком давлении?

— Нет, информация идет бессмысленная, никогда такого не видел.

— Обнули, — велел менеджер.

Хикс что-то сделал у себя на пульте.

— Ну вот, пожалуйста. Опять вырубился.

— Опять? Уже? Черт! — Уэрри резко повернулся к Линденгуду. — Отключить питание электромагнита и провести тестирование программы!

Тяжело вздохнув, Линденгуд подчинился. Впереди еще семь скважин, и если скребок уже сейчас барахлит, Уэрри хватит удар...

И вдруг Линденгуд замер. Этого не может быть. Просто невозможно.

Не отрывая взгляда от экрана, он потянул менеджера за рукав.

— Джон...

— Что такое?

— Посмотри на датчики.

Менеджер подошел к нему, глядя на показания датчиков.

— Что за черт? Я же велел тебе выключить магнит!

— Я выключил. Питание не подается.

— Что?

— Посмотри сам, — ответил Линденгуд.

Во рту у него пересохло, а в животе появилось какое-то странное ощущение.

Уэрри пристально вглядывался в монитор.

— А что тогда...

И замолчал. Потом медленно выпрямился, побледнев под голубым светом дисплея.

— О господи...

## Через двадцать месяцев

### 1

Питер Крейн решил, что она похожа на журавля, огромного белого журавля, поднявшегося над водой на забавно тонких ногах. Но пока вертолет подлетал ближе и далекий силуэт более ясно проступал на горизонте, сходство постепенно исчезало. Ноги стали мощнее, превратившись в трубообразные опоры из стали и армированного бетона. Тело оказалось многоэтажной надстройкой, утыканной факельными вышками и турбинами, украшенной, словно фестонами, консолями и решетками. А тонкий, похожий на шею предмет

превратился в сложное подъемное устройство, торчащее на несколько сотен футов над платформой.

Летчик махнул в сторону приближавшейся платформы и поднял два пальца. Крейн кивнул, показывая, что понял его.

Стоял ясный день, и Крейн прищурился, чтобы блеск раскинувшегося во все стороны океана не мешал ему. После путешествия он чувствовал себя утомленным и потерянным: сначала перелет на коммерческом рейсе из Майами в Нью-Йорк, потом частный чартерный рейс «Гольфстрим джи-150» до Рейкьявика, а теперь еще и вертолет. Но усталость не притупила его неподдельного интереса.

Компания «Амалгамейтед шейл» ожидала от его экспертного заключения не так уж много — пусть он только сообщит им, что ему удалось выяснить. Крейну показалась странной поспешность, с какой в компании потребовали, чтобы он все бросил и махнул на платформу «Сторм кинг». Более того, Крейна озадачило то, что головной офис «Амшейла» в Исландии был полон техников и инженеров, а не буровиков и рабочих, как обычно.

И вот что еще удивительно: пилот вертолета оказался не из штата компании. Он носил форму военно-морского флота и был вооружен электрошокером.

На подлете к посадочной площадке вертолет заложил крутой вираж вдоль края платформы, и Крейн впервые осознал, насколько велико все сооружение. Одно только основание имело, должно быть, этажей восемь в высоту. Верхнюю палубу покрывал запутанный лабиринт модульных конструкций. Тут и там крохотные на фоне окружающих механизмов люди в ярко-желтой рабочей одежде проверяли оборудование, управляли насосами. Далеко-далеко внизу вокруг колонн, ныряющих на глубину в несколько тысяч футов, кипел и бурлил океан.

Вертолет снизил скорость, заложил вираж и сел на зеленый шестиугольник посадочной площадки. Повернувшись, чтобы взять сумки, Крейн заметил, что на краю площадки его ожидает высокая стройная женщина в куртке из непромокаемой ткани. Он поблагодарил пилота, открыл пассажирскую дверь, вышел на холодный воздух и инстинктивно пригнулся под вращающимися лопастями.

Он подошел к женщине, и она протянула ему руку.

— Доктор Крейн?

Крейн поздоровался.

— Да.

— Сюда, пожалуйста.

Женщина повернулась и повела его с вертолетной площадки вниз по короткой лестнице, а потом по длинным мосткам к закрытому люку того типа, что устанавливается на подводных лодках. Как ее зовут, она не сказала.

У люка нес вахту вооруженный винтовкой человек в форме. Он кивнул, когда они подошли, открыл люк, а потом задраил его за ними.

Внутри оказался просторный, ярко освещенный коридор с открытыми дверями по обеим сторонам. Не слышно было ни непрерывного свиста турбин, ни ритмичного гула бурового оборудования. Запах машинного масла ощущался весьма слабо, словно кто-то специально старался от него избавиться.

Крейн с сумками через плечо шагал за женщиной и с интересом заглядывал в двери, мимо которых они проходили. Любопытство не давало ему покоя: он увидел лаборатории, где помещались лекционные доски, компьютерные терминалы, средства связи. На верхней палубе стояла тишина, но при этом шла напряженная работа.

Крейн решился задать вопрос.

— А водолазы не в кессоне? — начал он. — Могу я с ними встретиться?

— Сюда, пожалуйста, — опять сказала женщина.

Они повернули за угол, спустились по лестнице и вышли в другой коридор, еще длиннее и шире предыдущего. Комнаты, мимо которых они проходили, тоже были больше — механические мастерские, складские помещения для какого-то сложного оборудования, которое Крейн и опознать не мог. Он нахмурился. Хотя платформа «Сторм кинг» снаружи напоминала нефтедобывающее сооружение, ему стало ясно, что нефть она больше не качает.

Что же здесь происходит?

— А специалисты по сосудистым заболеваниям или пульмонологи из Исландии прилетали? — спросил он.

Женщина не ответила, и Крейн пожал плечами. Он так далеко ехал, что теперь мог подождать несколько минут, пока на его вопрос ответят.

Женщина остановилась перед закрытой серой металлической дверью.

— Господин Ласситер ждет вас, — сказала она.

«Ласситер?» — удивился Крейн. Имя было ему неизвестно. Человека, который говорил с ним по телефону и вкратце рассказывал о ситуации

на платформе, звали Саймон. Крейн глянул на дверь. На черной пластиковой табличке виднелась надпись белыми буквами: «Э. Ласситер, внешние связи».

Крейн повернулся к женщине в непромокаемой куртке, но та уже удалялась. Он поправил сумки и постучал.

— Войдите, — раздался хриплый голос из-за двери.

Э. Ласситер оказался высоким худощавым человеком с коротко стриженными светлыми волосами. Когда Крейн вошел, хозяин кабинета поднялся, обошел свой стол и пожал руку гостя. Ласситер не был в военной форме, но и стрижка, и быстрые экономные движения намекали на то, что он мог бы принадлежать армии. Сам маленький кабинет выглядел столь же практично, как и тот, кто его занимал. На столе почти ничего не было, только конверт из оберточной бумаги да цифровой диктофон.

— Можете оставить вещи здесь, — сказал Ласситер, указывая в дальний угол. — Присаживайтесь, пожалуйста.

— Спасибо.

Крейн взял придвинутый стул.

— Мне очень хочется узнать, что же тут произошло. Женщина, которая меня встретила, не стала ничего рассказывать.

— Не стану и я.

Ласситер улыбнулся; его улыбка исчезла почти сразу после того, как появилась.

— Все потом. Я должен задать вам несколько вопросов.

Крейн стерпел и это.

— Давайте, — сказал он, помолчав.

Ласситер нажал кнопку диктофона.

— Запись сделана второго июня. Присутствуют: я, Эдвард Ласситер, и доктор Питер Крейн. Место — станция обеспечения исследовательской экспедиции.

Ласситер глянул через стол на Крейна.

— Доктор Крейн, вы отдаете себе отчет в том, что длительность вашей командировки сюда не может быть точно определена?

— Да.

— Вы также понимаете, что обязаны не разглашать того, о чем узнаете здесь, а также раскрывать свои действия, совершенные на платформе?

— Да.

— Готовы дать письменное подтверждение?

— Да.

— Доктор Крейн, вы когда-нибудь подвергались аресту?

— Нет.

— Вы родились в США или получили гражданство?

— Я родился в городе Нью-Йорке.

— Принимаете ли вы лекарства от каких-либо заболеваний?

— Нет.

— Употребляете алкоголь или наркотики?

Отвечая, Крейн удивлялся все больше и больше.

— Если не считать злоупотреблением распитие пива иногда по выходным, то нет.

Ласситер не улыбнулся.

— Доктор Крейн, страдаете ли вы клаустрофобией?

— Нет.

Ласситер поставил диктофон на паузу. Взял конверт из оберточной бумаги, открыл его, вынул несколько листков и передал через стол.

— Пожалуйста, прочтите и подпишите каждый, — сказал он, вынув из кармана ручку и положив ее рядом с листками.

Крейн начал читать. И его удивление превратилось чуть ли не в изумление. Перед ним были три разных договора о неразглашении информации, подписка о неразглашении государственной тайны и еще один документ под названием «Соглашение об обязательном сотрудничестве». Все документы носили гриф правительства Соединенных Штатов, все надо было подписывать, и все они сулили неприятные последствия в том случае, если любая из их статей будет нарушена.

Крейн положил документы. Ему было неприятно ощущать на себе взгляд Ласситера. Это уж слишком. Наверное, надо вежливо

поблагодарить хозяина кабинета, попросить извинения и вернуться к себе во Флориду.

Но как, собственно, это сделать? «Амшейл» потратил кучу денег, чтобы доставить его сюда. Вертолет уже улетел. Сам он, если честно, пока ни в каком другом исследовательском проекте не участвует. А потом, он никогда не отказывался принять вызов, тем более такой загадочный, как этот.

Крейн взял ручку и, не оставив себе времени передумать, подписал все шесть документов.

— Благодарю вас, — произнес Ласситер. Он снова включил диктофон. — Настоящим подтверждаю, что доктор Крейн подписал требуемые документы.

Он выключил диктофон и поднялся.

— Доктор, если вы пройдете за мной, то получите ответы на все свои вопросы.

Он первым вышел из кабинета и повел Крейна по коридору, через лабиринт административной зоны, в лифт и наконец в хорошо оснащенную библиотеку, забитую книгами, журналами и компьютерами. Ласситер указал на стол в дальнем конце комнаты — там стоял только компьютерный монитор.

— Я приду за вами, — сказал он, повернулся кругом и вышел.

Крейн сел, глядя, как закрывается за Ласситером дверь. В библиотеке больше никого не было, и он начал размышлять о том, что должно сейчас произойти. Вдруг экран монитора перед ним замигал. На нем появилось изображение седовласого, дочерна загорелого человека лет семидесяти. «Наверное, какой-то информационный ролик», — подумал Крейн. Но когда человек улыбнулся непосредственно ему, он понял, что смотрит не на компьютерный монитор, а на телеэкран местной сети. На пластиковом ободке над дисплеем была прикреплена крошечная видеокамера.

— Здравствуйте, доктор Крейн, — сказал человек. Он улыбнулся, и его приветливое лицо избороздили морщинки. — Меня зовут Говард Ашер.

— Рад познакомиться, — ответил экрану Крейн.

— Я — начальник научного отдела в Национальной службе океанографических исследований. Вы о ней знаете?

— Это филиал Национального управления по исследованию атмосферы и океана?

— Совершенно верно.

— Я в недоумении, доктор Ашер, вы ведь доктор?

— Да. Но зовите меня просто Говард.

— Хорошо, Говард. Какое отношение имеет платформа к Океанографической службе? И где господин Саймон, который говорил со мной по телефону? Это ведь он меня пригласил? Он сказал, что встретит меня здесь.

— Видите ли, доктор Крейн, никакого Саймона нет. Но есть я, и я буду рад рассказать вам, что смогу.

Крейн нахмурился.

— Мне сообщили, что среди водолазов, работающих на подводном оборудовании платформы, наблюдались случаи неких недомоганий. Это тоже неправда?

— Только частично. Вам рассказали немало неправды, за что я приношу свои извинения. Но это было необходимо. Понимаете, секретность для этого проекта важна, как никогда раньше. Потому что, Питер, — можно я буду так вас называть? — здесь мы имеем научное и историческое открытие века.

— Открытие века? — переспросил Крейн все еще с легким недоверием в голосе.

— Мне понятны ваши сомнения. Но тут я вас не обманываю. Ничуть. Однако говорить «открытие века», может быть, не совсем точно.

— Почему же... — начал Крейн.

— Мне следовало сказать «величайшее открытие всех времен».

**2**

Крейн смотрел на изображение на экране. Доктор Ашер улыбался ему дружеской, почти отеческой улыбкой. Но получалась она какая-то невеселая.

— Я не мог сказать вам правду, Питер, пока вы физически не находились на платформе. И пока вас не проверили со всех сторон. Время, которое вы затратили на дорогу сюда, мы использовали, чтобы закончить этот процесс. Но дело в том, что многое я не имею права сказать вам даже теперь.

Крейн оглянулся через плечо. В библиотеке было пусто.

— Почему? Эта линия не защищена?

— Конечно защищена. Но нам сначала надо убедиться, что вы согласны принять участие в работе.

Крейн молча ждал продолжения.

— То немногое, что я могу рассказать прямо сейчас, также строжайше секретно. Даже если вы откажетесь от нашего предложения, вы все равно будете связаны всеми соглашениями о конфиденциальности.

— Понимаю, — сказал Крейн.

— Очень хорошо. — Ашер помолчал. — Питер, платформа, на которой вы сейчас находитесь, стоит совсем не над нефтяным месторождением. А над кое-чем более значительным.

— Над чем же? — автоматически спросил Крейн.

Ашер загадочно улыбнулся.

— Пока скажу только, что почти два года назад буровики нашли нечто настолько фантастическое, что в одночасье платформа перестала качать нефть и начала новую, чрезвычайно засекреченную жизнь.

— Позвольте, я угадаю: вы не можете сказать мне какую.

Ашер рассмеялся.

— Нет, пока не могу. Но открытие настолько важное, что правительство буквально не жалеет миллионов, чтобы получить его.

— Получить?

— Находка лежит ниже морского дна прямо под платформой. Вы не забыли, я говорил, что это величайшее открытие всех времен? Происходящее здесь можно вкратце назвать раскопками — археологическими раскопками, не имеющими себе равных. Мы действительно творим историю.

— Но зачем такая секретность?

— Потому что если люди узнают, новость немедленно выйдет на первые полосы всех газет. И через несколько часов тут будет настоящая зона бедствия. Полдесятка правительств начнут заявлять свои права, появятся журналисты, а то и просто любопытные. Это слишком важное открытие, чтобы подвергать его такому риску.

Задумавшись, Крейн откинулся на стуле. Вся его поездка стала казаться какой-то нереальной. Поспешные перелеты, нефтяная платформа,

которая вовсе не платформа, завеса секретности… а теперь еще и человек на экране рассказывает ему о невообразимо важном открытии.

— Называйте меня старомодным, — сказал он, — но я чувствовал бы себя лучше, если бы вы нашли время встретиться и поговорить со мной лично.

— Увы, Питер, это не так легко. Но если вы согласитесь принять участие в проекте, мы с вами скоро увидимся.

— Не понимаю. В чем же сложность?

Ашер опять усмехнулся.

— Потому что в настоящее время я нахожусь на глубине в несколько тысяч футов под вами.

Крейн уставился на экран.

— Вы хотите сказать…

— Именно. Платформа «Сторм кинг» — просто остановка в пути, перевалочная база. Настоящая деятельность ведется глубоко под ней. Поэтому я и разговариваю с вами по видеосвязи.

Крейн на минуту задумался.

— А что там внизу? — тихо спросил он.

— Представьте огромную исследовательскую лабораторию высотой в десять этажей, полную самого современного оборудования, и все это под морским дном. Это и есть СИП — сердце самого необычного археологического проекта всех времен.

— СИП?

— Станция исследования и подъема. Мы обычно говорим просто «станция». Военные — а вы знаете, как они любят красивые слова, — назвали станцию «Глубоководный шторм».

— Я заметил, что тут есть военные. Зачем они?

— Я мог бы сказать вам, что станция — государственная собственность, потому что Океанографическая служба — правительственное учреждение. И это правда. Но настоящая причина — то, что в проекте мы используем очень много всякого засекреченного оборудования.

— А те люди на верхней палубе, которые работают на буровой установке…

— Это в основном очковтирательство. В конце концов, мы должны прикидываться настоящей нефтяной платформой.

— А «Амшейл»?

— Мы предложили им исключительно выгодные условия аренды платформы, поэтому они выступают нашими представителями во внешнем мире и не задают лишних вопросов.

Крейн поерзал на стуле.

— Вот эта станция, про которую вы говорили… Я там буду жить?

— Да. Здесь живут и работают все океанологи, историки и инженеры. Я знаю, Питер, сколько времени вы провели в подводных сооружениях, и думаю, будете приятно удивлены. Наверное, даже правильнее будет сказать «поражены». Достаточно увидеть все собственными глазами, чтобы поверить: станция — просто чудо подводных технологий.

— Но зачем это все? Я имею в виду, зачем работать на морском дне? Почему нельзя вести работы с поверхности?

— Эти, ммм, предметы расположены слишком глубоко для спускаемых аппаратов. Кроме того, эффективность каждого отдельно взятого погружения ничтожно мала. Поверьте, как только вы все узнаете, мои слова приобретут для вас смысл.

Крейн медленно кивнул.

— Думаю, остается только один вопрос. Почему именно я?

— Ну, доктор Крейн, вы слишком скромничаете. Вы бывший военный, служили на разведывательных субмаринах и подводных ракетоносцах. Вы знаете, каково это — существовать в ограниченном пространстве, при постоянном давлении… Во всех смыслах.

«Он хорошо подготовился», — подумал Крейн.

— Медицинскую школу в Майо вы закончили вторым по списку. И поскольку вы служили на флоте, то вы тот самый врач, который помимо всего прочего знает, какие бывают расстройства у водолазов и других специалистов, выходящих в море.

— Значит, проблема носит медицинский характер?

— Конечно. Установка оборудования закончилась два месяца назад, и теперь вовсю идет работа. Но в последние несколько дней у некоторых обитателей «Глубоководного шторма» появились необычные симптомы.

— Кессонная болезнь? Отравление азотом?

— Скорее последнее. Давайте скажем просто, что у вас уникальная квалификация — вы врач и бывший офицер, и именно поэтому мы вас пригласили.

— А мой визит?..

— Ваш визит будет длиться столько, сколько потребуется, чтобы диагностировать и вылечить заболевание. По моим представлениям, вы пробудете у нас недели две-три. Но если бы вам даже удалось сотворить чудо, вам все равно пришлось бы провести на станции не менее шести дней. Не для того, чтобы получить обо всем подробное представление, а потому, что из-за чудовищного давления, которое мы имеем на глубине, мы разработали необычный акклиматизационный и реабилитационный процесс. Положительная сторона в том, что люди могут работать на глубине с гораздо большей эффективностью, чем раньше. Недостаток же в том, что процесс входа на станцию и выхода из нее занимает гораздо больше времени. И, как вы можете догадаться, ускорить его нельзя.

— Ясно.

Крейн повидал немало трагических случаев декомпрессионной болезни.

— Пока все. Разве что я должен вам еще раз напомнить: если вы примете отрицательное решение, вы обязаны строжайшим образом соблюдать секретность и никогда не упоминать ни о вашем визите сюда, ни о том, что мы здесь обсуждали.

Крейн кивнул. Он понял, что Ашеру приходится говорить уклончиво. Но недостаток информации раздражал его. Вот, пожалуйста: отдай несколько недель своей жизни делу, о котором не имеешь ни малейшего представления.

Впрочем, никаких срочных дел на берегу у него не было, и он вполне мог провести несколько недель на «Глубоководном шторме». Крейн недавно развелся, детей не имел и как раз сейчас выбирал между двумя предложениями об участии в исследовательских проектах. Несомненно, Ашер это знал.

«Огромной важности открытие. Археологические раскопки, не имеющие себе равных». Вопреки секретности, а может быть, как раз из-за нее Крейн ощутил, как его сердце забилось быстрее при одной мысли о том, что его ждет такое приключение. И он понял, что, еще не осознавая того, уже принял решение.

Ашер опять улыбнулся.

— Хорошо, — сказал он. — Если у вас больше нет вопросов, я прерву связь и дам вам время все обдумать.

— Это ни к чему, — ответил Крейн. — Мне не надо долго раздумывать, стоит ли принимать участие в исторических событиях. Просто скажите, куда идти.

Улыбка Ашера стала шире.

— Вам вниз, Питер. Прямо вниз.

## 3

Питер Крейн прослужил на подводных лодках почти четыре года, но впервые ему досталось место у окна.

Он провел несколько часов на платформе «Сторм кинг»: сначала проходил медицинский осмотр и психологическое собеседование, потом болтался в библиотеке, дожидаясь, пока наступит спасительная темнота. Наконец его отвели на специальную транспортную площадку под основным строением, где стоял пришвартованный к бетонной опоре военный батискаф. Поверхность океана опасно поднялась, и леера на сходнях провисли. Крейн перешел в крохотную рубку. Оттуда он спустился по скользкому от сырости металлическому трапу через массивный люк, спасательную камеру и оказался в тесном помещении внутри прочного корпуса, где за пультом управления сидел молодой военный моряк.

— Занимайте любое место, доктор Крейн, — предложил парень.

Высоко над головой брякнул задраиваемый люк, за ним другой. Звук глухо прокатился по всему подводному аппарату.

Крейн оглядел кабину. Помимо пустых сидений, расположенных по два в три ряда, каждый квадратный дюйм стен и потолка был покрыт манометрами, трубопроводами и разными приборами. Единственным исключением оказался только узкий, но кажущийся очень прочным люк в дальней стене. В закрытом пространстве стоял крепкий запах машинного масла, сырости, пота, и Крейн сразу вспомнил годы, когда и сам носил знаки различия военно-морского флота.

Крейн сел, положил сумки на соседнее сиденье и повернулся к окну — маленькому металлическому кольцу, усаженному стальными болтами. И нахмурился. Как и всякий подводник, он питал стойкое доверие к надежному стальному корпусу, а иллюминатор казался ему ненужной и опасной роскошью.

Моряк, видимо, перехватил его взгляд, потому что усмехнулся.

— Не волнуйтесь, — сказал он. — Это специальный композитный материал, встроен прямо в корпус. Мы далеко ушли от старых кварцевых окон «Триеста».

В ответ Крейн рассмеялся:

— Вот уж не думал, что по мне так заметно.

— По этому взгляду я сразу отличаю гражданских от военных. Вы, наверное, сами были подводником?

Крейн повернулся к нему.

— Меня зовут Ричардсон, — произнес молодой человек.

Крейн кивнул. На рукаве у Ричардсона были нашивки главного корабельного старшины, а эмблема над ними показывала, что принадлежит он к специалистам по оперативным вопросам.

— Я провел два года на атомных крейсерах, — сказал в ответ Крейн, — а потом еще два — на ракетоносцах.

— Ясно.

Сверху раздался приглушенный лязг; Крейн решил, что это убирают сходни. Потом откуда-то из путаницы приборов раздалось тихое шипение радио:

— ПБ к погружению готов.

Ричардсон взял микрофон.

— База-один, это ПБ. Вас понял.

Послышалось тихое шипение воздуха, приглушенный шепот гребных винтов. Батискаф мягко качнулся на волнах. Шипение скоро стало громче, а потом сменилось шумом полившейся в балластные цистерны воды. Аппарат начал погружаться. Старшина Ричардсон потянулся к пульту и включил наружное освещение. Чернота за окном внезапно сменилась вихрем белых пузырьков.

— База-один, ПБ на погружении, — сказал Ричардсон в микрофон.

— На какой глубине расположена станция? — спросил Крейн.

— Чуть глубже, чем три тысячи семьсот метров.

Крейн быстро пересчитал. Три тысячи семьсот метров — это двенадцать тысяч футов. Значит, станция лежит на две мили ниже уровня моря.

За иллюминатором буря воздушных пузырьков сменилась зеленой водой океана. Крейн выглянул, надеясь увидеть рыб, но заметил только несколько размытых серебристых фигур за пределами круга света.

Теперь, когда Крейн согласился участвовать в проекте, любопытство снова одолело его. Чтобы отвлечься, он повернулся к Ричардсону.

— И часто вы совершаете этот переход? — спросил он.

— Раньше, когда станцию готовили к пуску, приходилось делать по пять, а то и по шесть погружений за день. И каждый раз батискаф был набит битком. Но сейчас, когда работа идет в нормальном режиме, бывает, что за несколько недель ни разу не спустишься.

— Но наверх-то людей надо поднимать?

— Пока никто еще не поднимался.

Крейн очень удивился.

— Никто?

— Нет, сэр.

Крейн посмотрел в окно. Батискаф быстро опускался, и зеленоватое свечение воды становилось все темнее и темнее.

— А как там внутри? — спросил он.

— Внутри? — переспросил Ричардсон.

— На станции.

— Никогда там не был.

Крейн в изумлении повернулся к нему.

— Я же просто таксист. У них слишком длинный процесс акклиматизации, чтобы ходить туда на экскурсии. Они говорят, что на вход требуется день, а на выход — три дня.

Крейн кивнул и снова повернулся к иллюминатору. Вода стала еще темнее, и в толще океана появились какие-то частицы. Батискаф погружался с нарастающей скоростью, и Крейн зевнул, чтобы отпустило уши. Пока он служил на флоте, ему хватило быстрых погружений, и они всегда проходили напряженно: офицеры и команда с мрачными лицами стоят по боевым постам, а корпус лодки трещит и стонет под нарастающим давлением. Но батискаф стонущих звуков не издавал, слышалось только тихое шипение воздуха и жужжание вентиляторов оборудования.

Чернота за иллюминатором стала абсолютной. Крейн посмотрел вперед и вниз, в чернильные глубины. Где-то там лежит станция, оборудование которой превосходит самые последние образцы техники, а рядом с ней, под песком на морском дне, таится еще что-то, совершенно неизвестное.

Словно догадавшись, о чем думает Крейн, Ричардсон достал сбоку от своего сиденья какой-то предмет и передал Крейну.

— Доктор Ашер просил меня отдать вам. Сказал, что это может вас заинтересовать, пока мы погружаемся.

Это оказался большой голубой конверт, тщательно запечатанный в двух местах, с многочисленными штампами:

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.

ТОЛЬКО ДЛЯ ЧТЕНИЯ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ».

В одном углу имелся правительственный штамп и мелко напечатанный текст, грозивший страшными карами тому, кто осмелится нарушить секретность.

Крейн повертел конверт в руках. Теперь, когда момент настал, у него появилось странное нежелание узнавать, в чем дело. Крейн еще помедлил, а потом осторожно сломал печати и открыл конверт.

Ему на колени выпал ламинированный лист бумаги и небольшой буклет. Крейн взял лист и с любопытством на него посмотрел. Это оказалась схема не то военной базы, не то какого-то судна с названием «УР 10 — ЖИЛОЙ БЛОК (НИЖН.)». Он немного поглядел на него, а потом отложил и взялся за буклет.

На обложке стоял штамп «Свод правил секретных операций». Крейн пробежался по страницам, проглядывая многочисленные пункты и подпункты, а потом с шумом захлопнул буклет. Это что, Ашер так шутит? Крейн взял конверт и заглянул внутрь, собираясь отложить все в сторону.

И увидел сложенный листок, застрявший внутри. Крейн вытащил его, развернул и начал читать. Он читал, и вдруг у него в кончиках пальцев появился странный зуд, который стал распространяться дальше, пока не охватил все тело.

ВЫПИСКА ПРИЛАГАЕТСЯ

см. №СИП-10230а

*Краткий обзор:* Атлантида

1. Первое письменное упоминание

2. События, предшествовавшие погружению (гипотеза)

3. Дата погружения: 9500 г. до н. э.

*Источник:* Платон. Диалоги. «Тимей».

История сохранила упоминания о могущественной державе, которая без всяких оснований отправилась в поход против целой Европы. Государство располагалось на острове в Атлантическом океане; остров этот был больше, чем Ливия и Азия, вместе взятые, и с него можно было добраться до других островов, а уж оттуда — попасть и на сам противоположный континент, окружающий истинный океан.

На этом острове, Атлантиде, находилась великая и удивительная империя, правившая всем островом, а также рядом других и даже землями на ином континенте. Но потом случились страшные землетрясения и потопы, и за сутки стихийных бедствий остров Атлантида погрузился в бездонные глубины моря.

КОНЕЦ ВЫПИСКИ

Кроме этого короткого отрывка из Платона, на листке больше ничего не было. Но и этого было достаточно.

Крейн выпустил листок, и он плавно слетел к нему на колени — сам же доктор глядел в иллюминатор, но на самом деле смотрел в никуда. Вот так застенчиво Ашер сообщил, какие именно раскопки ведутся на глубине в две мили ниже поверхности моря.

Атлантида.

В это невозможно было поверить. Однако все сходилось — и секретность, и применение новейшего оборудования, и даже сумма расходов. Величайшая загадка человечества — процветающая цивилизация Атлантиды, подрубленная на корню мощнейшим катаклизмом. Мегаполис под морским дном... Кто были его обитатели? Какими секретами они обладали? И что за катастрофа обрушилась на их город?

Сидя неподвижно, Крейн ждал, пока спадет захлестнувшая его волна возбуждения. А она все не спадала.

Может, это сон, подумал он. Может быть, через насколько минут все кончится, он проснется и для него начнется очередной знойный день в Норт-Майами. Видение растает, и он окажется все в тех же жерновах, будет продолжать погоню за местом в каком-нибудь исследовательском проекте. Да, дело обстоит именно так. Потому что этого просто быть не может — погружение к древнему, давно забытому городу, где и он примет участие в самых сложных и значительных археологических раскопках в истории.

— Доктор Крейн…

Услышав голос Ричардсона, Крейн резко встал.

— Мы приближаемся к станции, — сообщил Ричардсон.

— Уже?

— Да, сэр.

Крейн глянул в иллюминатор. На глубине в две мили океан был илисто-черным, и наружное освещение помогало совсем мало. Однако наблюдалось какое-то странное рассеянное свечение, которое, в противоречие всякой логике, шло снизу, а не сверху. Крейн наклонился к стеклу, глянул вниз, и у него перехватило дыхание. Внизу, примерно в сотне футов под ними, лежал металлический купол, погрузивший края в морское дно. Примерно на половине его высоты виднелся ведущий внутрь круглый тоннель футов шести в поперечнике, словно жерло печи; остальная поверхность полусферы была гладкой и блестящей. Никаких опознавательных знаков купол не имел. Он походил на верхнюю часть огромного серебряного шара, торчащую из кучи песка. У дальнего края постройки, возле аварийного выхода, был ошвартован еще один батискаф — точно такой же, как тот, в котором сидел сейчас Крейн. На самой верхушке купола рос лесок датчиков и антенн связи, окружая массивный объект в форме перевернутой чайной чашки. По всей поверхности полусферы, словно самоцветы, сияли тысячи крохотных огоньков, помигивая под током воды глубоководных течений.

Под защитным куполом и лежал «Глубоководный шторм» — чудо из чудес самых современных технологий. А где-то под «Глубоководным штормом», столь же древняя, сколь новой была исследовательская станция, скрывалась неизвестная и многообещающая загадка Атлантиды.

Потрясенный Крейн осознал, что идиотски улыбается. Он посмотрел на Ричардсона. Старшина, глядя на него, улыбался в ответ.

— Добро пожаловать, сэр, — сказал он.

**4**

Кевин Линденгуд обдумал все самым тщательным образом. Он знал, что игра потенциально опасна. Но здесь главное — хорошая подготовка и контроль над ситуацией. А он хорошо подготовился и учел все, что только можно. Поэтому и беспокоиться не о чем.

Он облокотился на капот своего видавшего виды «тауруса», глядя, как по Бискайскому бульвару едут машины. Заправочная станция

располагалась на одной из самых оживленных улиц Майами. Более людное место, чем это, трудно и представить. А людное место означает безопасность.

Держа в руке шланг, он помедлил у воздушного насоса — притворялся, что проверяет давление в шинах. День стоял жаркий, с температурой далеко за тридцать градусов, но Линденгуду жара была по душе. На платформе «Сторм кинг» он повидал столько снега и льда, что хватит на несколько жизней. Хикс с его треклятым iPodом, хамоватый Уэрри… ни за что на свете не хотел бы он вернуться к этому, и если сегодня он правильно разыграет свою карту, то не придется.

Когда Линденгуд выпрямился над правым передним колесом, на станцию въехал черный «порше» и остановился в зоне обслуживания, всего в нескольких шагах от него. С трепетом — отчасти от возбуждения, отчасти от страха — Линденгуд увидел, как из машины выходит человек, которого он ждал. Мужчина был одет так, как требовал для этой встречи Линденгуд: в майку и пляжные шорты. Чтобы некуда было спрятать оружие.

Линденгуд глянул на часы. Семь часов; человек прибыл точно в назначенное время.

«Подготовка и контроль». Мужчина приближался к нему. На предыдущих встречах он сказал, что его зовут Уоллес, но фамилии ни разу не называл. Линденгуд был почти уверен, что и Уоллес — не настоящее имя. Уоллес был худощав, телосложением походил на пловца. Он носил толстые очки в черепаховой оправе и слегка прихрамывал при ходьбе, словно одна нога была немного короче другой. Линденгуд раньше в майке его не видел и сейчас развеселился, увидев бледную кожу Уоллеса. Похоже, большую часть своего времени парень проводит за компьютером или у телефона. Мужчина подошел, и Линденгуд произнес:

— Вы получили мое сообщение.

— И в чем дело?

— Думаю, нам будет удобнее разговаривать в моей машине, — ответил Линденгуд.

Мужчина немного постоял, словно раздумывая. Потом пожал плечами и сел на пассажирское сиденье.

Линденгуд обошел машину и сел за руль, позаботившись оставить дверь распахнутой настежь. В руке он по-прежнему держал шланг, помахивая им. Мужчина не собирался ничего предпринимать, по крайней мере здесь; а потом, он едва ли походил на атлета, но на крайний случай Линденгуд надеялся использовать воздушный шланг в качестве оружия.

И опять он напомнил себе, что этого не потребуется: он выполнит свою часть сделки и исчезнет. Уоллес не знает, где его найти, а уж Линденгуд ни за что ему не скажет.

— Вам уже заплатили, и заплатили хорошо, — тихо сказал Уоллес. — Ваша часть работы закончена.

— Да, конечно, — ответил Линденгуд, стараясь, чтобы его собственный голос звучал твердо и уверенно. — Дело в том, что теперь, когда мне известно о вашей, ммм, операции немного больше, я начинаю думать, что мне недоплатили.

— Ни о какой операции вы ничего знать не можете.

— Я думаю, что она совсем не одобряется законом. Послушайте, ведь это я вас нашел, не забыли?

Уоллес не ответил. Он просто смотрел на Линденгуда; лицо его было спокойным, почти умиротворенным. Компрессор сжатого воздуха на улице чихнул и снова обеспечивая заданное давление.

— Вам известно, что я был среди последних специалистов, покинувших «Сторм кинг», — продолжал Линденгуд. — Это произошло через неделю после того, как мы завершили наше дельце, и я сообщил вам последние сведения. А на платформе появились всякие типы из правительственных агентств, какие-то ученые. Тогда я и задумался. Происходило нечто серьезное, по-настоящему значительное, даже более важное, чем я думал. То, что вы заинтересовались моим товаром, означает: у ваших людей есть ресурсы... и глубокие карманы.

— К чему вы ведете? — спросил Уоллес.

Линденгуд облизал губы.

— Просто некоторым чиновникам будет любопытно узнать, что вы интересуетесь этой платформой.

— Вы что, угрожаете нам? — осведомился Уоллес.

Его тихий голос стал странно ласковым.

— Мне бы не хотелось пользоваться этим словом. Скажем, я бы хотел выправить дисбаланс. Ясно, что мое вознаграждение оказалось занижено. Да, это ведь я обнаружил странные показания приборов, зарегистрировал эту аномалию и сообщил о ней. Разве это ничего не значит? И я передал информацию вам — все данные, и по триангуляции тоже, и по телеметрии с глубоководного зонда. Все. И только я мог это сделать — у меня все было в руках. А больше никто ничего не знает.

— Никто, — повторил за ним Уоллес.

— Если бы не я, ваши люди никогда бы и не услышали о проекте. У вас не было бы никаких... как бы это выразиться... активов.

Уоллес снял очки и начал протирать их майкой.

— И сколько?

— Думаю, пятьдесят тысяч.

— И вы исчезнете навсегда?

Линденгуд кивнул.

— Вы никогда больше обо мне не услышите.

Уоллес ненадолго задумался, продолжая протирать очки.

— Мне потребуется день-два, чтобы собрать деньги. Нам придется встретиться еще раз.

— Два дня? Хорошо, — ответил Линденгуд. — Можем встретиться здесь в то же...

Договорить он не успел. Со скоростью нападающей змеи Уоллес выбросил правый кулак с выставленными согнутыми указательным и средним пальцами и ударил Линденгуда в солнечное сплетение. В животе у того вспыхнула парализующая боль. Линденгуд широко раскрыл рот, но не смог произнести ни звука. Он невольно наклонился вперед, пытаясь восстановить дыхание, и схватился руками за живот. Уоллес выбросил правую руку еще раз, схватил Линденгуда за волосы, пригибая его голову к сиденью и жестко выкручивая ее. Мучительно тараща глаза, Линденгуд увидел, как Уоллес, позабыв про очки, глянул вправо и влево, чтобы убедиться, что его действия остались незамеченными. Держа Линденгуда за волосы, он потянулся через него и закрыл водительскую дверь. Когда он выпрямился, Линденгуд увидел у него в руке шланг воздушного компрессора.

— А ты, друг мой, только что стал пассивом, — сказал Уоллес.

Линденгуд наконец обнаружил, что может говорить. Но как только он вдохнул воздуха, чтобы крикнуть, Уоллес сунул наконечник шланга ему в гортань.

Линденгуд затрясся, его душил рвотный рефлекс. Несмотря на то что Уоллес держал его, он рванулся, выдирая волосы. Не ослабляя хватку, Уоллес подтянул его к себе и мощным безжалостным движением вогнал шланг Линденгуду в глотку.

Кровь заполнила рот и горло, и Линденгуд испустил булькающий писк. Но тут Уоллес нажал на рукоятку, воздух с жутким напором хлынул из

шланга, и в груди Линденгуда взорвалась такая боль, которой он раньше не мог представить.

**5**

Голос из микрофона звучал немного высоковато, словно человек на том конце дышал гелием.

— Еще пять минут, доктор Крейн, и вы можете пройти в воздушный шлюз «С».

— Слава богу.

Питер Крейн спустил ноги с металлической скамьи, на которой дремал, потянулся и посмотрел на часы. Было четыре часа дня, но он решил, что раз станция похожа на подводную лодку, смена дня и ночи имеет мало значения.

Прошло уже шесть часов с тех пор, как он вышел из батискафа, осторожно вошел в двухкорпусную конструкцию станции и вступил в лабиринт воздушных шлюзов, известный под названием гипербарического комплекса. Все это время он бездельничал, дожидаясь окончания непривычного периода акклиматизации. Как медику, ему этот процесс был интересен: он не знал, какие мероприятия проводятся и какие технологии используются. Ашер по видеосвязи сказал ему только, что все это облегчает работу на больших глубинах. Наверное, они изменили состав атмосферы — уменьшили содержание азота и добавили какой-нибудь редкий газ. Но в любом случае это явно было значительным техническим достижением — одной из тех сверхсекретных технологий, из-за которых предпринято столько предосторожностей.

Каждые два часа бесплотный писклявый голос просил его пройти через очередной воздушный шлюз в следующее помещение. Все эти помещения были совершенно одинаковые — огромные, похожие на сауну кубы с рядами металлических скамеек. Отличались они друг от друга только цветом. Первая камера была защитного цвета, следующая — светло-голубого, а третья, как ни странно, оказалась красной. Прочитав краткую брошюру об Атлантиде, найденную в первой камере, Крейн проводил время в дремоте или листал толстый сборник стихов, который прихватил с собой. А еще Крейн думал. Прошло немало времени, а он лежал на скамейке, глядя в металлический потолок, на который давили несколько миль воды, и размышлял.

Он раздумывал о том, какой катаклизм мог погрузить город атлантов на такую глубину, и о самой погибшей цивилизации, столь могущественной прежде. Вряд ли этому помогли греки, финикийцы, минойцы или другие древние агрессоры, которых так любят историки.

Как было ясно из выписки, о цивилизации Атлантиды никто ничего толком не знал. Крейну показалось странным, что город был расположен так далеко на севере; в брошюре говорилось, что даже из первичных источников нельзя понять, где конкретно он находился. Сам Платон почти ничего не знал ни о гражданах, ни о жизни в этом городе. «Наверное, отчасти поэтому город так долго и не могли найти», — подумал Крейн.

Медленно тянулось время, но ощущение невероятного события не ослабевало. Крейну все это казалось чудом. Не потому, что все происходило так быстро, не потому, что проект оказался таким важным, а потому, что потребовалось участие непосредственно Крейна. Он не стал обсуждать это с Ашером по видеосвязи, но сам вовсе не был уверен, что проекту потребовалась именно его помощь. В конце концов, он не специализируется ни в гематологии, ни во флеботомии. «Кажется, у вас уникальная специализация — и врач, и бывший подводник, так что вы сможете вылечить такие недомогания». Да, верно, он имел немалый опыт в обращении с теми, кто жил под водой, но были и другие доктора, которые могли бы заявить то же самое.

Крейн еще раз потянулся и пожал плечами. Скоро он узнает истинную причину. А потом, не так уж это и важно, ведь одно то, что он сюда попал, — настоящая удача. Интересно, какие артефакты — странные, удивительные — уже были обнаружены, что за древние секреты раскрыты?

Раздался громкий лязг, и люк в дальней стене открылся.

— Пожалуйста, пройдите через шлюз в коридор, — произнес все тот же голос.

Крейн так и сделал и оказался в тускло освещенном цилиндрическом проходе длиной футов в двадцать. В противоположной стене был еще один люк, закрытый. Крейн остановился, дожидаясь, пока его откроют. Однако вместо этого с таким же громким лязгом закрылся люк у него за спиной. Давление воздуха упало, да так резко, что у Крейна заболели уши. Наконец открылся люк впереди, и в проход хлынул желтый свет. В проеме стоял человек, приветственно протягивая руку. Крейн вышел в следующее помещение и узнал загорелое лицо Говарда Ашера.

— Доктор Крейн! — Ашер дружески улыбнулся. — Добро пожаловать на станцию.

— Спасибо, — ответил Крейн. — Я уже немало времени здесь провел.

Ашер усмехнулся.

— Мы хотели поставить в компрессионных камерах DVD-плееры, чтобы помочь людям скоротать время акклиматизации. Но сейчас, когда

станция полностью укомплектована персоналом, в этом нет смысла. А гостей мы не ждем. Как вам материал для чтения?

— Невероятно! Неужели вы и вправду обнаружили…

Но Ашер приложил палец к губам, подмигнул и заговорщицки улыбнулся.

— Да, это правда. И реальность даже более фантастична, чем вы можете себе представить. Но лучше по порядку. Давайте сначала я покажу вам, где вы будете жить. Дорога была долгой, и, думаю, вы захотите привести себя в порядок.

Крейн отдал Ашеру одну из своих сумок.

— Мне бы хотелось больше узнать о процессе акклиматизации.

— Конечно, конечно. Сюда, Питер. Я уже спрашивал, можно ли называть вас Питером?

Еще раз улыбнувшись, он повел Крейна дальше.

Крейн с любопытством смотрел по сторонам. Они находились в квадратном вестибюле с низким потолком, где с двух сторон тянулись окна с затемненными стеклами. В одном из окон сидели за пультом управления два техника и смотрели на Крейна. Один из них приветственно помахал рукой.

Белый коридор, начинавшийся в конце вестибюля, вел на верхний этаж станции. Ашер уже шел по коридору, повесив сумку на плечо, и Крейн прибавил шаг, чтобы догнать его. Коридор, конечно, был узок, но не настолько, как ожидал Крейн. Неожиданным оказалось и освещение: мягкое и не очень яркое, совсем не похожее на холодное флуоресцентное освещение на борту подводных лодок. Воздух тоже был удивительный: теплый и приятно влажный. Ощущался какой-то запах, который Крейн никак не мог определить, что-то медное, металлическое. Интересно, подумал он, может быть, это так работают системы кондиционирования?

По дороге они миновали несколько закрытых дверей, таких же белых, как и стены коридора. На некоторых были написаны имена, на других были какие-то сокращения наподобие «ЭЛЕКТР. ЭКСПЛ.» или «ПОДСТАН. II». Рабочий, молодой человек в комбинезоне, как раз открыл одну такую дверь, когда они проходили мимо. Он кивнул Ашеру, с любопытством глянул на Крейна, вышел и направился в противоположную сторону, в вестибюль. Заглянув внутрь, Крейн увидел комнату, забитую укрепленными на стеллажах серверами, а также небольшие джунгли сетевого оборудования.

Когда дверь снова закрылась, Крейн осознал, что она вовсе не выкрашена в белый цвет. И двери, и стены были сделаны из какого-то необычного искусственного материала, который, похоже, принимал цвет окружения — в данном случае освещения в коридоре. Крейн увидел собственное призрачное отражение на двери и размытые очертания своей фигуры какого-то странного платинового оттенка.

— Что это за материал? — спросил он.

— Недавно разработанный сплав. Легкий, химически пассивный, очень прочный.

Они дошли до пересечения с другим коридором, и Ашер повернул налево. По видеоизображению Крейн решил, что начальнику научного отдела Океанографической службы должно быть под семьдесят, но тот оказался лет на десять моложе. Морщины были не от возраста, как думал сначала Крейн, а оттого, что Ашер провел много времени в море. Шагал он быстро и нес тяжелую сумку Крейна так, словно она ничего не весила. Впрочем, несмотря на явно хорошую форму, ученый прижимал левую руку к телу.

— Верхние уровни станции — просто муравейник, состоящий из кабинетов и жилых комнат, и поначалу ориентироваться в них трудно, — заметил Ашер. — Если потеряетесь, обращайтесь к планам, вывешенным на пересечениях главных коридоров.

Крейну не терпелось больше узнать о медицинских аспектах работы, а также о самих раскопках, но он решил предоставить Ашеру выбор темы для разговора.

— Расскажите мне про станцию, — попросил он.

— Двенадцать уровней в высоту, ровно сто восемьдесят метров в длину. Основание заглублено в материнскую породу морского дна, а сверху ее закрывает титановый купол, который мы устанавливали прямо на месте.

— Я видел купол, когда мы подходили. Грандиозное сооружение.

— Так и есть. Станция сидит под ним, как горошина в стручке, а пространство между ними полностью герметично. Купол плюс наш собственный корпус — между нами и океаном два слоя металла. Да и металл непростой: обшивка станции сделана из HY250, нового сорта стали, используемой для аэрокосмических проектов, с вязкостью разрушения выше двадцати тысяч футо-фунтов и пределом текучести порядка трехсот тысяч фунтов на квадратный дюйм.

— Я заметил, что на поверхности есть отверстие, ведущее внутрь, — произнес Крейн. — Зачем это?

— Вы, наверное, говорите о компенсаторах давления. Их два, по одному на каждой стороне. Принимая во внимание давление на этой глубине, самой лучшей формой была бы сфера. Купол же представляет собой полусферу, и эти две трубы, открытые океану, помогают уравновесить давление. Они также прикрепляют станцию к куполу. Думаю, умные головы, которые сидят на седьмом уровне, все объяснят более подробно.

Второй коридор, по которому они сейчас шагали, напоминал первый — трубы и кабели на потолке, закрытые двери с загадочными надписями.

— И еще я заметил в верхней части купола странный объект в форме чаши, футов тридцать в поперечнике, — продолжал Крейн.

— А, да. Это аварийная спасательная капсула. Просто на случай, если кто-то ненароком вытащит пробку.

Сказав это, Ашер засмеялся — легко, заразительно.

— Извините, не могу не спросить. Купол вокруг нас не такой уж и маленький. Наверняка иностранные правительства уже интересовались?

— Конечно. Мы тщательно подготовили кампанию по дезинформации, якобы здесь затонула сверхсекретная исследовательская субмарина. Все думают, что мы проводим операцию подъема. Но это не останавливает русских или китайцев — какая-нибудь их подводная лодка нет-нет да и пройдет мимо, что, конечно, сильно нервирует наших военных.

Они прошли мимо двери, возле которой был укреплен сканер сетчатки глаза; там же стоял пост — два моряка, вооруженные винтовками. Ашер не стал ничего объяснять, а Крейн ничего не спросил.

— Сейчас мы на двенадцатой палубе, — рассказывал Ашер. — Здесь в основном вспомогательные службы, работающие на всю станцию. Одиннадцатая и десятая палубы заняты жилыми помещениями, там же располагается и спортивный комплекс. Вы, кстати, будете жить на десятой палубе. Ванную будете делить с Роджером Корбеттом, военным психологом. Большинство ванных рассчитано на две комнаты — как вы понимаете, место мы должны экономить. Штат у нас полностью укомплектован, а вы — неожиданное пополнение.

Он остановился перед лифтом и нажал кнопку.

— Девятая — палуба снабжения. Медпункт, где вы будете работать, тоже там. На восьмой палубе административные помещения и исследовательские лаборатории.

Раздался тихий сигнал, и двери лифта с легким шуршанием открылись. Ашер жестом пригласил Крейна войти и последовал за ним.

Лифт был сделан из того же необычного материала, что и коридор. На панели имелось шесть кнопок без всяких обозначений. Ашер нажал третью сверху, и лифт поехал вниз.

— О чем я? А, да. Седьмая палуба — научный отдел. Там компьютерный центр и всевозможные лаборатории.

Крейн покачал головой.

— Невероятно.

Ашер просиял, словно станция была его собственностью, а не правительственным учреждением.

— Я не упомянул, наверное, сотню подробностей, которые вы узнаете сами. Тут есть три кают-компании, камбузы при которых готовят самую изысканную еду. Полдесятка залов для отдыха, удобные комнаты для трехсот с лишним человек. В общем, Питер, мы — небольшой город в двух милях под поверхностью океана, вдали от любопытных глаз.

— «На ложе океана, без пригляда...» — процитировал Крейн.

Ашер с любопытством на него посмотрел, неопределенно улыбаясь.

— Это ведь Эндрю Марвел?[2]

Крейн кивнул.

— Да, «Бермуды».

— Только не говорите, что любите читать стихи.

— Почитываю. Приобрел такую привычку, когда служил на лодках. Это мой скрытый порок.

Улыбка на обветренном лице Ашера стала шире.

— Питер, вы мне нравитесь.

Прозвучал сигнал, и двери открылись в новый коридор, на этот раз более широкий и оживленный. Выглянув, Крейн очень удивился — жилая зона была оформлена очень красиво. На полу лежал элегантный ковер, а на оклеенных обоями стенах — о чудо! — висели написанные маслом картины в рамах, совсем как в вестибюле роскошного отеля. Мимо, болтая друг с другом, шагали люди в форме или в лабораторной одежде. У каждого на воротнике или на кармане рубашки был прикреплен бейдж с индивидуальным номером.

— Да, станция — просто чудо техники, — продолжал Ашер. — Нам очень повезло, что мы здесь работаем. Ну вот, это и есть десятая палуба. Я сейчас покажу вам вашу комнату. У вас есть какие-нибудь вопросы?

— Всего один. Вы сказали, что палуб двенадцать. Но перечислили только шесть. И в лифте только шесть кнопок. — Крейн указал на панель. — А что на остальных уровнях?

— А-а… — Ашер замялся. — Нижние шесть этажей засекречены.

— Засекречены?

Ученый кивнул.

— Но почему? Что там?

— Простите, Питер, хотел бы рассказать вам, но не могу.

— Не понимаю. Почему?

Но Ашер не ответил. Вместо этого он еще раз улыбнулся — наполовину огорченно, наполовину лукаво.

**6**

Если жилая зона станции напомнила Крейну дорогой отель, то девятая палуба, как ему показалось, имела много общего с круизным лайнером.

Ашер дал ему час, чтобы принять душ и разложить вещи, а потом появился снова; он обещал отвести Крейна в медицинский пункт.

— Пора вам познакомиться с коллегами.

По дороге они зашли на девятую палубу, официально названную палубой снабжения.

Но название никак не могло передать реальную обстановку. Ашер быстро провел Крейна мимо зрительного зала на сотню мест и обширной библиотеки и вывел на широкий перекресток, где жизнь била ключом. Из помещения, очень напоминавшего кафе на каком-нибудь бульваре, доносилась негромкая музыка. Дальше Крейн разглядел пиццерию, а рядом — небольшой садик со скамейками вокруг. Все было немного уменьшено, сжато, чтобы поместиться в ограниченном пространстве станции, но исполнено это было столь мастерски, что ни теснота, ни большое количество людей не мешали.

— У девятой палубы нестандартная планировка, — говорил Ашер. — Все помещения располагаются вдоль двух перпендикулярных друг другу коридоров. Их пересечение персонал прозвал Таймс-сквер.

Крейн присвистнул.

— Еще бы.

— Центр мультимедиа и прачечная — вон там. А здесь — магазины военно-торговой службы.

Ашер указал на витрины, которые подошли бы скорее дорогому универмагу, а уж никак не гарнизонному магазину.

Крейн разглядывал небольшие группки сотрудников вокруг — те болтали, попивали кофе за столиками, читали книги, что-то печатали на ноутбуках. Некоторые были в форме, но большинство носило гражданскую одежду или лабораторные костюмы. Крейн покачал головой. Почти невозможно представить — ведь над головами у них пара миль морской воды!

— Не могу поверить, что военные ухитрились такое построить! — воскликнул он.

Ашер ухмыльнулся.

— Вряд ли заказчик имел в виду именно это. Но не забывайте, что работа здесь продлится не один месяц. А может, несколько лет, и уезжать отсюда на отдых — дело дорогостоящее, допустимое только в самом крайнем случае. В отличие от вас большинство сотрудников не имеют никакого опыта работы и жизни на подводных лодках. Наши ученые не привыкли обитать в стальных ящиках без окон и дверей, и мы стараемся, как можем, чтобы сделать их жизнь сносной.

Крейн, вдыхая запах свежемолотого кофе, донесшийся из кафе, решил, что жизнь здесь вполне можно вынести.

За крошечным садиком Крейн разглядел огромный дисплей, наверное, футов десять на десять, перед которым стояли несколько скамеек. Присмотревшись, он понял, что это, скорее, собранный из небольших экранов блок, настроенный так, чтобы давать одну картинку. Картинка являла собой изображение тусклых зелено-черных морских глубин. Проплывали странные, словно не из этого мира рыбы: необычные угри, громадные медузы, похожие на воздушный шар рыбы с одиноким огоньком, висящим на усике над головой. Крейн узнал кое-какие виды — саблезуб, морской черт, рыба-гадюка.

— Это что, вид снаружи? — спросил он.

— Да, с камеры на куполе. — Ашер обвел рукой небольшую площадь. — Многие сотрудники проводят здесь свободное время: отдыхают в библиотеке или смотрят фильмы в мультимедиа-центре. Спортивный центр на десятом уровне тоже пользуется большой популярностью. Напомните мне, чтобы я показал, где он. Да, нам надо вживить вам чип.

— Чип?

— Ну да, радиочип.

— Для контроля? Это обязательно?

— Здесь очень строгие меры безопасности. Боюсь, да.

— А это не больно? — Крейн шутил только наполовину.

Ашер усмехнулся.

— Чип размером с зернышко риса имплантируется под кожу. Ну а теперь в медпункт. Мишель и Роджер уже ждут. Это здесь, в конце коридора.

Ашер указал правой рукой вдоль одного из широких коридоров. В самом конце, за военными магазинами, кафе и еще полудесятком других входов Крейн увидел двойные двери из матового стекла с красными крестами.

Он еще раз обратил внимание, что Ашер держит левую руку, бережно прижимая к боку.

— Что у вас с рукой? — спросил он, когда они шли по коридору.

— Сосудистая недостаточность, — небрежно ответил Ашер.

Крейн нахмурился.

— Очень болит?

— Нет-нет. Просто надо соблюдать осторожность.

— Еще бы. И давно это у вас?

— Чуть больше года. Доктор Бишоп назначила мне кумадин, а потом, я регулярно занимаюсь спортом. Тут у нас в спортивном комплексе хорошие корты для сквоша.

Ашер поспешил дальше по коридору, явно желая сменить тему. Крейн же подумал, что если бы Ашер не был руководителем группы ученых, то по состоянию здоровья явно остался бы на берегу.

Медицинский пункт, как и другие помещения станции из тех, что Крейну довелось увидеть, был тщательно спроектирован — так, чтобы вместить в ограниченное пространство как можно больше, не создавая ощущения тесноты. В отличие от обычных больничных помещений свет был рассеянный и даже приятный, и отовсюду и в то же время из ниоткуда раздавалась классическая музыка: звучали духовые инструменты. Ашер повел его через приемную, на ходу кивнув регистратору за стойкой.

— Как и все прочие службы станции, медицинский пункт оборудован по самому последнему слову техники, — произнес Ашер, ведя Крейна мимо регистратуры по коридору, покрытому ковровой дорожкой. — Кроме врача у нас четыре медсестры, три интерна, врач-диагност, диетолог и

два специалиста по лабораторным исследованиям. Полностью укомплектованное подразделение скорой помощи. Оборудование позволяет проводить любые обследования, какие вы только можете себе представить, начиная от простой рентгеноскопии до полного обследования всего тела. Кроме того, есть и отлично оборудованная патологоанатомическая лаборатория на седьмой палубе.

— А сколько коек в стационаре?

— Сорок восемь, и их количество можно удвоить, если возникнет необходимость. Давайте надеяться, что этого не случится. Пока у нас ничего такого не было. — Ашер остановился у двери с табличкой «КОНФЕРЕНЦ-ЗАЛ № 2». — Ну вот мы и пришли.

Конференц-зал был невелик и освещен еще более тускло, чем приемная. На одной стене висел большой экран для видеоконференций, а на остальных — картины природы и морские пейзажи. Почти все помещение занимал большой круглый стол. У дальнего края сидели два человека, мужчина и женщина. Под белыми лабораторными халатами на обоих была военная форма.

Крейн вошел, и мужчина невысокого роста с редкими волосами мышиного цвета и водянистыми голубыми глазами вскочил со своего места.

— Роджер Корбетт, — сказал он, потянувшись через стол, чтобы пожать Крейну руку.

У него была небольшая, аккуратно подстриженная бородка того типа, который так любят интерны-психиатры.

— А, вы психолог, — произнес Крейн, обмениваясь рукопожатием. — Я ваш новый сосед.

— Я так и понял.

Голос у Корбетта оказался удивительно низкий для его роста, и говорил он медленно и размеренно, словно взвешивая каждое слово. На носу у него сидели круглые очки в серебристой оправе.

— Простите, что нарушаю ваш домашний распорядок.

— Ничего. Особенно если вы не храпите.

— Не обещаю. Лучше держать дверь закрытой.

Корбетт рассмеялся.

— А это Мишель Бишоп, — произнес Ашер, указывая на женщину, по-прежнему сидящую за столом. — Доктор Бишоп, это Питер Крейн.

Доктор Бишоп кивнула.

— Очень приятно.

— Взаимно.

Молодая женщина с темно-русыми волосами была стройной и высокой — настолько, насколько был невелик ростом Корбетт; у нее оказался пристальный взгляд. Она была привлекательна, но не более того. Крейн решил, что это она — главный врач на станции. «Интересно, что она не встала и не подала руки», — подумал Крейн.

— Присаживайтесь, доктор Крейн, — пригласил Корбетт, возвращаясь на свое место.

— Называйте меня Питером.

Ашер улыбался, глядя на всех по очереди, словно гордый отец.

— Питер, оставляю вас на любезном попечении этих двоих. Они введут вас в курс дела. Мишель, Роджер, я загляну к вам позже.

Ашер подмигнул присутствующим и вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

— Выпьете что-нибудь, Питер? — спросил Корбетт.

— Нет, спасибо.

— Может, хотите перекусить?

— Нет, не волнуйтесь, ничего не хочу. Чем раньше мы займемся медицинской проблемой, тем лучше.

Корбетт и Бишоп обменялись взглядами.

— Видите ли, доктор Крейн, — заговорила Бишоп, — это не проблема, а проблемы.

— Да? Что ж, я не удивлен. В конце концов, если мы имеем дело с кессонной болезнью, у нее бывают самые разные проявления.

Кессонная болезнь была так названа потому, что впервые ее открыли в середине девятнадцатого века среди людей, работавших в условиях повышенного давления. Случаи наблюдались в первом кессоне, вырытом под Ист-Ривер в Нью-Йорке при строительстве Бруклинского моста. Если рабочие после пребывания в условиях повышенного давления выходили из кессона на воздух слишком быстро, в их кровеносных сосудах образовывались пузырьки азота. Помимо других симптомов, это причиняло сильную боль в руках и ногах. Часто пострадавшие сгибались пополам от боли, и синдром получил довольно

саркастическое название «греческий наклон». Позднее термин сократился до «наклона». Принимая во внимание глубину, на которой работала экспедиция, и саму природу раскопок под Атлантикой, Крейн был уверен, что без кессонной болезни тут не обошлось.

— Думаю, у вас есть гипербарическая кислородная камера или какое-нибудь другое декомпрессионное оборудование, которое вы используете для лечения пострадавших? — спросил он. — Когда мы закончим, я, если вы не возражаете, хотел бы сам с ними поговорить.

— Знаете, доктор, — довольно сухо сказала Бишоп, — мы добьемся большего успеха, если вы позволите мне описать симптомы, а не будете сами строить предположения.

Крейн удивился. Он посмотрел на женщину, не понимая, почему она так резко ответила.

— Извините, если я слишком увлекся. Я проделал долгий путь, и мне очень интересно. Рассказывайте.

— Недели две назад мы отметили, что начались кое-какие проблемы. Сначала скорее психологического свойства, а не физиологического. Роджер, как психолог станции, отметил, что выросло число обращений.

Крейн глянул на Корбетта.

— Какого рода?

— Некоторые люди жаловались на нарушения сна, — ответил Корбетт. — Другие просто говорили о недомогании. Было несколько случаев пищевых расстройств. Самая распространенная жалоба звучала так: люди не могли сосредоточиться на своей работе.

— А несколько дней назад начались физиологические проблемы, — подхватила Бишоп. — Запоры. Тошнота. Неврастения.

— Люди здесь, наверное, работают в две смены, — заметил Крейн. — Неудивительно, что они чувствуют усталость.

— Еще были жалобы на нервные тики и мышечные спазмы.

— Тики? — переспросил Крейн. — И никакой боли?

Бишоп посмотрела на него с укором, словно желая сказать: «Я бы не стала ничего утаивать».

— Это не вяжется с кессонной болезнью, — продолжал Крейн. — По крайней мере, я о таком не слышал. Но я не понимаю, чем вы встревожены. Проблемы концентрации внимания, запоры, тошнота… все это неспецифические жалобы. Может быть, это просто стресс,

вызванный работой. Ведь, в конце концов, люди находятся в необычных условиях и решают необычные задачи.

— Я еще не закончила, — возразила Бишоп. — На этой неделе ситуация ухудшилась. Три случая аритмии у людей, которые не страдали сердечными заболеваниями. У одной женщины — двусторонняя слабость мышц ладоней и лица. И еще два человека перенесли, как выяснилось, переходящее ишемическое нарушение.

— Неужели? — удивился Крейн. — Насколько тяжелое?

— Частичный паралич, неразборчивая речь. В обоих случаях это длилось меньше суток.

— А возраст?

— Около тридцати лет.

— Да? — Крейн нахмурился. — Для инсульта очень молодой возраст. Значит, два инсульта. Неврологические исследования проводились?

— Обижаете, доктор. Конечно. Неконтрастная томография черепа, ЭКГ, чтобы выявить побудительные причины для кардиоэмболических симптомов, ну и так далее. На станции нет прибора для снятия энцефалограммы, которую, как вы, без сомнения, знаете, делают в случаях приступов или комы, но, так или иначе, в этом не было необходимости. Все шло совершенно нормально.

Она снова говорила с некоторой резкостью.

«А она ревнива, — подумал Крейн. — Это ее территория, и она не хочет, чтобы я туда заходил».

— Но, — сказал он вслух, — это первый симптом дисбаризма, о котором я сегодня услышал.

— Дисбаризма? — переспросил Корбетт, моргнув глазами в круглых очках.

— Декомпрессионной болезни. Кессонной болезни.

Бишоп вздохнула.

— Видите ли, я уверена, что кессонная болезнь здесь абсолютно ни при чем.

— Почему? Я считал…

Крейн замолчал. Он подумал, что Ашер так и не сказал ему, в чем же все-таки дело. Принимая во внимание особенности станции «Глубоководный шторм», сам Крейн решил, что это кессонная болезнь.

Но сейчас ему пришло в голову, что с выводами он, возможно, поторопился.

— Извините, — продолжал он, помедлив. — Никакие могу понять, зачем же вы тогда меня пригласили.

— Это Говард Ашер вас пригласил, — сказала Бишоп и впервые улыбнулась.

В комнате ненадолго воцарилось молчание.

— Вы смогли выявить какие-нибудь закономерности? — спросил наконец Крейн. — Может быть, пострадавшие работают на одной палубе или в одной зоне станции?

Бишоп покачала головой.

— Обращались пациенты со всех уровней и из всех основных зон.

— Значит, общего нет ничего. Нет и одинаковых жалоб. Мне кажется, это просто совпадение. Сколько всего человек вы приняли?

— Мы с Роджером, пока ждали вас, подсчитали. — Бишоп вытащила листок бумаги из кармана лабораторного халата и посмотрела в записи. — Станция работает примерно пять месяцев. В среднем к психологу и медикам обращались двенадцать-пятнадцать больных в неделю. Ничего серьезнее фарингита у нас раньше не было. Но когда это началось, мы приняли сто три пациента.

Крейн был потрясен.

— Сто три? Господи, да это…

— Больше чем четверть населения станции, доктор. Слишком много, чтобы быть простым совпадением.

И с почти триумфальным видом она убрала листок в карман.

## 7

Крейн стоял в своей комнате на десятой палубе, задумчиво потирая подбородок. Было тихо. В неярко освещенной каюте, маленькой, как и все остальные помещения станции, помещались узкая койка, два стула, стенной шкаф для одежды и стол с терминалом, подключенным к центральной сети станции. На стене висел аппарат местной связи: Крейн мог вызвать медпункт или позвонить в боулинг-зал и забронировать дорожку, а то и заказать пиццу с Таймс-сквер. Голубые стены украшал лишь большой плоский телевизор.

Обе двери в комнате были из того же странного материала платинового цвета, как и многое на станции, но тут они вдобавок имели окантовку из

светлого дерева. Одна дверь вела в коридор, а другая в ванную, которую он делил с Роджером Корбеттом. Психолог предложил пообедать в «Верхушке» — так прозаично называлась кают-компания на одиннадцатой палубе. Крейн ответил, что придет прямо туда. Сначала ему хотелось немного побыть одному.

На столе лежал запечатанный конверт, на котором было имя доктора и штрих-код. Крейн взял его, ногтем сломал печать и высыпал содержимое на стол. Оттуда выпал большой бейдж с прищепкой для кармана и магнитной полосой, флэшка на шнуре, очередной экземпляр брошюры «Свод правил секретных операций», двухстраничный список книг по Атлантиде — все можно было взять в библиотеке или скачать себе на терминал — и конверт с паролями для выхода в общую сеть и на сервер медпункта.

Крейн повесил шнурок на шею, прицепил бейдж к карману. Потом присел за стол и посмотрел на пустой экран.

Наконец, вздохнув, он включил компьютер и ввел временный пароль, прервавшись, чтобы потереть точку на предплечье, куда несколько минут назад был вживлен радиочип. Открыв текстовый редактор, Крейн начал печатать.

«Неспецифические симптомы:

физиологические — и неврологические? — дефициты психологические — отделение/разделение

Проверить клинические записи

Поискать похожие случаи?

Атмосфера / окр. среда?

Отравление: систематическое или общее?

Ранее существовавшие условия?»

Он отодвинулся от стола и посмотрел на экран. «Кессонная болезнь? Избыток азота?» — спрашивал он Ашера с платформы «Сторм кинг». «Скорее первое, чем последнее», — был ответ. Только сейчас Крейн начал понимать, насколько уклончиво говорил с ним ученый. Доктор Ашер, каким бы открытым и дружелюбным ни выглядел, ухитрился не сказать ничего.

Это было неприятно, даже немного тревожило. И только в одном случае не имело значения. Крейн начал наконец понимать, почему Ашер хотел, чтобы приехал именно он…

— Ну что, проясняется? — раздался голос у него за плечом.

Крейн чуть не выпрыгнул из кресла. Он с бьющимся сердцем оглянулся, и глазам его предстало удивительное зрелище.

В комнате стоял старик в полинялом комбинезоне. Взгляд его был пронзителен, а надо лбом, как у Эйнштейна, торчала копна седых волос. Незнакомец оказался невысокого роста, не более пяти футов, и очень худой. Сначала Крейн подумал, уж не пришел ли его гость, чтобы починить что-нибудь. Дверь по-прежнему оставалась закрытой. Крейн не слышал ни стука, ни других звуков, словно человек материализовался из воздуха.

— Простите?

Мужчина посмотрел на дисплей через плечо Крейна.

— Ну и ну. Так мало слов, так много вопросов.

Одним нажатием клавиши Крейн очистил экран.

— Не помню, чтобы мы знакомились, — сухо сказал он.

Старик рассмеялся высоким мелодичным смехом, похожим на щебет птицы.

— Да, я и пришел познакомиться. Я узнал, что на станции появился доктор Крейн, и заинтересовался. — Он протянул руку. — Флайт.

— Рад познакомиться.

Повисло неловкое молчание, и Крейн задал нейтральный вежливый вопрос:

— Чем вы здесь занимаетесь, доктор Флайт?

— Автономными механическими системами.

— А что это?

— Сразу видно новичка. Станция — как город на Диком Западе, и если вы, как и я, любите вестерны, то не советую задавать два вопроса: «Откуда вы?» и «Зачем вы здесь?» — Флайт помолчал. — Достаточно сказать, что я незаменим — скорее, к сожалению. И моя деятельность имеет высшую степень секретности.

— Очень интересно, — беспомощно сказал Крейн, не найдя лучшего ответа.

— Вы так считаете? У меня другое мнение. Нет ничего хорошего, доктор Крейн, в работе νὐμε εος όαίρω.

Крейн моргнул.

— Простите?

— О господи, еще один! — Флайт возвел глаза к небу. — Неужели никто больше не знает родного языка? А ведь были времена, когда древнегреческий звучал на всех устах. — Он погрозил Крейну пальцем. — «Океан, прародитель богов». Гомер, изволите ли видеть, был моим соотечественником. Вам бы не помешало прочесть его.

Крейн подавил желание посмотреть на часы. Роджер Корбетт ждет его в кают-компании.

— Был рад познакомиться...

— Взаимно, — перебил Флайт. — Я великий почитатель всех, кто практикует благородное искусство.

Незваный гость начал раздражать Крейна. Он даже удивился, что человек, подобный Флайту, мог пройти отбор, который проходили все допущенные к работе на станции. Крейн понадеялся, что Флайт не доставит особого беспокойства. Лучше всего, решил он, прекратить любую воображаемую дружбу сразу.

— Доктор Флайт, думаю, у вас впереди напряженный рабочий день, как и у меня...

— Ничего подобного! У меня столько времени, сколько мне нужно... сейчас. Вот когда возобновят проходку, тогда я со своими умениями могу понадобиться.

Он вытянул руки и пошевелил пальцами, словно пианист перед концертом. Затем гость обвел комнату горящим взглядом и заметил открытую сумку.

— Что тут у нас? — произнес он, наклоняясь и вынимая несколько книжек, выглядывавших из сумки. Сверху лежала антология поэзии двадцатого века. — Зачем это? — почти сурово вопросил Флайт.

— А что такое? — Крейн почувствовал досаду. — Это сборник стихов.

— У меня нет времени на современную поэзию, и у тебя не должно быть. Я же сказал: читай Гомера.

Мужчина бросил книгу в сумку и глянул на другой том: «Число „пи“, его история и загадка».

— Ага! А это что?

— Это книга об иррациональных числах.

Гость рассмеялся своим высоким мелодичным смехом и кивнул.

— И точно! Да как уместно!

— Уместно для чего?

Флайт с удивлением посмотрел на Крейна.

— Иррациональные числа! Разве не понятно?

— Нет. Непонятно.

— Да ведь это так очевидно. Среди тех, кто здесь работает, немало людей иррациональных. Если еще нет, боюсь, скоро иррациональными станем мы все. — Он вытянул тощий указательный палец и постучал по груди Крейна. — Вот почему тебя пригласили. Потому что сломалось.

— Что сломалось? — спросил Крейн.

— Все сломалось, — повторил Флайт тревожным шепотом. — Или скоро сломается.

Крейн нахмурился.

— Мистер Флайт, если вы не возражаете…

Старик вытянул руку. Кажется, его внезапная тревога прошла; узловатым пальцем он упирался Крейну в грудь.

— С тобой это еще не случилось, но у нас много общего.

Он многозначительно замолчал.

Крейн сглотнул. Он не собирался спрашивать, о чем идет речь. Но похоже, Флайту помощь в разговоре была не нужна. Он подался вперед, словно собираясь сообщить какой-то секрет.

— Наши имена. Крейн. Флайт. Понимаешь?

Крейн вздохнул.

— Не обижайтесь, но вынужден попросить вас уйти. У меня назначена встреча, на которую я уже опоздал.

Щуплый старик склонил голову набок и схватил Крейна за руку.

— Очень рад был знакомству, доктор Крейн. Как я сказал, у нас есть кое-что общее. И нам надо держаться вместе.

Подмигнув на прощание, он торопливо вышел, оставив дверь открытой. Через секунду Крейн с любопытством выглянул в коридор. Там не было и следа чудного старика, словно он и не приходил.

Говард Ашер сидел за столом в своем тесном кабинете на восьмом уровне и внимательно смотрел на компьютерный экран. Свет от плоского монитора окрашивал его седые волосы в странный, какой-то неземной голубой цвет.

Позади стоял металлический шкаф, битком набитый руководствами по эксплуатации и учебниками по океанографии и биологии моря, среди которых затесались несколько потрепанных поэтических сборников. Над шкафом висели в рамках гравюры — репродукции эскизов Пиранези,[3] взятых из «Видов Рима».

В другом шкафу, поменьше, со стеклянными дверцами, хранилось собрание морских редкостей: окаменелая латимерия, щербатый гандшпуг[4] со старого клипера, зуб плащеносной акулы, ведущей исключительно отшельнический образ жизни.

Ни крошечный размер кабинета, ни эклектичные коллекции никак не могли служить свидетельством того, что владелец занимал пост руководителя отдела научных исследований Национальной океанографической службы.

Сквозь закрытую дверь послышался тихий звук приближающихся шагов. В стеклянном окошечке двери появилось лицо. Обернувшись, Ашер узнал рыжие волосы и веснушчатые скулы Пола Истона, одного из морских геологов, занятых в проекте.

Ашер повернулся на стуле, потянулся и открыл дверь.

— Пол! Рад тебя видеть.

Истон вошел, закрыл за собой дверь.

— Надеюсь, что зашел к вам вовремя, сэр.

— Сколько говорить тебе, Пол? Меня зовут Говард. На станции мы все называем друг друга по именам. Только не передавай адмиралу Спартану, что я тебе это сказал! — рассмеялся Ашер.

Истон, однако, смеяться не стал.

Ашер внимательно на него посмотрел. Истон, обычно озорной парень, любитель розыгрышей и совершенно неприличных стишков, сегодня хмурился, выражение молодого лица было мрачным. Даже больше — встревоженным.

Ашер махнул рукой в сторону единственного свободного стула.

— Садись, Пол, и расскажи, что тебя беспокоит.

Истон тут же сел, но по-прежнему молчал. Вместо этого он поднял руку к шее и начал осторожно ее тереть.

— Что-то случилось, сынок? — спросил Ашер.

— Не знаю, — сказал Истон. — Наверное.

Он все еще потирал шею. Каждому, кто работал в секретной зоне станции, был вживлен микрочип. Целая система сканеров следила за передвижениями сотрудников и передавала информацию на центральный компьютер. Ашер знал, что у некоторых людей появляется легкая аллергия на имплантацию.

— Вулканизм, — вдруг сказал Истон.

— Вулканизм?

— На месте раскопок. Я работал с образцами базальта со дна, чтобы установить дату события.

Ашер кивнул, подбадривая его.

— Знаете, как это бывает. — Истон, похоже, начал нервничать, а может быть, приготовился защищаться. — Подводные течения в этой зоне очень сильные, и все осадки на дне смешаны в кучу.

— Это термин такой? — попытался пошутить Ашер.

Истон его шутки не заметил.

— Там нет отдельных слоев, стратификацию не сделаешь. Пробы, взятые из верхних отложений, совершенно бесполезны. Визуальное наблюдение тоже не помогает провести правильную датировку. Здесь не то что на поверхности земли — нет ни выветривания, ни эрозии. И я попытался определить возраст базальтовых образований путем перекрестного сравнения с образцами из нашей геологической базы данных. Но не мог найти подходящей пары. Тогда я решил определить возраст проб по следам радиоактивных изотопов в базальте.

— Продолжай.

— Ну... — Кажется, Истон нервничал все сильнее. — Вы знаете, как мы обычно делаем грубую оценку времени события. Дело в том, что... — Он запнулся и начал по-другому: — Для тестов я принял те же допущения. А перемагничивание не проверял.

Ашер понял, почему Истон так взволнован. Он сделал непозволительную для ученого ошибку — принял допущение и пропустил базовый тест, который должен был провести. Ашер немного

успокоился. Неприятно, болезненно, но в настоящих условиях вряд ли эта промашка сильно испортит дело.

Время сыграть строгого отца семейства.

— Хорошо, что ты сказал мне, Пол. Всегда неприятно, когда мы понимаем, что нарушили научную методику. И чем глупее ошибка, тем хуже мы себя чувствуем. Хорошо, что никаких важных результатов ты не испортил. Что я тебе скажу? Это плохо, но не смертельно.

Но Истон был по-прежнему встревожен.

— Нет, доктор Ашер. Вы не поняли. Видите ли, сегодня я провел этот тест. Я положил пробы в размагничивающую катушку, замерил магнитное поле. Так вот, перемагничивания в образце не наблюдалось.

Ашер приподнялся на стуле. Потом медленно сел, стараясь не выдать своего удивления.

— Что ты сказал?

— Пробы. Перемагничивания не наблюдается.

Ашер облизал губы.

— Ты уверен, что образцы были положены правильно?

— Совершенно.

— И убедился, что не было аномалии, а пробы взяты качественные?

— Я проверил все. В каждом случае результаты были одинаковые.

— Но этого не может быть. Перемагничивание — безошибочный метод определения возраста минералов. — Ашер вздохнул. — Это должно означать, что катастрофа случилась даже раньше, чем мы думали. То есть было два перемагничивания вместо одного. Север на юг, а потом снова юг на север. Уверен, что изотопное исследование это подтвердит.

— Нет, сэр, — ответил Истон.

Ашер грозно на него посмотрел.

— Что значит «нет»?

— Я уже провел изотопный анализ. Распад почти не наблюдается.

— Невозможно, — ответил Ашер.

— Я провел четыре часа в радиографической лаборатории. Три раза тестировал. Вот результаты.

Истон достал из кармана лабораторного халата DVD-диск и положил его на стол перед Ашером. Ашер посмотрел на него, но брать не стал.

— Значит, все наши выводы неверны. Получается, что катастрофа произошла в другое время и совсем не так давно, как мы думали. И какую дату ты можешь назвать, основываясь на своих тестах?

— Пока только приблизительную, сэр.

— И?

— Примерно шестьсот лет назад.

Ашер очень медленно прислонился к спинке кресла.

— Шестьсот лет...

И снова в крохотном кабинете воцарилось молчание.

— Надо будет взять один из роверов, — наконец сказал Ашер. — Поставить на него электронный магнитометр и несколько раз пройти участок. Сделаешь?

— Да, доктор Ашер.

— Очень хорошо.

Ашер наблюдал, как молодой геолог встает, кивает и поворачивается к двери.

— Пол... — тихо позвал он.

Молодой человек обернулся.

— Сделай это прямо сейчас. И никому не говори. Ни одной живой душе.

## 9

Крейн поднял голову от цифрового планшета, на котором делал заметки пластиковым пером.

— И все? — спросил он. — Просто болят ноги?

Мужчина на больничной койке кивнул. Даже одеяло не скрывало его тела — высокого, хорошо сложенного. Цвет кожи у него был нормальный, глаза смотрели ясно.

— По десятибалльной шкале — насколько сильная боль?

Пациент немного подумал.

— По-разному. Примерно шесть. Иногда сильнее.

«Нефибрильная миалгия» — записал Крейн на планшете. Казалось невозможным — нет, это и было невозможно, — что два дня назад этот человек перенес микроинсульт. Он был слишком молод, кроме того, ни одно исследование ничего не показало. Отмечались только начальные жалобы — частичный паралич, неразборчивая речь.

— Благодарю, — произнес Крейн, закрывая планшет. — Я навещу вас, если будут еще вопросы.

И он отошел от кровати.

Хотя медицинское отделение на станции именовалось «пунктом», однако оно могло похвастать оборудованием, какому позавидовал бы любой госпиталь средней руки. Кроме сектора первой помощи, хирургических операционных и двух десятков палат имелись многочисленные отсеки для специального оборудования — от рентгенологического до кардиологического. Был и отдельный комплекс, где размещались рабочие помещения персонала и комнаты для совещаний. Там и Крейн получил небольшой, но хорошо оборудованный кабинетик, к которому примыкала лаборатория.

Среди новых пациентов, о которых говорила доктор Бишоп, только трое чувствовали себя настолько плохо, что их нужно было госпитализировать. Крейн уже побеседовал с двумя больными — сорокадвухлетним мужчиной, страдавшим рвотой и поносом, и вот этим, предполагаемой жертвой инсульта, и выяснилось, что ни один ни другой больше не нуждаются в стационарном лечении. Нет сомнения, доктор Бишоп просто держала их под наблюдением.

Крейн повернулся и кивнул Бишоп, стоявшей поодаль.

— Никаких признаков ишемического приступа, — сказал он, когда врачи вышли в коридор.

— Кроме начального состояния.

— Говорите, сами его наблюдали?

— Да. И все признаки ишемии были налицо.

Крейн помолчал. Пока он осматривал этих двоих пациентов, Бишоп говорила мало, но враждебность по-прежнему ощущалась. Ей бы не понравилось, если бы ее диагноз подвергли сомнению. Придется быть максимально тактичным.

— Самые разные состояния могут давать сходные симптомы... — начал он осторожно.

— Я проходила интернатуру в кардиологическом отделении и повидала немало больных с ишемией. Поэтому ни с чем ее не спутаю.

Крейн вздохнул. Недружелюбие Бишоп стало утомлять. Конечно, никому не понравится, когда вмешиваются в его работу, и, наверное, Мишель считает, что Крейн вторгся на ее территорию. Но дело в том, что медики на станции провели только самые поверхностные исследования, рассматривая каждую жалобу отдельно. Крейн был убежден, что если бы они копнули глубже, изучив проблему в комплексе, то смогли бы выявить нечто общее. И вопреки всему, что рассказала ему Бишоп, он по-прежнему считал, что все случаи так или иначе связаны с кессонной болезнью.

— Вы мне так и не ответили, — сказал он. — Здесь ведь есть гипербарическая камера?

Она кивнула.

— Я бы хотел поместить этого человека туда. Посмотрим, может быть, понижение давления и чистый кислород облегчат боли в конечностях.

— Но...

— Доктор Бишоп, Ашер сказал мне, что для обеспечения высокого давления здесь, на станции, используется секретная технология, пока не слишком опробованная в полевых условиях. Может быть, всему виной кессонка.

Бишоп не ответила. Она нахмурилась и отвернулась. Крейн начал терять терпение.

— Поговорите с Ашером, если вам не нравится, — сказал он жестко. — Он пригласил меня, чтобы я высказал свое мнение. Этого больного надо определить в декомпрессионную камеру. — Он помолчал, давая ей время подумать над его словами. — А теперь навестим пациента номер три.

Самый интересный случай он приберег напоследок — под номером три значилась женщина, которая жаловалась на онемение и слабость мышц обеих рук и лица. Когда они вошли, она не спала. Ее кровать была окружена приборами контрольной аппаратуры самого последнего поколения, которые издавали негромкие сигналы. Крейн сразу почувствовал, что здесь атмосфера другая. Он заметил и отчаяние в светло-карих глазах, и напряженное от беспокойства, исхудавшее тело. Даже не прибегая к диагностике, он мог сказать, что случай серьезный.

Крейн открыл планшет, и жидкокристаллический экран ожил. Автоматически появилась анкета истории болезни. «Наверное, подключен к датчику ближней локации», — подумал Крейн.

Он глянул на общие сведения:

*Имя:* Филипс, Мэри И.

*Пол:* Ж

*Возраст:* 36

*Жалобы:* Двусторонняя мышечная слабость/онемение рук и лица.

Подняв взгляд от планшета, он увидел, что в комнате появился морской офицер. Высокий худой человек, светлые глаза которого были посажены слишком близко к носу, причем правый глаз немного косил. На рукаве моряка были нашивки коммандера, а золотая эмблема на левом уголке воротника указывала, что он принадлежит к службе разведки. Вытянув руки по бокам, мужчина прислонился к косяку двери и не смотрел ни на Бишоп, ни на Крейна.

Врач повернулся к больной, решив не обращать внимания на вновь прибывшего.

— Мэри Филипс? — спросил он, автоматически переходя на тот спокойный тон, каким давным-давно научился разговаривать с пациентами.

Женщина кивнула.

— Я не отниму у вас много времени, — сказал он, улыбаясь. — Мы пришли, чтобы помочь вам скорей поправиться.

Пациентка тоже ответила улыбкой — едва заметным подергиванием губ.

— Вы по-прежнему ощущаете онемение лица и рук?

Мэри снова кивнула, моргнула и промокнула глаза салфеткой. Крейн увидел, что, когда она моргает, веки смыкаются не полностью.

— В какой момент вы впервые это почувствовали? — спросил он.

— Дней десять назад. — Женщина говорила с акцентом уроженки Среднего Запада. — Нет, недели две. Сначала ощущение было такое слабое, что я не обратила внимания.

— Вы были на работе или отдыхали, когда заметили это впервые?

— На работе.

Крейн глянул на планшет.

— Здесь не указано, чем вы занимаетесь.

За нее ответил офицер у двери:

— Потому что, доктор, это не имеет большого значения.

Крейн повернулся к нему.

— Кто вы?

— Коммандер Королис.

У мужчины был низкий, тихий, какой-то вязкий голос.

— Так вот, коммандер, думаю, что место ее работы имеет большое значение.

— Почему? — спросил Королис.

Крейн посмотрел на пациентку. Она ответила ему тревожным взглядом. Доктор подумал, что не стоит больше беспокоить женщину. Он показал в сторону холла, жестом приглашая коммандера Королиса выйти.

— Мы проводим обследование, — произнес Крейн, когда они вышли и больная не могла их слышать. — Для точного диагноза важен каждый факт. Очень может быть, что на нее повлияли условия работы.

Королис покачал головой.

— Нет, не повлияли.

— Откуда вам знать?

— Вам придется мне поверить.

— Извините, мне это не нравится.

Крейн повернулся, чтобы уйти.

— Доктор Крейн, — тихо произнес Королис. — Мэри Филипс работает в закрытой зоне станции и занимается секретной работой. Вам не позволят задавать вопросы, так или иначе относящиеся к ее деятельности.

Крейн подскочил к нему.

— Вы не можете... — начал он.

И замолчал, с трудом подавляя гнев. Кем бы ни был этот Королис, он явно представляет власть. Или думает, что представляет. «К чему такая секретность, — подумал Крейн, — в научной экспедиции?»

Врач молчал, напоминая себе, что он здесь новичок и еще не знает всех правил — ни писаных, ни неписаных. Похоже, в этом бою ему не победить. Но он, черт возьми, еще поговорит об этом с Ашером.

Больше ничего не говоря, Крейн отвернулся от офицера и вошел в палату. Доктор Бишоп по-прежнему стояла у кровати, сохраняя нейтральное выражение лица.

— Извините, мисс Филипс, — сказал Крейн. — Давайте продолжим.

В течение четверти часа он провел подробный осмотр — и общего состояния, и неврологический. Постепенно доктор забыл о присутствии коммандера Королиса, потому что полностью сосредоточился на состоянии пациентки.

Случай оказался неординарный. Отмечалась двусторонняя слабость мускулов лица — как верхних, так и нижних. При проверке реакции на укол иглой выявлено значительное ухудшение тригеминальной проводимости. Сгибание шеи не ухудшилось, так же как и разгибание. Но он обратил внимание, что ощущение температуры сильно снижено и в районе шеи, и по всей верхней части тела. Также он с удивлением заметил значительную и, судя по всему, недавно начавшуюся дистрофию мускулов рук. Проверяя глубокие сухожильные рефлексы, а потом подошвенную реакцию, Крейн начал кое-что подозревать.

Каждый врач мечтает обнаружить какой-нибудь редкий или интересный прецедент — такой, о котором пишут в медицинской периодике. Но подобное случается редко. Однако, что касается Мэри Филипс, симптомы ее болезни как раз свидетельствовали о таком вот редком случае. И Крейн, который частенько засиживался допоздна, читая специальные журналы, подумал, что, может быть — всего лишь может быть, — ему посчастливилось обнаружить этот случай. «Может быть, я приехал сюда именно за этим».

Наклонившись, Крейн исследовал ее миндалины — заметно увеличенные, желтоватые, с явно выраженной дольчатостью. Очень интересно.

Поблагодарив женщину, он отошел, взял планшет и посмотрел анализ крови.

Белые кровяные тельца (в мм)……3100

Гематокрит (%)……………………………34,6

Тромбоциты (на мм)……………………104 000

Глюкоза (мг/дл)…………………………79

Триглицериды (мг/дл)………………119

СОЭ (мм/ч)…………………………………48,21

Крейн подошел к доктору Бишоп.

— Что вы думаете? — спросил он.

— Я надеялась услышать ваше мнение, — ответила она. — Вы ведь главный специалист.

— Я не главный специалист. В первую очередь я врач и ваш коллега и надеюсь на сотрудничество.

Бишоп молча посмотрела на него. Крейн почувствовал, что опять злится, и на этот раз сильнее — злится на всю эту непонятную секретность, на торчащего тут коммандера Королиса, а особенно на упрямую Бишоп, которая не хочет ему помочь. Ну он ей покажет!

Крейн резко закрыл планшет.

— Вы проводили исследования на антитела, доктор?

Она кивнула.

— На вирусный гепатит А и С, на иммуноглобулин. Результаты отрицательные.

— Моторная проводимость?

— Нормальная двусторонняя.

— Ревматоидный фактор?

— Положительный. Восемьдесят восемь единиц на миллилитр.

Крейн помолчал. Вообще-то это были именно те исследования, которые он собирался провести.

— В анамнезе не выявлено ни артралгии, ни анорексии, ни виброболезни, — сообщила Бишоп.

Крейн с удивлением посмотрел на нее. Неужели она тоже пришла к тому же неожиданному выводу? Не может быть!

Он решил вызвать ее на откровенность.

— Начинающаяся атрофия мышц кисти позволяет предположить сирингомиелию. Так же, как и потеря чувствительности верхней части тела.

— Но признаки ригидности нижних конечностей отсутствуют, — тут же возразила она. — Тем более что медуллярная дисфункция выражена очень слабо. Это не сирингомиелия.

Крейн еще больше удивился ее глубоким познаниям. Но долго она не продержится.

«Пора выкладывать карты на стол», — подумал он.

— А сенсорные дефекты? Невропатия? Вы заметили, какие у нее миндалины?

Бишоп по-прежнему смотрела на него ничего не выражающим взглядом.

— Да, заметила. Увеличенные, окрашенные в желтоватый цвет.

Наступило молчание.

Наконец ее лицо медленно озарилось улыбкой.

— Доктор, — сказала она, — неужели вы подозреваете танжерскую болезнь?

Крейн замер. Медленно-медленно расслабился. И понял, что не может не улыбнуться в ответ.

— Вообще-то да, — немного застенчиво признался он.

— Танжерская болезнь... Что же получается? Половина персонала у нас на станции поражена редкими генетическими заболеваниями?

Бишоп говорила мягко, без всякого упрека. Даже улыбка, подумал Крейн, похожа на настоящую.

И вдруг, перебивая классическую музыку, зазвучала сирена — громко, частыми гудками. В коридоре вспыхнул желтый свет.

Бишоп перестала улыбаться.

— Оранжевый код, — сказала она.

— Что?

— Медицинская тревога. Скорее!

Она уже бежала к двери.

**10**

Бишоп остановилась у стойки регистратора и взяла рацию.

— Позовите Корбетта! — крикнула она женщине за стойкой.

Бишоп выскочила из медицинской зоны и побежала по коридору в сторону Таймс-сквер, а Крейн поспешил за ней. На бегу Бишоп набрала код на рации, настроилась на нужную волну.

— Доктор Бишоп просит указать точку, оранжевый код.

Наступила недолгая пауза, и раздался ответный сигнал:

— Точка оранжевого кода — пятый уровень, ангар ремонта роверов.

— Пятый уровень, вас поняла, — ответила Бишоп.

У одного из кафе стоял лифт с открытыми дверями; они вбежали в кабину, и Бишоп нажала самую нижнюю кнопку на панели — с цифрой 7. И снова заговорила в рацию:

— Запрашиваю тип чрезвычайной ситуации.

— Код происшествия пять — двадцать два, — ответили ей.

— И что это? — спросил Крейн.

Бишоп глянула на него.

— Острый психоз.

Двери лифта открылись, и вслед за Мишель Бишоп Крейн вышел в ярко освещенный зал на пересечении коридоров. Они расходились в трех направлениях, и Бишоп побежала по тому, который лежал прямо перед ними.

— А медицинское оснащение? — спросил Крейн.

— На каждом уровне есть НПП, набор первой помощи. Если надо, мы его используем.

Крейн заметил, что этот уровень кажется более тесным, чем предыдущие, которые он уже видел. Коридоры оказались уже, отсеки — меньше. Люди, которых они встречали, были одеты либо в лабораторные халаты, либо в комбинезоны инженеров. Крейн вспомнил, что здесь помещаются лаборатории и компьютерный центр. Несмотря на работавшую вентиляцию, в воздухе стоял густой запах химических веществ, озона и нагретых электронных приборов.

Они добрались до следующего перекрестка коридоров, и Бишоп свернула направо. Крейн следовал за ней. Впереди он увидел нечто неожиданное: коридор резко расширялся и упирался в черную стену. Стена была ровной и гладкой, ее поверхность нарушал только тамбур-шлюз в центре. Люк охранялся четырьмя военными полицейскими с винтовками, а пятый находился рядом, в будке поста контроля. Большое табло вверху светилось красным.

— Что это? — спросил Крейн, инстинктивно замедляя ход.

— Барьер, — ответила Бишоп.

— Что?

— Вход на закрытые уровни.

При их приближении двое полицейских преградили путь к шлюзу, держа винтовки перед грудью.

— Пропуск, мадам? — спросил один из них.

Бишоп подошла к будке. Пятый полицейский вышел и провел сканером вдоль ее шеи. Раздался громкий сигнал.

Полицейский глянул на небольшой индикатор в верхней части сканера.

— У вас нет допуска.

— Я Мишель Бишоп, главный врач станции. У меня есть допуск на четвертую, пятую и шестую палубы. Проверьте еще раз.

Полицейский шагнул в будку и сверился с компьютером. Через некоторое время мужчина вернулся.

— Очень хорошо. Проходите. Эскорт будет ждать вас на той стороне.

Бишоп двинулась к шлюзу. Крейн хотел пойти за ней, но охрана не пустила его. Полицейский подошел к нему со сканером и провел им вдоль шеи Крейна.

— У мужчины нет чипа, — сказал он.

Бишоп обернулась.

— Это доктор, он здесь по временному контракту.

Полицейский повернулся к Крейну.

— Вам нельзя, сэр.

— Я с доктором Бишоп, — произнес Крейн.

— Извините, сэр, — сказал мужчина более сурово. — Вам нельзя, сэр.

— Послушайте, — начал Крейн. — Там несчастный случай и...

— Пожалуйста, отойдите от барьера.

Полицейский со сканером обменялся быстрыми взглядами с другими.

— Я доктор и собираюсь оказать помощь, нравится вам это или нет.

Крейн шагнул вперед.

Полицейские, охранявшие барьер, тут же подняли винтовки, а тот, у которого был сканер, снял с пояса шокер.

— Отставить, Феррара! — раздался мощный голос из темной будки. — Веджман, Прайс, отставить.

Так же быстро, как заняли боевую позицию, полицейские убрали оружие и отступили. Глянув в сторону будки, Крейн понял, что это не крохотное сооружение, а вход в большее по размерам помещение, наверное, пост управления барьером. На стенах размещался десяток небольших экранов, и в полумраке мерцали бесчисленные индикаторы. Неясное движение в темноте — и в полосе света показался крепкий широкоплечий мужчина в белой адмиральской форме. У него были русые волосы с проседью и карие глаза. Он посмотрел на Крейна, потом на Бишоп и снова на Крейна.

— Я — адмирал Спартан, — сказал мужчина.

— Адмирал Спартан, — начал Крейн. — Я…

— Я знаю, кто вы. Специалист, которого пригласил Говард Ашер.

Крейн не нашел что ответить и просто промолчал. Спартан обратился к Бишоп.

— Случай на пятом?

— Да, сэр. Ангар ремонта роверов.

— Хорошо. — Адмирал повернулся к полицейскому, которого звали Феррара. — Дайте ему разовый пропуск. Обеспечьте вооруженный эскорт и выберите безопасный путь к месту. Вы лично отвечаете, Феррара.

Полицейский четко отдал честь.

— Есть, сэр!

Спартан на секунду задержал взгляд на Крейне, потом кивнул Бишоп, повернулся и скрылся в комнате поста управления.

Феррара вошел в будку и набрал на контрольной панели какие-то команды. Красный световой сигнал над входом сменился зеленым. Лязг отпираемых тяжелых замков, свист нагнетаемого воздуха — и вот шлюз открылся. Феррара что-то сказал в микрофон у себя на пульте и махнул рукой Бишоп и Крейну — можно входить.

За дверью оказалось помещение площадью примерно в двенадцать квадратных футов. Там, стоя по стойке «смирно», их ожидали двое полицейских. Стены неопределенного цвета были абсолютно голыми, а из оборудования имелась только небольшая панель рядом с одним из охранников. Крейн заметил, что на панели установлен лишь сканер, считывающий отпечаток ладони, да покрытая мягким пластиком ручка.

Дверь шлюза закрылась за ними с глухим звуком. Полицейский прижал одну ладонь к сканеру, а другую положил на рукоятку. Сканер

засветился красным светом. Полицейский повернул рычаг по часовой стрелке. У Крейна свело живот — они начали движение вниз. Помещение оказалось лифтом.

Мысли Крейна вернулись к адмиралу Спартану. За время своей службы он повидал достаточно высших офицеров, и все они вели себя одинаково, зная, что их приказы выполняются немедленно и обсуждению не подлежат. Но даже во время их недолгой встречи Крейн понял, что адмирал Спартан отличается от прочих. В нем чувствовалось бездна хладнокровия, необычная даже для адмирала. Крейн подумал о том, почему адмирал так на него посмотрел. Было нечто непроницаемое во взгляде темных глаз, что не давало предсказать следующий шаг Спартана.

Лифт плавно остановился. Дожидаясь, пока откроются двери, Крейн глянул на часы. «Есть у них НПП или нет, но помоги нам, Боже, если там сердечный приступ», — подумал он. Все эти меры безопасности, минуты, потраченные на сканирования и проверки, могут стоить человеку жизни.

Опять раздался глухой шум, лязг отпираемых запоров. Шлюз открыли снаружи — там их встречала еще одна группа вооруженных полицейских.

— Доктор Бишоп? — спросил один из них. — Доктор Крейн?

— Да, это мы.

— Мы проводим вас в ремонтный ангар. Прошу следовать за мной.

Они быстро зашагали — двое солдат впереди, и двое за ними. Феррара, приставленный адмиралом Спартаном, шел далеко позади. В обычных условиях Крейна разозлило бы такое обращение, но сейчас он был чуть ли не рад. «Острый психоз», — сказала Бишоп. Это означает, что человек полностью дезориентирован, может быть, в бреду, даже агрессивен. В таких обстоятельствах стараешься быть спокойным и уверенным, стремишься установить контакт. Но если пациент вышел из-под контроля, то самая важная задача — показать численное преимущество.

Они прошли несколько коридоров. Лаборатории и исследовательские отделения, мелькая, сменяли друг друга; так называемая зона ограниченного доступа на первый взгляд почти не отличалась от верхних уровней станции. По дороге им попадались люди; они группами по двое-трое бежали навстречу. И впереди Крейн уже услышал звуки, от которых во рту у него пересохло, а в жилах застыла кровь: где-то громко кричал человек.

Они нырнули в люк, и внезапно Крейн оказался в огромном помещении, чем-то напоминавшем пещеру. Он глупо заморгал, уже отвыкнув от больших пространств. Это была техническая станция и ремонтная зона подводных роботов, роверов, как назвала их Бишоп.

Здесь крики были гораздо громче — прерывистые, завывающие. Неподалеку группками стояли рабочие с побледневшими лицами, их оттесняла военная полиция. Дальше дорогу загораживали моряки и еще одна группа военных полицейских. Несколько человек говорили по рациям, другие смотрели вперед, в отсек с оборудованием у дальней стены. Оттуда и раздавались крики.

Вперед шагнула Бишоп, за которой следовали Крейн и четверо полицейских. Увидев, что они подходят, один из моряков пошел им навстречу.

— Доктор Бишоп, — произнес он в паузах между криками. — Я лейтенант Трэверс. Старший по званию офицер на месте происшествия.

— Расскажите, в чем дело, лейтенант, — попросил Крейн.

Трэверс глянул на него и перевел взгляд на Бишоп. Она едва заметно кивнула.

— Это Конрад Уайт, — сказал офицер. — Механик первого класса.

— А что с ним случилось? — спросил Крейн.

— Никто точно не знает. Говорят, последние два дня Уайт был какой-то мрачный, унылый, не похожий на себя. А потом, почти перед самым окончанием смены, он вдруг сорвался.

— Сорвался, — повторила Бишоп.

— Стал выкрикивать какие-то безумные слова.

Крейн глянул за оцепление полицейских — туда, откуда раздавались вопли.

— Он агрессивен? Бредит?

— Да, бредит. Но не агрессивен. Кажется, он скорее… скорее в отчаянии, вот что. Говорит, что хочет умереть.

— Продолжайте, — попросил Крейн.

— Люди подошли к нему. Попытались его успокоить, помочь. И тогда он схватил одного их них.

Брови Крейна взлетели вверх.

«Черт. Это плохо».

Девяносто девять процентов попыток самоубийства предпринимается, чтобы привлечь к себе внимание, в надежде, что кто-то поможет. Люди наносят себе травмы только для того, чтобы произвести впечатление на окружающих. Но когда появляется заложник, ситуация в корне меняется.

— Это не все, — тихо продолжал Трэверс. — Он взял брикет взрывчатки и детонатор.

— Что?

Офицер мрачно кивнул.

Рация лейтенанта пискнула, и он поднес ее к губам.

— Трэверс, — ответил он и выслушал, что говорят ему. — Хорошо. Ждите моего сигнала.

— О чем это вы? — спросила Бишоп.

Трэверс кивнул в сторону боковой стены, откуда на ангар смотрело затемненное окно поста управления.

— Там у нас снайпер, он пытается поймать цель.

— Нет! — вскрикнул Крейн и набрал в грудь воздуха. — Нет. Сначала я хочу с ним поговорить.

Трэверс нахмурился.

— Зачем вы пригласили нас сюда? — спросил Крейн. — Разве не для того, чтобы решить все мирным путем?

— После того как мы вас вызвали, он пришел в еще большее возбуждение. Когда мы объявляли тревогу, то еще не знали о взрывчатке.

— Ваш снайпер наготове? — настаивал Крейн.

Офицер помолчал.

— Нет еще.

— Тогда у вас вообще нет повода не пускать меня.

Трэверс колебался.

— Хорошо. Но если он станет угрожать жизни заложника или попытается взвести детонатор, придется его нейтрализовать.

Крейн кивнул Бишоп и медленно подошел к оцеплению. Аккуратно пробрался между людьми. И остановился.

Футах в двадцати от него, в тени перегородки отсека, стоял мужчина в оранжевом комбинезоне механика. Его покрасневшие глаза слезились, по подбородку текла слюна и кровь. Комбинезон был запачкан пятнами рвоты. «Отравление?» — как-то отстраненно подумал Крейн. Но человек не выказывал ни признаков болей в животе, ни паралича, ни других типичных симптомов.

Перед собой механик держал женщину лет тридцати, небольшого роста, со спутанными светлыми волосами, одетую в такой же комбинезон. Мужчина обхватил рукой ее шею, и подбородок женщины, прижатый локтем Уайта, был задран кверху под неестественным углом. Женщина плотно сжимала губы и смотрела широко раскрытыми от ужаса глазами. В ее шейную вену упиралась длинная тонкая отвертка.

В другой руке Уайт держал брикет пластиковой взрывчатки и невзведенный детонатор.

Крик здесь звучал особенно громко, прерываясь только тогда, когда Уайт делал резкий булькающий вдох. Крейн понял, что в таком шуме сосредоточиться тяжело.

«Уговаривайте его, — гласили правила. — Успокойте его, потом лишите возможности двигаться». Легко сказать. Крейн однажды говорил с прыгуном-самоубийцей, стоя на растяжке моста Джорджа Вашингтона. Разговаривал с людьми, приставившими пистолет к своему виску или засунувшими ствол ружья себе в рот. Но беседовать с человеком, у которого в руках заряд пластида на десять гранат, ему еще не доводилось.

Крейн вдохнул раз, потом другой. И сделал шаг вперед.

— На самом деле вы этого не хотите, — сказал он.

Красные глаза мужчины метнулись на него и тут же — в сторону. Он продолжал кричать.

— Вы ведь этого не хотите, — повторил Крейн громче.

Он сам себя не слышал из-за крика.

Взгляд мужчины снова метнулся к нему. Он еще крепче притянул к себе заложницу и вдавил кончик отвертки в ее шею.

Крейн замер. Он видел, как умоляюще смотрит на него женщина, лицо которой превратилось в маску страха. Ему стало неуютно при мысли о собственной уязвимости — он стоит между оцеплением и человеком, который кричит, держит заложницу и брикет взрывчатки с детонатором. Доктор подавил порыв отступить.

Крейн стоял, не двигаясь, и раздумывал. Затем очень медленно сел на металлический пол. Снял ботинок, другой, аккуратно отставил их в сторону. Потом снял носки и тоже отложил их, тщательно расправив. А после он подался вперед, опершись ладонями о пол.

Проделывая все это, доктор ощутил, как что-то изменилось в помещении — наступила тишина. Крик прекратился. Уайт смотрел на него, все еще прижимая отвертку к шее женщины.

— Ты же не хочешь этого, — произнес Крейн терпеливым, рассудительным тоном. — Нет такой беды, которой нельзя было бы помочь. Что хорошего в том, что ты причинишь вред себе или другому человеку? Так ведь только хуже будет.

Уайт ничего не отвечал. Он смотрел, широко раскрыв глаза, и тяжело дышал.

— Зачем ты это делаешь? — спросил Крейн. — Что случилось? Как нам помочь тебе?

Уайт всхлипнул и болезненно сглотнул.

— Пусть перестанут, — сказал он.

— Что перестанет? — спросил Крейн.

— Звуки.

— Какие звуки?

— Эти звуки, — ответил Уайт шепотом, немного всхлипнув. — Эти ужасные звуки. Звуки, которые никак... никак не прекращаются.

— Давай поговорим о звуках. Мы могли бы...

Но Уайт опять начал всхлипывать, все громче и пронзительней. И снова закричал.

Крейн схватил себя за воротник рубашки и свирепо дернул вниз. Раздался громкий звук разрываемой ткани, со стуком посыпались пуговицы. Он снял разорванную рубашку и положил ее рядом с ботинками.

Уайт опять смотрел на него.

— Мы можем сделать так, чтобы эти звуки прекратились, — пообещал Крейн.

Прислушиваясь к его словам, механик начал всхлипывать.

— Но детонатор меня нервирует, — продолжал Крейн.

Плач стал громче.

— Отпусти женщину. Мы же не с ней будем бороться, а со звуками.

Уайт рыдал, слезы чуть ли не брызгали у него из глаз. Крейн выжидал, когда можно будет назвать мужчину по имени. И решил, что пора.

— Конрад, отпусти женщину. Отпусти ее и брось взрывчатку. Мы тебе поможем. Заставим звуки замолчать. Я тебе обещаю.

Кажется, Уайт поддался. Он медленно убрал отвертку. Другая рука опустилась, и брикет с тяжелым стуком упал на пол. Женщина, рыдая, кинулась к оцеплению. Один из полицейских, притаившийся неподалеку, бросился вперед, подхватил взрывчатку и вернулся обратно.

Крейн тяжело вздохнул и медленно поднялся.

— Спасибо, Конрад, — сказал он. — Теперь мы тебе поможем. И заставим звуки прекратиться.

И сделал шаг вперед.

Увидев это, Уайт отступил. Дико завращал глазами.

— Нет! — воскликнул он. — Вы не можете это прекратить. Неужели вы не понимаете? Никто не сможет их прекратить! — И вдруг резким, неожиданным движением ткнул отверткой себе в горло.

— Стой! — закричал Крейн, рванувшись вперед. Но еще на бегу с ужасом увидел, как отвертка входит в мягкую плоть шеи.

**11**

Когда Говард Ашер пришел в зал совещаний на восьмом уровне, адмирал Спартан уже был на месте. Он сидел за столом, положив ладони на полированное розовое дерево, и молча ждал, пока Ашер закроет дверь и устроится напротив.

— Я только что из палаты, — сказал Ашер.

Спартан кивнул.

— У Уайта глубокая рана на шее и большая кровопотеря, но состояние стабильное. Он выживет.

— Но вы бы не стали приглашать меня на срочную встречу для того, чтобы сообщить только это, — заметил адмирал.

— Нет, не только. Но и это тоже.

Спартан молча смотрел на ученого своими темными глазами, в которых ничего нельзя было прочитать. И в течение этой недолгой паузы Ашер ощутил, как старые подозрения ожили снова.

Наука и армия составляли странный союз. Начальник отдела научных исследований понимал, что «Глубоководный шторм» в лучшем случае можно считать браком по расчету. Ему и его сотрудникам очень нужна станция и бездонные запасы государственных средств, чтобы как можно быстрее провести раскопки. Адмиралу Спартану ученые и инженеры необходимы для того, чтобы спланировать работу, выполнить ее и оценить находки. Но недавние события привели к напряжению и без того не очень прочных связей.

Дверь тихо открылась и снова закрылась. Оглянувшись, Ашер увидел коммандера Королиса. Тот кивнул и молча сел за стол.

Ашер встревожился. Королис в его глазах стал символом всего того, что в этом проекте сделано неправильно — секретности, дезинформации, пропаганды. Ашер решил, что накачанный седативными препаратами Уайт спит сейчас в палате медицинского пункта, иначе Королис сидел бы у койки пострадавшего, следя за тем, чтобы ни один человек без соответствующего допуска не узнал о происходящем ниже седьмого уровня.

— Продолжайте, доктор Ашер, — сказал Спартан.

Ашер откашлялся.

— Случай Уайта — последний и наиболее острый в недавней серии медицинских и психологических травм. За прошедшие две недели на станции отмечается пугающий рост количества несчастных случаев.

— Поэтому вы и пригласили Крейна.

— Я хотел пригласить нескольких специалистов, — ответил Ашер. — Диагноста...

— Один — и то уже большой риск, — произнес адмирал тихим ровным голосом.

Ашер тяжело вздохнул.

— Послушайте... Как только состояние Уайта нормализуется, мы должны отправить его наверх.

— Это не обсуждается.

Теперь к тревоге ученого стало примешиваться раздражение.

— Но почему?

— Вы знаете все причины не хуже меня. Это секретная станция, где проводятся особые исследования…

— Секретность! — воскликнул Ашер. — Конфиденциальность! Вы что, не понимаете? У нас серьезные медицинские проблемы. Нельзя просто игнорировать их, нельзя взять и замести их под коврик!

— Доктор Ашер, послушайте меня. — Адмирал Спартан впервые заговорил жестко. — Вы слишком волнуетесь. Здесь у нас есть прекрасно оснащенный медицинский пункт, укомплектованный опытным персоналом. Вопреки моему собственному мнению я уступил вашей просьбе привлечь дополнительные ресурсы, даже несмотря на, так сказать, пестрое прошлое Питера Крейна.

Но Ашер на эту удочку не попался.

— Кроме того, — продолжал Спартан, — я не вижу повода для паники. Удалось ли вам или доктору Крейну выяснить, в чем дело?

— Вы же знаете, что нет.

— Тогда давайте вести себя рассудительно. Многие ваши ученые не привыкли жить в таких условиях. Изолированные на станции, в тесных помещениях, в стрессовой рабочей обстановке… — Адмирал взмахнул мясистой рукой. — Раздражительность, бессонница, потеря аппетита — всего этого следовало ожидать.

— Не только ученые страдают, — возразил Ашер. — Страдают и военные. А микроинсульты? Аритмии? А Уайт?

— Речь идет лишь о малой части персонала, — заметил Королис. Это были первые слова, которые он произнес. — Здесь очень много народу, и происшествия неизбежны.

— Факты таковы, — подвел итог Спартан. — Обобщений вы сделать не можете. Сотрудники приходят с самыми разными жалобами — это часто бывает. Какую-то группу пострадавших тоже не выделить: люди работают на всех палубах и решают различные задачи. Кроме Уайта, других острых случаев не было. Простите, доктор Ашер, но это правда. Вывод: никакой чрезвычайной ситуации не наблюдается. Точка.

— Но… — начал Ашер.

И замолчал, увидев, какое выражение приняло лицо адмирала. «Ученым нет места в военных операциях, — вот что, кажется, говорило это выражение. — Ваше хныканье — только лишнее тому доказательство».

Он решил переменить тему.

— Есть еще кое-что.

Спартан вопросительно поднял брови.

— Сегодня утром ко мне заходил Пол Истон, морской геолог. Выяснилось, что мы ошиблись с датировкой.

— Какой датировкой? — спросил Спартан.

— С датой события.

Повисла пауза. Спартан поерзал на стуле.

— Насколько?

— Очень сильно.

Королис медленно выдохнул сквозь зубы. Ашеру показалось, что шипит змея.

— Уточните, — произнес наконец адмирал.

— Основываясь на визуальном осмотре и прочих характеристиках, мы всегда предполагали, что катастрофа произошла десять тысяч лет назад или даже раньше. Истон слишком поверил в это допущение. Он не побеспокоился проверить датировку при помощи метода перемагничивания.

— При помощи чего? — переспросил Королис.

— Это метод идентификации вулканических пород на участке, — пояснил Ашер. — Чтобы не вдаваться в научные подробности, — он глянул на Королиса, — скажу только, что один раз в довольно большой промежуток времени магнитные полюса Земли меняются местами. Северный полюс становится Южным, и наоборот. Наша первоначальная оценка возраста участка раскопок подразумевала, что он относится к последнему перемагничиванию. Но похоже, мы ошиблись.

— Как вы это выяснили? — спросил Спартан.

— Когда земная кора плавится, частицы железа всплывают и поворачиваются, ориентируясь вдоль линий магнитного поля. А когда порода остывает, они остаются в таком положении. Некоторым образом это как древесные кольца — выяснив, как сориентированы частицы, можно проводить оценку возраста геологических событий.

— Значит, — сказал Королис, — это место гораздо старше. Событие произошло два перемагничивания назад. Северный полюс тогда тоже был Северным?

— Верно. Но на самом деле событие произошло вовсе не так давно.

— Значит, вы обнаружили, что участок не такой древний, как вы считали, — заметил Спартан.

Ашер кивнул.

— Я так понимаю, раз вы пригласили нас сюда, то теперь можете назвать более конкретную дату.

— Я велел Истону выслать ровер, оборудованный самым лучшим магнитометром. Он может очень точно измерить смещение магнитного поля. В качестве отправной точки мы взяли образцы с места раскопок.

Спартан нахмурился и опять поерзал.

— И?..

— Участку не десять тысяч лет и не пятьдесят тысяч. Он появился всего шестьсот лет назад.

Воцарилось ледяное молчание. Первым заговорил Спартан.

— И этот... это упущение как-нибудь скажется на наших шансах на успех?

— Нет.

Ашеру показалось, что он заметил мимолетное выражение облегчения, которое промелькнуло по лицу адмирала и тут же скрылось под маской обычной сдержанности.

— И каковы ваши выводы?

— Разве не очевидно? Событие из незапамятного прошлого переместилось в период письменных исторических источников.

— К чему вы ведете, доктор? — спросил Королис.

— К чему? Я веду к тому, что должны быть свидетели катастрофы. Должны остаться письменные сообщения.

— Значит, надо назначить исследователя, который этим займется, — сказал Спартан.

— Я так и сделал.

Спартан нахмурился.

— С соответствующей проверкой? И соблюдением секретности?

— Его анкета безупречна, он историк из Йеля. И не подозревает, для чего именно мне это нужно.

— Хорошо. — Адмирал встал. — Тогда, если у вас все, я предлагаю вам вернуться в медпункт и посмотреть, не сотворил ли доктор Крейн чудо диагностики?

Ашер тоже поднялся.

— Ему надо дать допуск, — тихо сказал он.

Брови Спартана взлетели вверх.

— Простите?

— Его надо ввести в курс дела. Дать доступ на уровни закрытой зоны. Полный доступ. И без вооруженного сопровождения.

— Доктор Ашер, это невозможно, — вмешался Королис. — Мы никогда не пойдем на подобный риск.

Ашер смотрел на адмирала.

— Крейну надо беседовать с пациентами, изучать их действия, искать векторы, выявлять возможные зоны влияния. Как он станет это делать, если мы заткнули ему рот да еще и завязали глаза?

— Я очень высоко ценю ваших специалистов, доктор Ашер, — мягко заметил Спартан. — И вам советую.

Ашер на миг замер, тяжело дыша, — он пытался взять себя в руки.

— Нам были даны полномочия, адмирал, — наконец сказал он хрипло. — И вам и нам — вместе вести работу на станции. Вместе. До этого момента я ни на чем не настаивал. Но если встанет выбор между секретностью и безопасностью станции, я тут же пошлю к черту всякую секретность. Вам стоит об этом помнить.

Ученый развернулся, распахнул дверь и вышел.

**12**

На «Глубоководном шторме» было два корта для сквоша; чтобы поиграть, приходилось записываться за три дня вперед. Крейн решил, что только благодаря влиянию Ашера им удалось выкроить полчаса времени, позвонив всего несколько минут назад.

— Я никогда бы не заподозрил в вас любителя поэзии, — сказал Ашер, когда они встретились на корте, — но что вы в сквош играете, это сразу видно.

— Наверное, все дело в моем телосложении, — ответил Крейн. — Или вы перечитали мое резюме.

Ашер рассмеялся, подбрасывая в руке маленький серый мячик.

Крейна не удивило, что Ашер захотел с ним встретиться. В конце концов, он уже на станции более тридцати шести часов, и теперь руководитель научной группы хочет узнать, как обстоят дела. Удивило только выбранное место. Но Крейн уже начал привыкать к тому, как действует Ашер: поддерживает дружескую и непринужденную атмосферу, но дает понять, что нужны результаты, и причем немедленно.

Крейна это устраивало, и он был даже рад встрече, потому что ему и самому было о чем поговорить.

— Давайте разогреемся пару минут, — предложил Ашер и протянул мяч. — Подадите?

Крейн покачал головой.

— Начинайте.

Он следил, как Ашер посылает мяч к передней стене сильным точным движением. Тогда он попятился, балансируя на цыпочках и ожидая возвращения мяча. Мяч отскочил, и Крейн ударил с лёта, целясь в дальний угол.

Несколько минут они играли молча, изучая мастерство, опыт, стратегию друг друга. Крейн считал, что Ашер старше его как минимум лет на двадцать пять, но практики у него, похоже, больше. Сам Крейн играл так себе — половина его ударов вылетала.

— Что такое с этим кортом? — спросил он наконец, поднимая мяч и перебрасывая его Ашеру.

Ученый уверенно поймал его рукой.

— А, вы заметили. Нам надо было учитывать планировку станции. Потолок дюймов на двенадцать ниже, чем требуется. Для компенсации мы сделали корт немного глубже, чем обычно. Мне надо было сразу сказать вам. Когда привыкаешь, то оказывается, что такие размеры тоже хороши. Ну что, еще потренируемся?

— Нет, давайте сыграем.

Крейну выпало начинать, он выбрал сторону и сделал подачу. Ашер ответил быстрым ударом в дальний угол, и пошла серьезная игра.

Они обменялись ударами, и Крейн не мог не оценить мастерство ученого. Сквош — это отчасти подвижный спорт, а отчасти шахматная партия, поединок умов, стратегий и выдержки. Ашер все время старался вести, а его мощная подача вдоль боковой стены заставляла Крейна постоянно быть настороже. Он-то думал, что травмированная рука ученого не даст ему играть в полную силу, но Ашер, кажется, научился пользоваться правой рукой не только для замаха, но и для сохранения

равновесия. Еще не успев осознать, Крейн начал безнадежно проигрывать.

— Партия, — сказал наконец Ашер.

— Девять-четыре. Боюсь, не очень хороший результат.

Ашер весело рассмеялся.

— В следующий раз у вас получится. Как я и говорил, к необычному размеру в конце концов привыкаешь. Давайте, ваша подача.

Во второй партии Крейн обнаружил, что Ашер прав: привыкнув к более низкому и глубокому корту, он понял, что играть ему стало легче. Крейн провел несколько атак и смог послать мяч за пределы зоны подачи, заставив Ашера играть у задней стенки. Теперь он уже не просто концентрировался на приеме мяча, но и мог занять лучшую позицию. Игра затянулась, и ему удалось победить Ашера со счетом 9:8.

— Поняли, о чем я говорил? — спросил Ашер, тяжело дыша. — Вы быстро учитесь. Так мы с вами сыграем еще несколько раз, и вам придется искать более опытного партнера.

Крейн усмехнулся.

— Ваша подача, — сказал он, бросая мяч Ашеру.

Ашер поймал мяч, но подавать не стал.

— Ну а как там Уайт?

— Он все еще на седативах. Коктейль из халдола и атавана. Против психоза и против тревожности.

— Я слышал, вы использовали весьма оригинальный способ уговорить его. Бишоп что-то говорила про стриптиз.

Крейн слабо улыбнулся.

— Человека в таком остром состоянии можно отвлечь, если его шокировать. Я сделал то, чего он никак не ожидал. И выиграл немного времени.

— У вас есть предположения, что с ним произошло?

— Корбетт сейчас составляет полный психологический портрет — насколько позволяет состояние пациента. Но диагноз мы пока поставить не можем. И это странно. Уайт совершенно адекватно разговаривает, даже несмотря на успокоительное. Но совсем недавно он был весь какой-то взвинченный и реагировал только на внутренние стимулы.

— То есть?

— Он был неуправляем, видел галлюцинации. А теперь забыл об этом. Не помнит даже тех жутких звуков, из-за которых с ним такое случилось. Свидетели и друзья говорят, что накануне замечали кое-какие странности, ведь обычно он был сдержанным. В анамнезе Уайта никаких психических расстройств нет. Думаю, вы и сами это знаете. — Крейн помолчал. — Я считаю, его надо вывозить со станции.

Ашер покачал головой.

— Увы…

— Если не ради Уайта, то ради меня. Мне уже надоели коммандер Королис и его подчиненные. Они день и ночь в палате, караулят Уайта, чтобы он не сказал, чего не следует. Например, где на исследовательской станции можно взять брикет пластида.

— Боюсь, ничего тут сделать не могу. Как только вы выпишете Уайта, мне придется запереть его в комнате. Только тогда Королис отстанет.

Крейну показалось, что Ашер говорит с какой-то горечью. Ему не приходило в голову, что и руководитель научного отдела тоже страдает от пресса секретности на «Глубоководном шторме».

Он догадался, что Ашер только что дал ему намек — вряд ли у него будет другая возможность сказать то, что нужно.

«Пора», — подумал Крейн. И набрал воздуха в грудь.

— Кажется, я начал наконец понимать, — заговорил он.

Ашер, который смотрел на мячик в своей руке, поднял взгляд:

— Что?

— Зачем я здесь.

— Это ясно. Вы здесь для того, чтобы решить наши медицинские проблемы.

— Нет. Я хочу сказать: почему выбрали именно меня.

Начальник отдела научных исследований смотрел на него ничего не выражающим взглядом.

— Видите ли, сначала я не знал, что и думать. Я ведь не пульмонолог, не гематолог. Если бы рабочие страдали от кессонной болезни, то зачем приглашать меня? Но оказывается, что дело тут не только в этом.

— Вы так думаете?

— Я уверен. Получается, что в атмосфере станции нет ничего необычного или странного.

Ашер продолжал смотреть на него, но ничего не говорил. Крейн, глядя ему в лицо, спросил себя, не напрасно ли он затеял этот разговор. Но теперь, начав, надо выкладывать все.

— Я поместил одного из пациентов с ишемией в гипербарическую камеру, — продолжал он. — И знаете, что обнаружил?

Ашер по-прежнему не отвечал.

— Я обнаружил, что она ничуть не помогает. Но это еще не все. По датчикам камеры, атмосферное давление в норме — как внутри, так и снаружи. — Крейн выдержал паузу. — Значит, все эти разговоры о повышенном давлении, об особом составе воздуха — просто для отвода глаз?

Ашер стал разглядывать мячик.

— Да, — сказал он, помолчав. — И очень важно, чтобы вы ни с кем этой информацией не делились.

— Конечно. Но почему?

Ашер бросил мячик об пол, поймал и задумчиво стиснул в руке.

— Нам нужно было объяснить, почему никто не может сразу покинуть станцию.

— Значит, все эти разговоры об атмосфере, о долгом процессе акклиматизации и еще более долгой реабилитации — лишь отличная дезинформация?

Ашер еще раз кинул мячик об пол и зашвырнул в угол. Больше можно было не притворяться, что они играют.

— Все эти камеры, в которых мне пришлось сидеть, — имитация?

— Нет, они настоящие. Это рабочие декомпрессионные камеры. Просто все приспособления в них сейчас отключены. — Он бросил взгляд на Крейна. — Так вы говорили, что поняли, зачем вас пригласили.

Крейн сглотнул.

— Увидев показания гипербарической камеры, я сложил наконец два и два. Для того же, чем я занимался во время «Бури в пустыне»?

— Да, а кроме того, вы знаете, что случилось с подводной лодкой «Спектр».

Крейн с удивлением посмотрел на него.

— Вам и это известно?

— Нет. Информация по-прежнему засекречена. Но адмирал Спартан знает. Ваши навыки диагноста, опыт работы с… со странными медицинскими ситуациями в очень тяжелых обстоятельствах — вот ваши настоящие плюсы. И раз из соображений безопасности Спартан согласился пустить на станцию только одного человека, то вы стали самой лучшей кандидатурой.

— Вот, опять секретность! Я никак не могу понять одну вещь…

Ашер вопросительно на него посмотрел.

— К чему все эти тайны? Что такого в этой Атлантиде, что нужно принимать столь суровые меры? И кстати, почему государство решило вбухать сюда столько денег, предоставить такое дорогое оборудование? Неужели для археологических раскопок? — Крейн взмахнул рукой. — Послушайте, одно только содержание станции обходится налогоплательщикам не меньше чем в миллион долларов в день.

— На самом деле, — тихо вставил Ашер, — сумма гораздо больше.

— По моему опыту общения с бюрократами из Пентагона могу сказать: они не очень-то интересуются древними цивилизациями. А такие агентства, как Национальная служба океанографических исследований, ходят обычно с протянутой рукой, выклянчивая крохи у правительства, — вы и сами знаете все это лучше, чем я. Но здесь у вас самое современное, самое засекреченное оборудование для проведения каких-то невероятных работ. — Он помолчал. — Да, вот еще что: станция обеспечивается энергией от ядерного реактора? Я повидал немало атомоходов, чтобы догадаться. А на моем бейдже стоит радиоактивная метка.

Ашер улыбнулся, но ничего не ответил. Занятно, подумал Крейн, каким неразговорчивым стал человек в последнее время.

На миг на корте повисло напряженное, неуютное молчание. У Крейна имелась про запас еще одна бомба, самая большая, и он понял, что нет смысла беречь ее.

— В общем, я подумал обо всем этом, — заговорил он. — И единственный ответ, который приходит мне в голову: там, внизу, не Атлантида. А что-то другое. — Он посмотрел на Ашера. — Я прав?

Ашер глянул на него задумчиво. Потом кивнул — едва заметно.

— И что там? — не унимался Крейн.

— Простите, Питер. Не могу вам ответить.

— Нет? Почему?

— Потому что, если я вам скажу, боюсь, адмирал Спартан прикажет вас убить.

Услышав такое, Крейн начал было смеяться, но посмотрел на Ашера и осекся. Потому что руководитель научных работ, всегда готовый повеселиться, на этот раз даже не улыбался.

## 13

У самых дальних границ Шотландии — за Скаем, за Гебридами — лежит архипелаг Сент-Килда. Это самая крайняя точка Британских островов, состоящая из грубо окатанных коричневых валунов, едва заметных в пене прибоя; мрачное, суровое, раздираемое морем место.

На самой западной точке Хирты, главного острова, над солеными водами Атлантики вздымается тысячефутовый гранитный мыс. На его вершине высится длинный серый Гримуолд-Касл, старый, хаотично выстроенный монастырь, предназначенный противостоять и дурной погоде, и катапультам; его окружает звезда каменных куртин из местной породы. Обитель была возведена в тринадцатом веке одним из монашеских орденов, искавших убежища и от гонений, и от секуляризации, все шире распространяющейся по Европе. Прошло несколько десятилетий, и в поисках уединенного места для молитв и размышлений о духовном к ордену стали присоединяться, спасаясь от духа разложения англиканских обителей, другие братья: картезианцы, бенедиктинцы. Обогатившись за счет пожертвований послушников, библиотека Гримуолд-Касла стала одним из самых крупных монастырских книжных центров в Европе.

Вокруг монастыря начали селиться рыбаки, обслуживая те немногие мирские потребности, которые монахи не могли удовлетворить сами. Слава обители ширилась, и помимо новых братьев там привечали и случайных путников. В период расцвета Гримуолд-Касла дорога пилигримов вела из средневековой богадельни через огороженную поляну, покрытую травой, прямо к воротам с подъемной решеткой в стене куртины, вилась вниз по крутому склону в деревушку, а оттуда путь лежал дальше, на Гебриды.

Ныне гостеприимная дорога пилигримов исчезла, и только кое-где редкие пирамидки из камней возвышались над таким же каменистым пейзажем. Деревенька рядом с монастырем обезлюдела несколько веков назад. Остался лишь монастырь, и его мрачный, исхлестанный штормами фасад по-прежнему смотрит на запад, на холодные воды Атлантики.

* * *

За длинным деревянным столом в главном зале библиотеки Гримуолд-Касла сидел посетитель. Руками в белых хлопчатобумажных

перчатках он переворачивал пергаменовые страницы старинного фолианта, для лучшей сохранности разложенные на льняном полотне. В воздухе плавала пыль, свет был тускловат, и посетитель немного щурился, чтобы разобрать слова. У его локтя высилась стопка других книг — иллюстрированные рукописи, старопечатные фолианты, древние трактаты, переплетенные в тисненую кожу. Примерно каждый час появлялся монах, уносил прочитанное гостем, перебрасывался с ним словом-другим и удалялся. Посетитель же то и дело отвлекался, чтобы сделать беглые заметки в блокноте, но с течением времени эти перерывы стали все более и более редкими.

Наконец, когда было уже далеко за полдень, в библиотеку вошел другой монах, который принес новую стопку рукописей. Как и его собратья по ордену, он был одет в простую сутану, подпоясанную белым вервием. Он казался старше остальных и шествовал более размеренным шагом.

Монах прошагал по центральному проходу читального зала. Подойдя к столу посетителя — единственному занятому столу в зале, — он положил древние книги на белое полотно.

— Dominus vobiscum,[5] — сказал он с улыбкой.

Мужчина за столом встал.

— Et cum spiritu tuo.[6]

— Пожалуйста, сидите. Вот еще рукописи, которые вы просили.

— Вы очень любезны.

— Мы только рады. Нынче, увы, ученые навещают нас очень редко. Похоже, мирские блага теперь ценятся выше, чем просвещенный разум.

Мужчина улыбнулся.

— Или поиски истины.

— Что часто одно и то же. Хорошо сказано. — Монах достал из складок сутаны мягкую тряпицу и любовно протер старые книги. — Вас зовут Логан? Доктор Джереми Логан, профессор средневековой истории в Йеле?

Гость посмотрел на него.

— Да, я доктор Логан. Но сейчас в академическом отпуске.

— Сын мой, не бойтесь, я не шпионю за вами. Я — отец Бронвин, настоятель Гримуолд-Касла. — Вздохнув, монах сел у дальнего конца стола. — Во многих смыслах это тяжелая работа. Вы, наверное, думаете, что такой старый монастырь, как этот, не страдает от внутренней

волокиты и мелких дрязг. Но, сказать по правде, дело обстоит наоборот. Мы находимся так далеко от центра, жизнь наша проста и скромна, а новые послушники появляются у наших ворот крайне редко. Сейчас здесь меньше половины от того числа насельников, что было еще пятьдесят лет назад. — Он опять вздохнул. — Но есть в моем положении и утешительные стороны. Например, я руковожу всеми библиотечными и библиографическими делами, поскольку, как вы знаете, собрание Гримуолд-Касла остается нашей единственной и самой главной ценностью — прости, Боже, мою страсть.

Человек по имени Логан едва заметно улыбнулся.

— И я, конечно, в курсе всех приездов и отъездов из нашего монастыря, особенно если дело касается столь высокочтимых посетителей, как вы. Ваши рекомендательные письма произвели глубокое впечатление.

Доктор Логан склонил голову.

— Я не мог не заметить, что к вашей заявке на посещение нашей библиотеки был приложен план путешествия.

— Да, это я проглядел. Я занимался исследованиями в Оксфорде, и мне пришлось поспешно уехать. Боюсь, бумаги перепутались. Я вовсе не хотел хвастаться.

— Конечно. Я не это имел в виду. Но я не мог не удивиться, узнав, сколько разных мест вы посетили за свой короткий отпуск. Как я помню, это Сент-Уорвикс-Тауэр в Ньюфаундленде?

— Да, это к югу от Баттл-Харбор, на побережье.

— А потом вторая остановка. Аббатство Рот.

Доктор Логан кивнул еще раз.

— О нем я тоже слышал. Мыс Фарвел, Гренландия. Расположено почти так же уединенно, как и мы.

— Но их библиотека — древняя и очень большая — посвящена в основном местной истории.

— Еще бы. — Настоятель склонился над столом. — Надеюсь, вы простите мне мою невоспитанность, доктор Логан, — как я уже говорил, у нас в последнее время бывает столь мало гостей, что я, увы, подрастерял навыки светского поведения. Но видите ли, больше всего в ваших поездках меня удивляет, сколько времени вы отвели на каждую. Все места обладают богатыми библиотеками, которые вознаградят за недели трудов. И любое требует изрядного времени и денег, чтобы до него добраться. Однако, судя по вашему плану, сегодня лишь третий день вашей поездки. Что вы ищете, доктор Логан, что заставляет вас

передвигаться с такой скоростью и вынуждает вас на такие траты сил и денег?

Доктор Логан глянул на монаха. Потом кашлянул, чтобы прочистить горло, и посмотрел на стол.

— Как я уже говорил, отец Бронвин, маршрут путешествия оказался среди рекомендательных писем по чистому недосмотру с моей стороны.

Отец Бронвин отодвинулся от стола.

— Да, конечно. Я любопытный старик и вовсе не хотел ничего у вас выведывать. — Сняв очки, он краем сутаны протер стекла и снова надел очки на нос. Потом положил руку на переплетенные в телячью кожу тома, принесенные им в зал. — Вот книги, которые вы просили. «Светские истории» магистра Битона, появившиеся примерно в тысяча четыреста сорок восьмом году, «Хроники» Колкахуна, вышедшие на сто лет позднее, и, конечно, «Полиграфия» Тритемиуса.

Произнеся последнее название, настоятель слегка вздрогнул.

— Благодарю вас, святой отец, — сказал доктор Логан, кивая и провожая взглядом уходящего настоятеля.

Через час пришел монах-библиотекарь, забрал рукописи и книги и получил письменную заявку Логана на другие. Через несколько минут он вернулся, неся стопку старых томов, и бережно опустил их на хрустящий холст.

Доктор Логан положил книги перед собой и руками в белых перчатках перелистал их одну за другой. Первый из томов был на среднеанглийском, второй — на вульгарной латыни, третий — плохой перевод с аттического диалекта, известного как койне. Ни один из языков трудности для Логана не представлял, профессор легко читал тексты. Однако, продолжая свою работу, он становился все более мрачным. Наконец он отложил последнюю книгу, поморгал и потер поясницу. Три дня поездок по забытым богом местам, три ночи сна в продуваемых сквозняком комнатах из холодного камня давали о себе знать. Он обвел взглядом огромный зал со сводчатым потолком в романском стиле и узкими окнами, в которых светились примитивные, но очаровательные витражи. Сквозь них пробивалось послеполуденное солнце, покрывая пол пятнами разноцветной мозаики. Монахи, по своей традиции, дадут ему ночлег — в конце концов, на много миль вокруг другого пристанища нет, как нет и дорог, по которым можно уехать. А утром его заберет арендованный катер и отвезет на главный остров… а потом? И с внезапной слабостью Логан понял, что не знает, куда теперь ехать.

У него за спиной раздалось покашливание. Доктор Логан повернулся и увидел настоятеля, который смотрел на него, заложив руки за спину. Отец Бронвин приветливо улыбнулся.

— Не повезло? — тихо спросил он.

Логан покачал головой.

Монах шагнул к нему.

— Мне бы очень хотелось вам помочь, сын мой. Не знаю, что вы ищете, но понятно, что для вас это очень важно. Может быть, я докучливый старый дурак, но я принадлежу к религиозному ордену. И знаю, как хранить доверенные мне тайны. Позвольте мне помочь вам. Расскажите, что вы ищете.

Логан колебался. Его заказчик не один раз подчеркнул, что дело требует абсолютной секретности. Но какой смысл в секретности, если она ничего не скрывает? Он уже посетил три важнейших книгохранилища, а также несколько библиотек поменьше, имея очень нечетко обозначенное задание. Гуманитарный эквивалент иголки в стоге сена. Не удивительно, что он ничего не нашел. Логан осторожно посмотрел на настоятеля.

— Я ищу сообщения... свидетельства одного события.

— Понятно. А что это за событие?

— Не знаю.

Настоятель поднял брови.

— Неужели? Это затрудняет дело.

— Все, что мне известно, — случай должен быть достаточно заметным, чтобы его внесли в исторические хроники.

Настоятель медленно обошел вокруг стола и сел. Его взгляд не отрывался от лица доктора Логана.

— Нечто необычное. Например... чудо?

— Вполне вероятно. — Логан помолчал. — Но, насколько я понял, это чудо, если можно так сказать... вовсе не божественного происхождения.

— Другими словами, демонической природы.

Доктор Логан кивнул.

Настоятель медленно вздохнул.

— Это вся информация, которой вы владеете?

— Не совсем. Я знаю приблизительное время и место.

— Продолжайте, прошу вас.

— Это событие произошло примерно шестьсот лет назад. И где-то там.

Доктор Логан указал на северо-западную стену библиотеки.

Монах выразительно посмотрел на него.

— В море?

— Да. То, что могли увидеть местные рыбаки, находившиеся далеко от берега. Или, если день был ясный, то, что мог разглядеть на горизонте над водой человек, шедший по прибрежным скалам.

Монах хотел заговорить, но потом замолчал, словно передумав.

— Библиотеки в тех двух монастырях, которые вы посетили, — тихо начал он наконец. — Они тоже расположены на побережье. И обе находятся в северной части Атлантики. Совсем как мы.

Логан немного подумал. И едва заметно кивнул.

Настоятель ответил не сразу. Он смотрел мимо Логана, и взгляд у него был отстраненный, словно он смотрел на что-то далекое — в пространстве, а может, и во времени. Монах-библиотекарь собрал книги из-под локтя Логана и, неслышно ступая, вышел. Старая пыльная комната погрузилась в напряженное молчание.

Наконец отец Бронвин встал.

— Подождите меня здесь, — сказал он. — Я скоро вернусь.

Логан подчинился. Настоятель пришел через десять минут, осторожно неся в руках объемистый прямоугольный предмет, завернутый в черную материю. Монах положил его на стол и осторожно снял ткань. Под ней оказалась свинцовая шкатулка, инкрустированная золотыми и серебряными листьями. Сняв с шеи ключ, аббат открыл ее.

— Вы были откровенны со мной, сын мой, — произнес он. — И я буду откровенен с вами. — Он мягко похлопал по коробочке. — Внутри то, что веками оставалось среди главных секретов Гримуолд-Касла. Сначала считалось, что владеть записями об упоминаемых здесь событиях просто опасно. Потом, когда росли и ширились легенды, сама рукопись стала слишком ценной и удивительной, чтобы ее можно было кому-то показывать. Но, думаю, вам, доктор Логан, я могу ее доверить, пусть лишь на несколько минут... — И монах медленно придвинул коробку через стол к Логану. — Надеюсь, вы не возражаете, если я останусь здесь,

пока вы читаете? Я не могу потерять шкатулку из виду. Я принес клятву, когда принимал назначение настоятелем в эту обитель.

Логан не стал открывать ящичек сразу. Он пристально смотрел на золотые и серебряные листья, покрывавшие крышку. Несмотря на все свое любопытство, он колебался.

— Может быть, до того, как начать, мне следует узнать что-то еще? — спросил он. — Может быть, вы еще что-то можете мне сказать?

— Я думаю, содержимое само вам все скажет. — На лице настоятеля появилась улыбка, не то чтобы мрачная, но и не слишком приятная. — Доктор Логан, вы, должно быть, знаете, что существовала такая надпись «Здесь монстры»?

— Да.

— Она встречается на пустых местах на старинных картах. — Настоятель опять замолчал. Потом очень аккуратно и тихо он постучал по шкатулке. — Читайте внимательно, доктор Логан. Я человек не азартный, меня волнует, пожалуй, только качество вина — того, которое каждый год ставит в сезон брат Фредерик, но готов спорить, что это пугающее выражение пошло как раз отсюда.

**14**

Когда Крейн вошел в конференц-зал «А», меньший из двух в медпункте, то обнаружил, что Мишель Бишоп уже там и при помощи металлического стилуса вносит информацию в свой наладонный компьютер. Блестящая поверхность стола переговоров была совершенно пуста. По предыдущему опыту Крейн мог сказать, что совещания медиков по текущим вопросам всегда сопровождаются шквалом бумаг — графиков, отчетов, историй болезни. Но за исключением тощей папки под мышкой самого доктора, ничего подобного не наблюдалось. Распечатки занимают слишком много драгоценного места, поэтому все данные, какие только возможно, на «Глубоководном шторме» хранились в электронном виде.

Пока он усаживался, Бишоп подняла взгляд, послала ему мимолетную улыбку, потом снова посмотрела на свой компьютер и сделала последнюю запись.

— Как состояние Уайта? — спросил Крейн.

— Я думаю, завтра его можно будет выписать.

— Правда?

— Роджер беседовал с ним, а Ашер согласился запереть его в комнате. Нет смысла держать его у нас и дальше.

Пока она говорила, в комнату вошел Роджер Корбетт с большой чашкой «латте» из ближайшего кафе. Он широко им улыбнулся и сел за дальний конец стола, поставив перед собой кофе и собственный карманный компьютер.

— Мишель как раз говорит мне, что вы решили выписать Уайта, — сказал Крейн.

Корбетт кивнул.

— Я провел полную психологическую диагностику. У него отмечается некоторая тревожность, которой не было во время первичного осмотра, наверное, это результат неспецифической депрессии. Но на прием препаратов Уайт реагирует хорошо. Мы поддерживали его антидепрессантами — никаких побочных эффектов. Мне кажется, перед нами простой невроз, который хорошо поддается лечению.

Крейн нахмурился.

— Конечно, вы вправе придерживаться такого мнения. Но двое суток назад, будучи в этом «простом неврозе», он захватил заложника и воткнул отвертку себе в горло.

Корбетт отхлебнул кофе.

— Конечно, последствия пока сказываются, и мы сейчас даже не знаем, сколько времени потребуется Уайту. Да, люди здесь испытывают большой стресс, и мы можем оказывать самую лучшую медицинскую помощь, но никогда не решимся предсказать все возможные отклонения в поведении. Иногда они проявляются как нервный срыв. Я планирую по-прежнему ежедневно навещать Уайта в его комнате и держать его под постоянным наблюдением.

— Отлично, — сказал Крейн.

«По крайней мере, Королис со своими ребятами перестанет торчать в медпункте», — подумал он. Он оглянулся на Бишоп.

— Есть какие-нибудь новые случаи или обращения?

Она посмотрела в компьютер.

— Приходил техник с жалобами на спазм толстой кишки. У другого сильное сердцебиение. И еще один из ремонтников сообщил о неспецифических симптомах: бессонница, неспособность сосредоточиться.

— Понятно. Благодарю вас. — Крейн перевел взгляд с Бишоп на Корбетта. — Ну что, продолжим?

— Что продолжим? — спросила Бишоп. — Я не совсем поняла, зачем вы назначили встречу.

Крейн посмотрел на нее через стол, спрашивая себя — неужели ему придется бороться с ней на каждом шагу?

— Я назначил эту встречу, доктор Бишоп, чтобы определить, с чем же мы имеем здесь дело.

Бишоп откинулась на стуле.

— Я не думала, что мы пришли к каким-то выводам и выяснили общую причину.

— Да, причина одна, мы просто не знаем, какова она.

Бишоп, скрестив на груди руки, пристально на него посмотрела.

— Четверть персонала на станции жаловались на расстройства самочувствия, — продолжал Крейн. — Это не совпадение. Сердечные приступы не происходят сами по себе. Да, раньше я считал, что всему виной кессонная болезнь. Я был не прав, когда принял такое решение, не ознакомившись с фактами. Но, так или иначе, что-то здесь происходит.

— Но схожих симптомов не наблюдается, — возразил Корбетт, — по крайней мере, специфических.

— Тем не менее должно быть что-то общее, просто мы это еще не обнаружили. Мы слишком сосредоточились на частных случаях, чтобы увидеть всю картину в целом. Нужно отступить, провести дифференциальную диагностику.

— Как вы предлагаете это сделать? — спросила Бишоп.

— Как нас учили в медицинской школе. Наблюдать симптомы, предлагать вероятные объяснения, отказываться от каждой гипотезы, которая не подтвердилась. Давайте начнем с того, что составим перечень. — Крейн взял из своей папки лист бумаги, достал ручку. И посмотрел на два маленьких компьютера, светивших экранами с полированной столешницы. — Извините, — сказал он с усмешкой. — Я привык делать это по старинке.

Корбетт улыбнулся, кивнул и отхлебнул еще кофе. В воздухе распространялся густой аромат напитка.

— Теперь мы знаем, что воздух на станции не содержит никаких редких газов или прочих примесей (кстати, мы никому не должны об этом сообщать), так что эту возможность мы исключаем. Что у нас остается? Доктор Бишоп, вы упоминали жалобы на тошноту. Это может

предполагать интоксикацию — либо систематическую, едой или питьем, либо общую — как результат взаимодействия с каким-то отравляющим веществом на станции.

— Это точно так же может означать нервное расстройство, — заметила Бишоп.

— Верно. — Крейн записал. — Хороший довод; все может иметь психологическую природу, это видно по Уайту. Мы находимся в необычной, стрессовой ситуации.

— А инфекция? — спросил Корбетт. — Проявление какой-нибудь редкой болезни?

— Есть такая вероятность. «Глубоководный шторм» или один из людей на станции может быть источником некоего заболевания, известного или неизвестного. Вирусного, грибкового или микробного. Некоторые пациенты или даже все могут оказаться переносчиками инфекции.

— Не могу согласиться, — возразила Бишоп. — Мне на ум приходит единственное, что может вызвать столь разнообразные проявления: побочный эффект употребления наркотиков.

— Отличное предположение. Они тоже могут быть причиной. — Крейн опять сделал пометку на листе. — Может быть, персоналу делали прививки, например, перед прибытием на станцию? Или кололи какие-нибудь витамины? Или сотрудникам прописывают какие-то стимулирующие препараты?

— Мне ни о чем таком не известно, — сказала Бишоп.

— Мы должны проверить. Нельзя сбрасывать со счетов и наркотики.

— Например, метамфетамин, — вставил Корбетт.

— Или «экстази». Он нарушает аминокислотный обмен в организме и может вызывать симптомы, подобные тем, что наблюдались у Уайта.

— Может быть и состав питания, — произнесла Бишоп. — Диетолог составил особый рацион, с большим содержанием белков и пониженным количеством углеводов. Флот использует станцию как полигон.

— Очень интересно. Надо еще раз проверить анализы крови, чтобы посмотреть, играет ли диета какую-нибудь роль.

Крейн посмотрел на Бишоп, на Корбетта и порадовался, что они оба охотно участвуют в обсуждении.

— У нас получается неплохой список. Давайте посмотрим, можно ли из него что-нибудь выделить. Мы знаем, что симптомы никак не связаны ни с расположением зон станции, ни со спецификой работы. Есть ли какая-нибудь зависимость от возраста или половой принадлежности?

Бишоп постучала по своему компьютеру.

— Нет. Разброс идет по всем возрастным группам, а процентное соотношение полов в целом соответствует таковому на станции.

— Хорошо. По крайней мере, мы можем продолжить. — Крейн заглянул в свои записи. — В первом приближении кажется, что наиболее вероятная причина — интоксикация или какой-то наркотик. Например, отравление солями тяжелых металлов дает очень широкий спектр симптомов. Инфекционное заболевание можно с большим отрывом поставить на третье место, но все же необходимо это проверить. — Он посмотрел на Корбетта. — Кто самый хороший технический специалист в медпункте?

Психолог с минуту подумал.

— Джейн Рэнд.

— Надо дать ей задание свести вместе все записи, которые мы сделали по каждому пациенту, и запрограммировать работу с базами данных так, чтобы можно было выявить скрытые взаимосвязи. Пусть все проверит — от трудовых книжек до результатов анализов.

Он помолчал.

— А она может проверить, в какие кафе ходили пациенты?

Корбетт понажимал кнопки на своем компьютере. Поднял глаза и кивнул.

— Тогда добавьте и это. Посмотрим, может, что-нибудь и появится. Потом надо будет сравнить полученные данные по пациентам с информацией об остальных людях на станции, тех, которые здоровы, — может быть, между ними есть какая-то разница.

Крейн посмотрел на Бишоп.

— Доктор Бишоп, вы могли бы проверить анализы крови еще раз, на предмет обнаружения яда или наркотиков?

— Хорошо, — ответила женщина.

— Пожалуйста, попросите медперсонал взять образцы волос у каждого пациента, который обращался в медпункт за последние две недели. А впредь, пожалуй, надо брать анализ крови и мочи у всех новых

пациентов, даже если они обращаются по поводу занозы. Давайте, кстати, проведем всестороннее обследование — электрокардиограммы, эхокардиограммы, электроэнцефалограммы, все анализы.

— Я вам уже говорила, что у нас на станции нет электроэнцефалографа, — заметила Бишоп.

— А мы можем его получить?

Она пожала плечами.

— Со временем.

— Тогда, пожалуйста, подайте заявку. Мне бы не хотелось что-нибудь упустить. И кстати, пусть лаборанты проверят все ранние истории болезни. Если это вспышка какого-то инфекционного заболевания, мы могли бы выделить самый первый случай. — Крейн встал. — Пожалуй, пойду поговорю с диетологами, посмотрю, что у них там за специальное питание. Давайте встретимся утром, обсудим, что удалось выяснить.

У двери он остановился.

— Кстати, я вот еще о чем хотел спросить вас. Кто такой мистер Флайт?

Бишоп и Корбетт переглянулись.

— Мистер Флайт? — переспросила Бишоп.

— Старичок грек в рабочем комбинезоне. Вскоре после того, как я приехал, он явился ко мне в каюту без приглашения. Странный человек, ему, кажется, нравится говорить загадками. Какая у него должность?

Возникла пауза.

— Извините, доктор Крейн, — сказал Корбетт. — Я с ним незнаком.

— Нет? — Крейн повернулся к Бишоп. — Невысокого роста, жилистый, с большой копной седых волос. Сказал мне, что занимается крайне секретной работой.

— Я знаю на станции всех, — ответила Бишоп. — И никто под ваше описание не подходит. Самому старому сотруднику пятьдесят два года.

— Что? — воскликнул Крейн. — Но это же невозможно! Я видел старика собственными глазами!

Бишоп обратилась к своему компьютеру, набрала недлинную команду, глянула на крохотный экран. И подняла взгляд.

— Доктор Крейн, я уверена: на станции нет человека по имени Флайт.

Роберт Луазо отошел от кухонной плиты, снял с головы поварской колпак и вытер потное лицо висевшим у него на поясе полотенцем. На камбузе холодно, а он мокрый как мышь. И ведь смена началась всего полчаса назад. Кажется, день будет длинный. Очень длинный.

Он глянул на стенные часы — половина четвертого. Волна обедающих схлынула, посудомойки вымыли кастрюли и сковородки, и в кухне было тихо. Но тихо — понятие относительное: он давно знал, что камбуз на военном корабле — это совсем не то, что кухня на твердой земле. Тут не существует четких расписаний приема пищи, люди приходят и уходят, когда захотят. А уж на станции, где работа идет в три смены, нет ничего необычного, если кто-то попросит подать завтрак в восемь часов вечера или обед в два часа ночи.

Луазо еще раз вытер лицо и отпустил конец полотенца. Кажется, в последнее время он постоянно потеет, и не только на камбузе. И это еще не все; он заметил, что у него начали дрожать руки, а сердце теперь бьется немного быстрее, чем всегда. А потом, он все время чувствует усталость, но когда ложится, то не может уснуть. Он не мог бы сказать, когда это началось, но одно было понятно: медленно, но верно ему становится все хуже.

Эл Таннер, главный кондитер, прошел мимо, насвистывая «Вечером волшебным». Кондитерский мешок висел у него на плече, словно свежезабитый гусь. Таннер перестал свистеть и крикнул:

— Привет, Уазу.

— Уазо, — тихо поправил его Луазо.

Хочется надеяться, что на серьезной кухне персонал знает, как хотя бы произносить французские имена. Может, они все просто его дразнят? На самом деле только Рено, шеф-повар, правильно называет его по имени, но он редко снисходит до того, чтобы обращаться к людям по именам, предпочитая подозвать человека движением указательного пальца.

Луазо, вздохнув, повернулся к плите. Времени на праздные мечтания нет. Сейчас надо готовить соус бешамель — огромное количество. На обед шеф Рено задумал подать турнедо с подливками Морне и котлетт д'анье экосез, а оба блюда делаются на основе соуса бешамель. Конечно, Луазо может приготовить бешамель, даже не просыпаясь. Но ему пришлось пройти суровую школу, чтобы понять: приготовление пищи — все равно что марафон: ты замедляешь ход, а другие бегут с той же скоростью, и если ты промедлил, догнать потом невозможно.

«Потушить лук, добавить обжаренной муки...» Луазо топтался по своему пятачку на кухне и чувствовал, как все быстрее бьется сердце и все короче становится дыхание. Конечно, может быть, он заболевает. Тем не

менее он подумал, что есть и другое объяснение тому, что у него постоянно потеют руки, а ночью тревога не дает уснуть. Одно дело работать на авианосце — огромные, как пещеры, отсеки, бесконечные гулкие коридоры. А тут все по-другому. Во время долгого подготовительного периода, бесконечных собеседований он как-то ни разу не задумался, каково это — жить на «Глубоководном шторме»? Зарплату предлагали фантастическую, а мысль о том, что будешь участвовать в засекреченном проекте, где используются самые передовые технологии, туманила голову. Он на флоте уже пять лет, работал на адмиральских камбузах; ну какая разница — работать под водой, а не над водой, как обычно?

Получается, что он не знал, чего ожидать от «Глубоководного шторма».

«Господи, как жарко». Он медленно добавлял в белую муку молоко, тимьян, лавровый лист, сливочное масло и лук. Быстро помешивая соус, он наклонился над кастрюлей и почувствовал легкое головокружение, ему даже пришлось отступить, чтобы глотнуть ртом воздуха. Он слишком часто дышит, вот в чем беда. «Парень, держи волю в кулаке. Смена только началась, еще тьма всякой ерунды впереди».

Таннер возвращался из кладовой, в руках у него был большой пакет с мукой. Увидев Луазо, он остановился.

— Парень, с тобой все в порядке? — спросил кондитер.

— Да… нормально, — ответил Луазо.

Как только Таннер отошел, он вытер лицо полотенцем и тут же принялся помешивать соус: если сейчас промедлить, мука пригорит и придется начинать все сначала.

Он, оказывается, совсем забыл о том, что здесь не будет ни солнечного света, ни свежего морского воздуха. А потом, авианосцы хотя бы двигаются. Луазо никогда не думал, что боится закрытого пространства, но жить в железном ящике, из которого не можешь выбраться, а снаружи на голову тебе давит океан… рано или поздно это начинает тебя донимать. Люди, которые спроектировали «Глубоководный шторм», добились изрядных успехов в миниатюризации, и сначала, когда Луазо работал наверху, на одиннадцатом уровне, он совсем ничего не замечал. Но потом его перевели на центральную кухню, на седьмой уровень. А внизу оказалось немножко теснее. Когда закипает работа, сюда набивается столько народу, что едва можно пройти. В такие минуты в последние дни Луазо чувствовал себя хуже всего. Проснувшись сегодня, он первым делом подумал о грядущей обеденной толчее. И сразу начал потеть, еще даже не вылезая из проклятой постели…

Он крепко схватился за поручень из нержавейки, идущий вокруг плиты, — желудок скрутила тошнота. Вернулось головокружение, и он, уже в легкой панике, помотал головой, пытаясь от него избавиться. Может, он правда заболевает? Может, у него грипп начинается? После смены надо будет зайти в медпункт. Нервы это или простуда, а там должны помочь.

Сделав над собой усилие, Луазо принялся снова помешивать соус, чтоб тот не кипел, и попытался проверить, каков цвет, чистота и запах его произведения. И тут заметил «гонца» — одного из кухонных рабочих, приписанных к «Дну», кают-компании, расположенной где-то в недрах станции; тот выходил, неся целую стопку готовых блюд. Там был только крохотный камбуз, и поэтому наверх часто посылали «гонцов» — тех, кто работал и жил в закрытой зоне станции и имел все необходимые допуски, чтобы отнести приготовленные в центральной кухне блюда на закрытые уровни.

Вот еще что сильно не нравится Луазо — вся эта секретность. Тут внизу она более заметна, чем наверху. Он сразу может отличить тех, кто работает в закрытых зонах: они садятся в стороне от остальных, сгрудившись за одним столиком, сдвинув головы, и переговариваются полушепотом. Зачем столько тайн в научной экспедиции? При таких строгостях он даже не знает, чем, собственно, занята экспедиция и насколько успешно идет работа. А это означает, что он не имеет ни малейшего представления о том, когда можно будет отсюда уехать И вернуться домой.

Домой…

И вдруг его накрыла новая волна слабости, гораздо сильнее предыдущих. Луазо покачнулся, нащупывая поручень. Это не нервное, а кое-что посерьезней. Холодея от страха, он пытался устоять на ногах.

Снова приступ головокружения, и перед глазами все потемнело. Люди в кухне оставили свою работу, положили ножи, лопатки и деревянные ложки — все смотрели на него. Кто-то заговорил с ним, но ему слышался тихий шепот, и он не смог разобрать ни слова. Протянув руку, чтобы сохранить равновесие, Луазо схватился за тяжелую кастрюлю с соусом, но промахнулся, скользнув вдоль ее бока. И ничего не ощутил. Еще один приступ слабости, совсем изнуряющий. Неприятный запах достиг его ноздрей — вонь паленых волос и подгоревшего мяса. Он решил, что это, наверное, галлюцинация. Все бежали к нему. Он посмотрел вниз, но перед глазами все расплывалось, и он только успел заметить, что рука его столкнула кастрюлю с соусом и теперь лежит на открытой плите. Между пальцами плясали голубые языки пламени, но он ничего не чувствовал. Наконец накатила последняя волна слабости, манящая

чернота обволокла его, словно одеяло, и Луазо решил, что самое естественное — упасть на пол и погрузиться в темноту.

**16**

— Вы закончили, доктор?

Крейн повернулся и увидел шеф-повара Рено — тот, скрестив руки, стоял неподалеку, и его лицо выражало сильное неодобрение.

— Почти.

Повернувшись спиной к полке, на которой стояла по меньшей мере сотня маленьких бочонков, Крейн наугад взял один, сорвал пластиковую упаковку и набрал в пробирку примерно чайную ложку сливочного масла.

Холодильная камера центральной кухни оказалась просто сокровищницей. Она была набита не только типичными продуктами — птицей, говядиной, яйцами, свежими овощами, молоком и тому подобным, но и такими, которые могли бы сделать честь самым дорогим ресторанам континента. Белые и черные трюфели, почти бесценный бальзамический уксус многолетней выдержки в крохотных стеклянных пузырьках, фазаны, куропатки, гуси, ржанки, огромные банки русской и иранской черной икры. И все это втиснуто в пространство размером максимум десять футов на двадцать. Обнаружив такие залежи деликатесов, Крейн был вынужден брать образцы только с самых популярных продуктов, которые могли бы есть почти все и почти каждый день. И все равно уже почти все пробирки из двухсот имеющихся заполнены, а час, который он на это потратил, довел шеф-повара до белого каления.

Убрав бочонок с маслом, Крейн перешел к следующей полке, на которой стояли основные ингредиенты для изготовления домашних соусов: отменные выдержанные сорта французского винного уксуса из белого вина и оливковое масло холодного отжима.

— Из Испании, — заметил Крейн, беря бутылку масла и ставя ее на стол.

— Это самое лучшее, — коротко ответил Рено.

— А я думал, итальянское…

Рено издал губами странный звук, наполовину презрительный, наполовину нетерпеливый.

— Фи! Никакого сравнения! Оливки собирают вручную с молодых деревьев, которых на один акр высаживают не более тридцати, поливают скудно, удобряют лошадиным навозом…

— Лошадиным навозом, — повторил Крейн, медленно кивая.

Лицо Рено потемнело.

— Engrais. Удобрение. Все натуральное, никаких химикатов.

Он решил, что поведение Крейна выражает его личное неприязненное отношение к кухне, словно Крейн был инспектором санитарного контроля, а не врачом, который пытается разгадать медицинскую загадку.

Крейн откупорил бутылку, достал новую пробирку из набора, отлил туда немного масла и заткнул пробирку пробкой. Он убрал бутылку с маслом на место и взял следующую, с другой полки.

— У вас тут очень много свежих продуктов. Как вы храните их?

Рено пожал плечами.

— Продукты есть продукты. Со временем портятся.

Крейн наполнил очередную пробирку.

— И что вы с ними делаете?

— Что-то сжигаем. Остальное собираем и вместе с другим мусором со станции отправляем в «лоханке» наверх.

Крейн кивнул. Как он уже знал, «лоханкой» называли большой беспилотный аппарат снабжения, который совершал ежедневные челночные рейсы между станцией и базой на поверхности моря. Устройство, известное под официальным названием «Глубоководный аппарат снабжения LF2-M», являлось опытным флотским образцом, предназначенным для обеспечения лежащих на грунте аварийных подводных лодок. Прозвище оно получило благодаря своим неуклюжим обводам, наводившим на мысли об огромной ванне.

— В «лоханке» поступают и свежие продукты? — спросил Крейн.

— Конечно.

Крейн наполнил уксусом очередную пробирку.

— Кто этим занимается?

— Служба заказа продуктов, на основании инвентарного контроля и долговременного планирования.

— А кто конкретно доставляет пищу из «лоханки» в кухни?

— Офицер службы снабжения, под моим непосредственным руководством. Скоро как раз прибудет сегодняшний рейс. Вообще-то

нам пора уже идти в приемную зону. — Рено нахмурился. — Если вы, доктор, предполагаете...

— Я ничего не предполагаю, — ответил Крейн с улыбкой.

Да и на самом деле он ничего не предполагал. Он уже поговорил со специалистами по питанию — составленный ими рацион казался вполне разумным и здоровым. И хотя Крейн потратил немало времени, чтобы взять десятки проб из кладовых верхней и центральной кухонь, он не особенно надеялся обнаружить что-нибудь.

Не похоже, что в пищу могло попасть нечто постороннее, ни случайно, ни намеренно. Его подозрения все больше склонялись к интоксикации тяжелыми металлами.

Отравление такого типа имеет особенно размытые, неспецифические симптомы, очень похожие на все те, что так или иначе наблюдаются на станции. Хроническая усталость, пищеварительные расстройства, кратковременные провалы в памяти, блуждающие боли, неспособность сосредоточиться и множество других. Крейн уже усадил двух сотрудников медпункта изучать условия работы и досуга на станции, чтобы выяснить наличие свинца, мышьяка, ртути, кадмия и прочих металлов. А всех пациентов, которые обращались в медпункт ранее, просили заглянуть еще раз, чтобы сдать на анализ образцы волос, кровь и мочу. Отравление, скорее всего, имеет острый, а не хронический характер — люди не так много времени провели на станции...

Крейн запечатал последнюю пробирку, установил ее в переносной держатель и со слабым чувством удовлетворения застегнул сумку. Если выяснится, что причиной всему — отравление тяжелыми металлами или ртутью, тогда для лечения заболевших можно будет использовать такие соединения, как димеркаптоянтарная кислота или димеркапрол. Конечно, в этом случае ему придется попросить, чтобы с «лоханкой» прислали требуемое количество медикаментов, ведь в местной аптеке лекарств на всех пациентов не хватит.

Он повернулся и обнаружил, что Рено уже ушел. Крейн взял сумку с образцами, вышел из холодной кладовой и закрыл за собой дверь. Рено в дальнем конце кухни разговаривал с человеком в белой одежде повара. Крейн подошел, и Рено повернулся к нему.

— Вы закончили, — произнес он утвердительно.

— Да, осталось только несколько вопросов — о том поваре, который заболел. Робер Луазо.

Рено, кажется, очень удивился.

— Опять вопросы? Другой врач, женщина, уже спрашивала.

— Надо выяснить еще кое-что.

— Тогда вам придется пойти с нами. Мы и так опаздываем к выгрузке.

— Хорошо.

Крейн не возражал — у него появится шанс самому посмотреть, как продукты попадают из «лоханки» на камбуз, успокоить свои подозрения и вычеркнуть вероятный источник заражения. Его поспешно познакомили с человеком в белом — это был Конрад, офицер службы снабжения, — и двумя другими работниками, которые тащили большие пустые коробки для переноски продуктов. Крейн направился за небольшой процессией — они вышли из кухни и по гулким коридорам двинулись в сторону лифтов.

Рено обсуждал с офицером снабжения нехватку корнеплодов, и к тому моменту, как они прибыли на самый верхний, двенадцатый уровень, Крейну удалось задать про Луазо один-единственный вопрос.

— Нет, — ответил Рено, когда раскрылись двери лифта и они вышли. — Ничто не предвещало. Ничего такого.

Крейн не был на двенадцатом уровне со дня прибытия, но дорогу в гипербарический комплекс запомнил хорошо. Но его собеседник вдруг направился в противоположную сторону, пробираясь запутанным маршрутом по лабиринту узких коридоров.

— Он все еще без сознания, и мы не можем ни о чем его расспросить, — на ходу сказал Крейн. — Но вы уверены, что никто не заметил ничего сколько-нибудь странного или хотя бы необычного?

Рено немного подумал.

— Кажется, Таннер обратил внимание, что Луазо выглядит слегка усталым.

— Таннер?

— Это наш кондитер.

— А он еще что-нибудь говорил?

Рено покачал головой.

— Вам лучше спросить месье Таннера.

— Вы не знаете, употреблял ли Луазо наркотики?

— Конечно нет! — воскликнул Рено. — На моей кухне никто наркотики не употребляет.

Коридор, по которому они шли, заканчивался у большого овального люка, охраняемого одиноким моряком. Над люком виднелась надпись: «ВЫХОД НА ВНЕШНИЙ КОРПУС». Часовой посмотрел на каждого, изучил документ, который протянул ему Рено, и кивком пропустил всю группу.

За люком лежал небольшой стальной коридор без отделки, освещенный красными фонарями, забранными крепкой сеткой. Впереди оказался еще один люк, задраенный снаружи. Люк за ними с лязгом закрылся. Раздался звук срабатывания механизмов. Постепенно все стихло; люди стояли и ждали, освещаемые тусклым красным светом. Крейн вдруг ощутил холодную сырость и слабый, какой-то солоноватый запах — так обычно пахло в трюме подлодки.

Через некоторое время раздался новый скрежещущий звук, на этот раз впереди, и вход перед ними открылся. Они вошли в другой, такой же узкий коридор. И снова люк за ними захлопнулся и автоматически закрылся. Холод и запах были здесь более ощутимы. Крейн глянул вперед, где находился третий стальной люк, больше и тяжелее, чем предыдущие. Он был крепко заперт огромными откидными болтами и охранялся вооруженными моряками. На стенах висели таблички с предупреждениями о разных опасностях и длинным перечнем запретов.

Они молча ждали, пока часовые изучат поданный Рено документ. Потом моряк повернулся и нажал красную кнопку на панели. Раздался резкий сигнал. Охранники с очевидным усилием открутили каждый болт на пол-оборота, а потом все вместе повернули против часовой стрелки массивную кремальеру. Раздался лязг, свист выходящего воздуха, и крышка люка отошла от комингса. Крейн почувствовал, как у него закладывает уши. Моряки толкнули люк от себя, а потом жестами показали группе, что можно проходить. Первыми вошли кухонные рабочие с ящиками, за ними — Конрад и Рено. Крейн пошел за ними, готовый задать очередной вопрос. Но замер в проеме люка, глядя вперед и забыв про все…

**17**

Он стоял на краю огромной, тускло освещенной пропасти. Так ему сначала показалось. Когда глаза привыкли к полумраку, Крейн понял, что вышел на узкий мостовой переход, прикрепленный к наружной обшивке станции. Гладкая стена тянулась позади него и под ним, украшенная лишь кружевами вертикальных лестниц — двенадцать уровней пропадали где-то во мраке, и на миг Крейн ощутил, как у него начинает кружиться от высоты голова. Он поскорее схватился за металлические поручни. И понял, что один из моряков обращается к нему словно издалека.

— Сэр, — говорил моряк. — Пожалуйста, выйдите.

Люк нельзя оставлять открытым.

— Извините.

Доктор поспешно вытащил ногу из-за комингса. Два моряка с натугой потянули крышку люка на себя. Изнутри донесся глухой стук задраиваемых болтов.

Крейн оглядывался, вцепившись в поручни. Впереди, едва видная в тусклом свете, поднималась изогнутая металлическая стена — наружный купол; когда Крейн прибыл на станцию, то видел его с другой стороны. На этой стене довольно далеко друг от друга были укреплены натриевые лампы, которые обеспечивали скудное освещение. Посмотрев вверх, Крейн проследил за изгибом обшивки до самой верхней точки прямо над центром станции. От крыши внутреннего строения к куполу тянулись металлические трубы — Крейн решил, что это изнутри станции идут воздушные шлюзы, — к батискафам и спасательной капсуле.

Взгляд доктора переместился на площадку, где он стоял. Впереди она расширялась, переходя в пологий пандус между стеной станции и самим куполом. Вся группа уже шагала по пандусу к большой платформе, прикрепленной к стене станции. Глубоко вздохнув, Крейн заставил себя отпустить поручни и пойти следом.

Воздух здесь был гораздо холоднее, и запах трюма ощущался сильней. При ходьбе башмаки громко стучали по металлической решетке перехода, отдаваясь глухим эхом в окружающем пространстве. На миг Крейн представил себе, где находится: на дне моря, идет по узенькому мостику между двенадцатиэтажной железной коробкой и куполом, который ее окружает, над пустотой между пандусом и морским дном далеко внизу, — но решил, что все это слишком неприятно, и заставил себя думать о другом. Он постарался сосредоточиться на том, чтобы догнать идущих впереди людей, которые к этому времени уже почти подошли к платформе.

Конрад, офицер снабжения, шел позади Рено и двоих кухонных рабочих.

— А я думал, приемная зона — какая-нибудь маленькая комнатка с телевизором и журналами на столе, — сказал Крейн, догнав его.

Конрад — рыжеволосый, с мелкими чертами лица — рассмеялся.

— К такому не сразу привыкнешь.

— Еще бы. Я и не знал, что пространство между зданием станции и наружным куполом заполнено воздухом. Я думал, тут вода.

— Станция была спроектирована для меньшей глубины. При здешнем давлении она бы не продержалась и пары часов. Нас защищает купол.

Мне кто-то рассказывал, что они вместе противостоят давлению — примерно как корпус подводной лодки. Но точно сказать вам не могу — сам не понимаю.

Крейн кивнул. Такая идея вполне разумна. В некотором смысле станция действительно напоминает подводную лодку, у который есть внутренний прочный корпус, наружный легкий корпус и балластные цистерны между ними.

— Я заметил, что к наружной обшивке станции прикреплены лестницы. Зачем?

— Ну, как я сказал, ее делали для гораздо меньших глубин, там, где купол не нужен. Наверное, трапы предназначены для водолазов, которые работают без костюмов, чтобы они могли передвигаться по поверхности стены — для ремонта или еще для чего.

Оглянувшись, Крейн заметил две огромные горизонтальные трубы, с двух противоположных сторон идущие от купола к станции немного выше центра сооружения. Он понял, что именно их Ашер и называл разгрузочными устройствами — это те самые открытые в море трубы, компенсирующие чудовищное давление. Издалека они напоминали огромные спицы в колесе. Но Крейну показалось, что здание станции насажено на гигантский вертел. Было неприятно сознавать, что море находится так близко от коробки, в которой он живет.

Они добрались до платформы в конце пандуса. Она оказалась довольно большой — примерно двадцать квадратных футов — и крепилась к внутренней стенке купола. С одной стороны находилась колоссальной толщины крышка люка, которую тоже охраняли моряки. Крейн понял, что по ту сторону лежат глубины океана. «Лоханка» причалит снаружи, и через люк можно будет забрать то, что она привезла.

Здесь уже стоял десяток людей: техники в лабораторных халатах, рабочие в комбинезонах. Почти все имели при себе контейнеры разных размеров. Самые большие были у рабочих — черные пластиковые коробки на колесиках, такие громоздкие, что их, наверное, нелегко протащить сквозь люки. Крейн решил, что внутри мусор, отправляемый на поверхность.

Рядом с самим люком находилась панель управления, за которой сидела высокая и очень красивая женщина в военной форме. Крейн стал наблюдать за ней, а она нажала несколько клавиш и посмотрела на маленький дисплей.

— Прибывает в расчетное время минус две минуты, — сообщила она собравшимся.

Послышались нетерпеливые вздохи.

— Опять опаздывает, — пробормотал кто-то.

Головокружение у Крейна немного прошло, и он теперь уже не так крепко держался за поручни. Доктор переводил взгляд с женщины за пультом управления на обшивку купола. Безупречно гладкое закругление обшивки, рассчитанной на максимальную прочность, оказалось неожиданно приятным для глаза. Удивительно, если подумать о том, под каким колоссальным давлением находится конструкция, какое бремя воды сжимает ее. Будучи подводником, Крейн привык не раздумывать об этом. Он неосознанно потянулся вперед, протянул руку и погладил поверхность купола. Она была сухой, гладкой и холодной.

Шеф-повар Рено нетерпеливо смотрел на часы. Потом повернулся к Крейну.

— Итак, доктор, — сказал он с каким-то удовлетворением. — Прибывает «лоханка». Мои люди забирают отсюда продукты. Конрад сверяет их со списком, чтобы ничего не пропустить. Все под моим контролем. Довольны?

— Вполне, — ответил Крейн.

Рено придвинулся к нему.

— У вас есть еще вопросы? — спросил он и опять посмотрел на часы, словно говоря: «Ну так задавайте же их сейчас, пока я все равно теряю драгоценное время».

— Совсем немного. Из вашего персонала в последнее время никто больше на здоровье не жаловался?

— Повар, который готовит соусы, болеет синуситом. Но это не помешало ему явиться на работу вовремя.

Крейн ожидал такого ответа. Теперь, когда он уверился, что с пищей все в порядке, ему не терпелось проверить версию отравления тяжелыми металлами. Его взгляд блуждал по собравшейся толпе, по красивой женщине за пультом, по переборке у нее за спиной. На изнанке переборки собирались капли конденсата. Крейну уже хотелось попрощаться и отправиться обратно по мостику на станцию, но он заподозрил, что без Рено и его бумаги внутрь будет никак не попасть.

Послышался глухой удар о наружную стенку купола, и платформа слегка дрогнула — «лоханка» причалила. Люди стали поспешно расходиться, готовясь к тому, что люк сейчас откроется.

— Стыковка состоялась, — сказала женщина. — Начинаю разгерметизацию люка.

— А поведение? — спросил Крейн повара. — Может быть, кто-нибудь выглядел странно или необычно?

Рено нахмурился.

— Необычно? В каком смысле?

Крейн не ответил. Его рассеянный взгляд снова упал на переборку, откуда закапал конденсат. «Что за ерунда? — подумал он. — С чего бы конденсат стал...»

Раздался странный высокий звук, похожий на шипение кошки, — такой короткий, что Крейн сам не понял, слышал ли его. И вдруг струйка не толще иглы появилась в том месте, откуда только что капала вода. Крейн в первый миг смотрел, не веря своим глазам. Узкий поток был направлен строго горизонтально, словно луч лазера, он шипел и брызгался, протянувшись чуть ли не на сотню футов, почти до самой станции, и только потом под действием силы тяжести постепенно изгибался дугой.

На миг все замерли. И тут же раздался вой сирены, тревожные крики.

— Разгерметизация! — загремел в гулком пространстве электронный голос. — Разгерметизация! Вход «С»! Авария!

На платформе раздавались удивленные возгласы. Женщина в военной форме схватила рацию и быстро заговорила в нее:

— Уэйбрайт, прием «лоханки». В трубопроводе управления протечка. Повторяю, протечка, у нас протечка! Присылайте аварийную команду, удвоенную!

Раздались крики, и толпа подалась к краю платформы. Некоторые начали отступать по мостику к станции.

— Расширяется! — крикнул кто-то.

— Мы не можем ждать аварийную команду! — заявил Конрад, офицер службы снабжения, и инстинктивно выставил ладонь, чтобы прикрыть отверстие.

В тот же миг Крейн кинулся вперед.

— Нет! — закричал он, протягивая руку, чтобы оттащить Конрада.

Но прежде чем он успел это сделать, тончайшая струйка воды прошила ладонь Конрада.

Вода под давлением аккуратно, словно хирургическим скальпелем, отхватила каждый палец у второго сустава.

И тут платформа взорвалась криками: визг, вскрики ужаса, резкие отрывистые команды. Конрад упал на пол, зажимая искалеченную руку, широко раскрыв в удивлении рот. Мостик загудел от топота ног — это распахнулся люк, и люди в толстых комбинезонах кинулись на площадку с инструментами в руках. Крейн тем временем пригнулся, стараясь избегать смертоносной струи, поднял отрезанные пальцы и осторожно положил их в карман рубашки.

## 18

Адмирал Терренс Улисс Спартан стоял в углу железной платформы и молча глядел на происходящее вокруг. Десять минут назад, когда он только появился, площадка у купола напоминала какой-то бедлам: спасатели, медики, инженеры, моряки и офицеры в форме и какой-то запаниковавший истеричный ученый, который отказался уходить. Теперь все утихло. На мостовом переходе стояли два вооруженных матроса, загораживая вход на платформу. Кучка инженеров и рабочих-механиков собралась возле титановой заплатки, которую наложили на течь размером с булавочную головку. Одинокий уборщик замывал пятна крови на решетчатом настиле площадки.

Спартан нахмурился. Он терпеть не мог любые недостатки и ошибки и относился к ним с крайней нетерпимостью. Недочетам, даже самым мелким, нет места в военных операциях. Особенно когда дело касается такого комплекса, как этот, где ставки столь высоки, а работать приходится в очень опасном окружении. Станция — сложная система с невероятным количеством взаимозависимых элементов. Как человеческое тело. Тот факт, что она вообще действует, уже можно считать чудом современной техники. Но стоит только выключить хоть одну из основных систем, и начнется цепная реакция. Тело погибнет. Станция перестанет функционировать.

Спартан недобро прищурился. Правда в том, что именно это чуть было не случилось. Что еще хуже, критическим элементом оказалась не ошибка, а нечто еще менее предсказуемое — человеческий фактор.

Краем глаза адмирал заметил какое-то движение. Повернувшись, он увидел на мостовом переходе подтянутую фигуру — от станции к нему шагал коммандер Королис. Он подошел к платформе, и часовые немедленно расступились, давая ему пройти.

Офицер приблизился к адмиралу и четко взял под козырек. Спартан кивнул в ответ. У Королиса было расходящееся косоглазие: один глаз смотрел прямо, а другой — куда-то в сторону. Этот дефект проявлялся не очень сильно, и, когда коммандер поворачивался лицом к собеседнику, нелегко было понять, какой именно глаз смотрит правильно. Неловкое ощущение, которое при этом испытывал человек, очень помогало Королису во время допросов да и в других подобных ситуациях. В

глубине души Спартан не одобрял одержимость Королиса секретностью (адмирал вообще не одобрял в своих подчиненных одержимость какого-либо рода), но не мог не признать, что коммандер безупречно лоялен.

Под мышкой Королис нес тонкую белую папку. Подойдя, он вручил ее адмиралу. Адмирал заглянул внутрь: там лежал всего один листок.

Спартан закрыл папку, не ознакомившись с ее содержимым, и посмотрел на Королиса.

— Подтвердилось? — спросил он.

Королис кивнул.

— То есть преднамеренное?

— Да, — ответил офицер тихо. — Просто удивительно повезло, что это случилось именно там.

— Очень хорошо. А ваши люди?

— Они должны прибыть через несколько минут.

— Ясно. — И адмирал кивнул, давая понять, что разговор окончен.

Какое-то время он задумчиво смотрел, как офицер идет по мостику. И только когда Королис превратился в бледную тень на фоне стены станции, адмирал снова перевел взгляд на папку, открыл и посмотрел на вложенный лист. Если содержание возымело на него какое-то действие, то это можно было понять лишь по тому, как напряглись мускулы челюсти и слегка покраснела шея.

Послышались громкие голоса. Адмирал поднял взгляд и увидел Ашера, начальника научной группы. Он ругался с часовыми, которые не пускали его на платформу. Ашер повернулся к адмиралу, и тот кивнул в знак согласия. Моряки отступили, и Ашер прошел на платформу, слегка запыхавшись от предпринятых усилий.

— Доктор, что вы здесь делаете? — вежливо спросил Спартан.

— Я пришел, чтобы встретиться с вами, — ответил Ашер.

— Так-так.

— Вы не отвечаете ни на мои звонки, ни на электронные письма.

— Я очень занят, — произнес Спартан. — У меня важные дела.

— Сообщение, которое я вам отправил, тоже очень важное. Это отчет нашего исследователя о том, что он обнаружил в библиотеке монастыря Гримуолд-Касл. Вы его прочли?

Спартан на миг отвел глаза, бросив взгляд на инженеров, все еще возившихся с заплаткой, и снова посмотрел на ученого.

— Да, глянул.

— Тогда вы знаете, о чем я говорю.

— Честно говоря, доктор, я немного удивлен. Для человека, который занимается наукой, вы слишком легковерны. Все это может оказаться просто плодом воображения. Вы же знаете, как суеверны были тогда люди — сообщений о встречах с демонами, ведьмами, морскими чудовищами и тому подобным не счесть. Но даже если окажется, что это правда, нет никаких оснований утверждать, будто это сообщение как-то соотносится с интересующим нас событием.

— Если бы вы прочитали документ, вы бы увидели параллели! — Ашер, обычно спокойный и собранный, заметно волновался. — Конечно, может быть, что связи никакой нет. Но если и так, это лишь подчеркивает необходимость замедлить ход работ. Надо выяснить подробнее, что же мы тут раскапываем.

— Единственный способ сделать это — достать нашу находку как можно скорее. Мы и так уже кое-что обнаружили. Кому, как не вам, знать это?

— Да, и посмотрите теперь на результаты. Здоровые сотрудники заболевают в устрашающих количествах. Люди, раньше не имевшие никаких эмоциональных проблем, страдают от психозов.

— Вы же пригласили человека, чтобы с этим разобраться. Чем он занят?

Ашер придвинулся ближе.

— Работает со связанными руками. Потому что вы не дали ему допуск к нижним уровням. Туда, где и лежит настоящая проблема.

Спартан ответил ему ледяной улыбкой.

— Это больше не обсуждается. Безопасность превыше всего. Питер Крейн — угроза секретности.

— Гораздо меньшая, чем…

Но Спартан лишь сделал предупреждающий жест рукой. Ашер отодвинулся и проследил за взглядом адмирала. На платформе появился новый человек — мускулистый загорелый мужчина в темном военном комбинезоне с черным холщовым рюкзаком за спиной. Его волосы с проседью были подстрижены очень коротко, при ходьбе он немного прихрамывал. Увидев Спартана, он подошел и браво отдал честь.

— Главный корабельный старшина Вобурн по вашему приказанию прибыл, — отрапортовал он.

— Где ваши люди, старшина? — спросил Спартан.

— Ждут у гипербарического комплекса.

— Идите к ним. Коммандер Королис покажет вам ваши каюты.

— Есть, сэр.

Еще раз отдав честь, военный повернулся кругом и ушел.

Спартан взглянул на Ашера.

— Я рассмотрю вашу просьбу.

Ученый во время разговора стоял молча, только переводил взгляд с лица военного на знаки различия на его форме. Теперь же он повернулся к Спартану.

— Кто это? — спросил Ашер.

— Вы ведь слышали. Главный корабельный старшина Вобурн.

— Опять приехали военные? Это, наверное, ошибка.

Спартан покачал головой.

— Никакой ошибки. Они здесь по просьбе коммандера Королиса и будут получать приказы непосредственно от него. Коммандер считает, что для обеспечения секретности требуются еще люди.

Ашер помрачнел.

— Увеличение численности персонала следовало обсудить совместно, адмирал. Это должно быть коллегиальное решение. А судя по знакам различия, этот военный…

— Доктор, у нас тут не демократия. Особенно если это касается безопасности станции. Как раз сейчас безопасность находится под весьма ощутимой угрозой.

Спартан едва заметным кивком указал на группу инженеров на дальнем конце платформы. Ашер мельком взглянул в их сторону.

— Каково состояние пробоины?

— Как видите, успешно заделана. Сверху отправят капсулу, которая привезет дополнительные материалы для постановки пластыря снаружи. С этой стороны, изнутри, поставили временную заплатку — до

тех пор, пока не появится постоянная, но это сразу не сделаешь. Зона поражения составляет примерно четыре фута в длину.

— Четыре фута? — нахмурился Ашер. — Но ведь появилось лишь крохотное отверстие.

— Да, крохотное отверстие. Однако задумывалось нечто другое.

Ашер какое-то время размышлял.

— Боюсь, я не понимаю.

Спартан еще раз кивнул на инженеров.

— Видите переборку, прикрепленную к корпусу? Как раз там, где появилась протечка? Переборка идет прямо к корпусу воздушного шлюза, туда, где расположены электрические и магнитные приводы, открывающие люк. Когда аварийные команды заделывали пробоину, они обнаружили трехфутовый надрез, от пробоины до самого наружного корпуса.

— Надрез, — задумчиво повторил Ашер.

— Да, вдоль внутренней стены купола. Сделанный портативным лазерным резаком, как мы считаем, но экспертиза еще не закончена. Это нарушило целостность всей переборки. Она могла сломаться в любой момент, хотя, скорее всего, авария должна была произойти в момент повышенной нагрузки, например при стыковке аппарата снабжения к шлюзу. К счастью, разрез оказался не очень хорош — в некоторых местах он был глубже, чем в других. Поэтому и получилось такое крошечное отверстие. Если бы все произошло, как было задумано, трещина прошла бы по всей переборке и через корпус шлюза…

Адмирал не договорил.

— Тогда люк бы не выдержал, — пробормотал Ашер, — что привело бы к значительному повреждению корпуса.

— К критическому повреждению.

— А этот разрез… Говорите, это не случайность? Вы хотите сказать, что это намеренный… акт саботажа?

Адмирал Спартан ответил не сразу. Не сводя взгляда с Ашера, он медленно поднял указательный палец и приложил его к губам.

## 19

Крейн отодвинулся от покрытого черной мягкой резиной окуляра, поморгал и потер лицо обеими руками. Он обвел взглядом лабораторию, ожидая, пока в глазах прояснится. Острота зрения потихоньку

восстанавливалась: вот лаборант в дальнем углу работает с титровальным набором, другой вносит данные в компьютер. А напротив Крейна за столом — Мишель Бишоп, смотрит, как и он, в портативное просмотровое устройство. В этот момент она тоже подняла голову, и их взгляды встретились.

— Вы выглядите таким же изможденным, какой я себя ощущаю, — сказала Бишоп.

Крейн кивнул. Он действительно устал, устал невыносимо. Врач работал уже двадцать часов без перерыва: сначала спешная, изматывающая хирургическая операция по реплантации пальцев Конраду, а потом какая-то бесконечная проверка теории об отравлении тяжелыми металлами.

Утомление сопровождалось разочарованием. Потому что пока никаких следов тяжелых металлов в организмах сотрудников станции им выявить не удалось. Анализу были подвергнуты образцы волос, мочи, крови, но результат оказался нулевым. Сейчас Крейн и Бишоп просматривали слайды, полученные на рентгеновском спектрометре, — по-прежнему ничего не ясно.

Врач тяжело вздохнул. Он-то так надеялся, что нашел ответ! Конечно, может быть, и нашел, просто сам еще не знает об этом. Но с каждым отрицательным результатом шансов становилось все меньше.

— Вам надо отдохнуть, — посоветовала Бишоп. — А то вы сами угодите на больничную койку.

Крейн еще раз вздохнул, потянулся.

— Пожалуй, вы правы, — ответил он.

Она действительно была права — скоро у него начнет так рябить в глазах, что на снимках он уже ничего толком не разглядит. Крейн поднялся, попрощался с Бишоп и лаборантами и вышел из медпункта.

Хотя большая часть станции оставалась terra incognita,[7] дорогу от медпункта до своей каюты Крейн уже знал настолько хорошо, что мог о ней совершенно не задумываться. До Таймс-сквер, потом налево, мимо библиотеки и театра, один уровень вверх на лифте, еще раз налево и потом два раза направо. Зевая, он отпер свою дверь ключом-карточкой. Он уже плохо соображал, но план действий был ясен. Добрый шестичасовой сон поможет взглянуть на проблему в перспективе и, конечно, приведет к ответу, который сейчас от Крейна ускользает.

Он вошел в каюту, еще раз зевнул, положил свой карманный компьютер на письменный стол. Обернулся и замер.

В кресле для гостей сидел Говард Ашер, а рядом с ним стоял неизвестный мужчина в лабораторном халате.

Крейн нахмурился.

— Что та... — начал он.

Ученый сделал поспешный жест правой рукой и кивнул на человека в халате. Пока Крейн таращил глаза, незнакомец закрыл дверь в каюту, потом подошел к двери в ванную и запер ее тоже.

Ашер тихонько кашлянул. После той игры в сквош они мало виделись. Лицо начальника научного отдела казалось осунувшимся, болезненным, глаза как-то странно блестели — словно у человека, который борется с демонами.

— Как ваша рука? — спросил Крейн.

— Последние пару дней побаливает, — признался Ашер.

— Вам следует быть осторожным. Сосудистая недостаточность может вызвать образование язв, даже гангрену, если нервная функция нарушена. Я бы мог...

Ашер вновь прервал его жестом.

— Сейчас на это нет времени. Послушайте, нам следует разговаривать очень тихо. Роджера сейчас нет в каюте, но он может вернуться в любую минуту.

Такого Крейн никак не ожидал. Заинтригованный, он кивнул.

— Присядьте. — Ашер указал на стул у письменного стола. Подождал, пока доктор сядет, а потом продолжил все так же тихо: — Питер, вы стоите на пороге. Я хочу вам кое-что рассказать. И после того, как вы все узнаете, пути отступления для вас будут закрыты. Мир уже никогда не станет для вас таким, как прежде. Он станет совсем другим. Вы понимаете?

Крейн облизал губы и кивнул еще раз. Ученый отвел взгляд, затем снова посмотрел на доктора. Словно принуждал себя рассказать то, что хотел.

— Отчего у меня такое ощущение, — начал Крейн, — что вы хотите мне сказать о том, как я был прав тогда на корте и Атлантида тут вовсе ни при чем?

Ашер уныло улыбнулся.

— Правда звучит куда как более странно.

Крейн почувствовал себя как-то неуютно. Ашер, подавшись вперед, оперся локтями о колени.

— Вы слышали когда-нибудь о поверхности Мохоровича?

Крейн задумался.

— Звучит знакомо, но что это — не вспомню.

— Еще ее называют «М-брешь» или поверхностью Мохо.

— А-а, Мохо, конечно. Преподаватель по морской геологии в Аннаполисе рассказывал об этом.

— Тогда вам известно, что это граница между земной корой и мантией, которая располагается под ней.

Крейн кивнул.

— Мохо залегает на разных глубинах, в зависимости от того, где находишься. Под материками земная кора гораздо толще, чем, например, под океанами. В районе континентального шельфа Мохо находится на глубине примерно семидесяти миль. Но под определенными горными грядами в океане она лежит милях в пяти от дна.

Ашер подался к Крейну и заговорил еще тише.

— Платформа «Сторм кинг» стоит как раз над такой грядой.

— То есть вы хотите сказать, что Мохо, граница между земной корой и мантией, прямо под нами?

Ашер кивнул.

Крейн задумался. Он пока не представлял, к чему клонит ученый. Но, еще не зная правды, почувствовал холодок в животе.

— Вам рассказали ту же историю, что и всем сотрудникам открытой зоны: мол, при бурении скважин рабочие платформы «Сторм кинг» нашли под поверхностью океанского дна образцы, указывающие на существование погибшей цивилизации. И эта история верна — в некотором смысле.

Ашер вытащил из кармана платок, промокнул лоб, спрятал платок обратно.

— Но тут все только начинается. Видите ли, буровики нашли не предметы, не здания — ничего похожего. Был обнаружен сигнал.

— Сигнал? Вы хотите сказать, радиоволны?

— Мы до сих пор не знаем, какова его истинная природа. Скорее сейсмический импульс, близкий к звуковым частотам, идущий из совершенно неизвестного источника. Все, что мы знаем точно, — так это то, что он не естественного происхождения. И сейчас я это докажу.

Крейн открыл рот, собираясь что-то сказать. Но промолчал. Потрясение, недоверие, смущение боролись в его душе.

Увидев выражение лица Крейна, Ашер опять улыбнулся — задумчиво и как-то грустно.

— Да, Питер. Тут начинается самое трудное. Видите ли, сигнал идет из-под Мохо. Из-под земной коры.

— Из-под коры? — с изумлением переспросил Крейн.

Ашер кивнул.

— Но это значит…

— Именно. Каков бы ни был источник этих импульсов, не мы его туда засунули. Это сделал кто-то другой.

## 20

На миг в каюте воцарилось молчание. Крейн сидел неподвижно, пытаясь осознать то, что услышал, — значение слов Ашера он понял не сразу.

— Не спешите, Питер, — доброжелательно сказал Ашер. — Я знаю, к этому не вдруг привыкнешь.

— Невероятно, — ответил Крейн. — Вы утверждаете, что ошибки быть не может?

— Нет. Человечество не обладает технологиями, которые позволили бы установить механическое устройство под земную кору, не говоря уже о том, чтобы оно при этом давало сложный импульс. Вы же знаете, что в зоне Мохо происходит естественная смена фаз, а регистрирующие устройства на поверхности земли недостаточно чувствительны да и вообще несовершенны и не улавливают некоторых волн, идущих из-под коры. Но в этой части океана Среднеатлантическая гряда необычайно мелка. Вдобавок с платформы «Сторм кинг» бурили глубокие скважины — это и помогло случайно обнаружить сигнал, который в других условиях был бы блокирован.

Крейн помолчал. Поерзал на стуле.

— Продолжайте.

— Конечно, правительство захотело сразу же добыть источник сигнала и определить, что это такое. Потребовалось какое-то время, чтобы запустить проект, собрать необходимое оборудование. Само место крайне затрудняет нам работу, ведь станцию создавали совсем для других целей и она не предназначена для функционирования на таких глубинах. Поэтому пришлось строить купол.

— А сколько времени заняла подготовка?

— Двадцать месяцев.

— Сколько? — Крейн был поражен. — За двадцать месяцев в «Дженерал моторс» даже опытный образец новой машины не сделают.

— Это показывает, насколько серьезно правительство относится к проекту. К настоящему моменту раскопки идут почти месяц, и темп работ очень высокий. Уже достигнуты значительные успехи. Под станцией идет вертикальная шахта. Мы вошли в мантию и сейчас копаем ниже, продвигаясь к источнику сигнала.

— Как же это возможно? Разве порода на такой глубине не расплавлена?

— Нам повезло: поскольку мы на океанской гряде, кора здесь относительно тонкая. Геотермальные показатели невысоки, а выход радиогенного тепла гораздо ниже, чем мог бы быть в континентальной части коры. Продольные и поперечные волнограммы показывают, что литосфера под нами находится на глубине всего в четыре километра; «всего» — это, конечно, условное понятие.

Крейн покачал головой.

— Должно быть какое-то логичное, земное объяснение. Скажем, это русское устройство. Или китайское. Возможно, природное явление. Насколько я помню из курса морской геологии, мы знаем ничтожно мало о составе нашей родной планеты, и разве что чуть больше — только о самом верхнем тонком слое.

— Сигнал не русский и не китайский. И, боюсь, тут слишком много факторов, которые не позволяют считать его природным явлением. Например, геологическое строение участка. Вообще-то, в том месте, где имело место погружение, наблюдаются серьезные геологические сдвиги, и в нашем случае здесь полагалось бы быть чему-то вроде подводного аналога метеоритного кратера. Однако слои осадочных пород над аномалией почти полностью совпадают со слоями пород вокруг. Представьте, как ребенок роет ямку в песке на пляже, потом кладет туда ракушку и закапывает ее. Этому явлению нет земного объяснения.

— Должно быть, — упорствовал Крейн.

— Нет. Боюсь, что истинный ответ лежит… ммм… за пределами Земли. Видите ли, были обнаружены кое-какие… артефакты.

Ашер кивнул молчаливому лаборанту. Тот подошел к дальней стене, встал на колени и отпер поставленный там большой пластиковый ящик. Достав оттуда что-то, он поднялся и передал это Ашеру.

Крейн с любопытством посмотрел на ученого. В руках у того находился небольшой предмет кубической формы в металлическом кейсе. Ашер глянул на Крейна и встретил его взгляд.

— Не забудьте, что я говорил вам про порог, Питер.

Осторожно вытащив из кейса кубик прозрачного плексигласа, ученый протянул его Крейну.

Каждая грань контейнера была тщательно запаяна.

Внутри что-то было. Крейн взял коробочку из рук Ашера, поднес к глазам и ахнул от удивления.

В самом центре контейнера парил объект не больше костяшки домино. Тонкий, как карандаш, лазерный лучик чистого белого цвета бил из него вертикально вверх, в потолок каюты. Что удивительно, странная вещь не имела какого-то определенного цвета, а словно сияла всеми цветами разом, радужно переливаясь золотым, фиолетовым, темно-серым, коричневым и другими оттенками, каких Крейн раньше не видел и представить себе не мог. Бесконечно сменяясь, оттенки поднимались на поверхность, как будто маленький предмет медленно горел волшебным пламенем.

Крейн вертел контейнер в руках, изучая артефакт. Как бы он ни поворачивал кубик, предмет по-прежнему оставался строго в центре замкнутого объема. Тогда Крейн начал разглядывать сам контейнер в поисках спрятанных проводов или магнитов. Но простое изделие из прозрачного пластика не таило никаких секретов.

Крейн принялся встряхивать кубик — сначала осторожно, потом посильнее. Сияющая вещица слегка подпрыгнула вверх-вниз и снова вернулась в центр объема, где и продолжала безмятежно парить, направив тонкий лучик света строго вверх.

Крейн поднес контейнер ближе к лицу и принялся разглядывать его, открыв рот от любопытства. Вблизи стало заметно, что края артефакта не совсем четкие. Скорее, они едва заметно пульсируют — то приобретают резкие очертания, то словно смягчаются. Как если бы масса и форма предмета постоянно менялись.

Тут Крейн осознал: ему что-то говорят. Он оторвал взгляд от кубика. Ашер, улыбаясь, стоял рядом и протягивал руку. После недолгого колебания Крейн неохотно отдал коробочку. Руководитель научного отдела убрал контейнер в кейс и передал помощнику, который уложил его обратно в ящик.

Крейн откинулся на стуле, зажмурился.

— Что это такое? — спросил он, немного помолчав.

— Мы не знаем, каково его назначение.

— А из чего сделано?

— Неизвестно.

— Оно опасно? Может быть, это из-за него здесь появились медицинские проблемы?

— Мне это приходило в голову. Мы все думали об этом. Но нет, артефакт безвреден.

— Вы уверены?

— Первым делом мы провели серию исследований, чтобы выяснить, какое излучение он испускает. Он совершенно инертен — все серии испытаний это только подтвердили. Я поместил его в кубик из плексигласа, потому что иначе его трудно контролировать — он всегда находит самый центр помещения и зависает там.

— А где вы его взяли?

— Его нашли при проходке шахты. Сейчас таких имеется с десяток. — Ашер помолчал. — Когда мы начинали, задача у нас была простая и ясная — копать быстро, соблюдая безопасность, до самого источника сигнала. — Он указал на ящик. — Но потом, когда нам начали попадаться эти штуки… все усложнилось.

Ашер сел, наклонился к Крейну и продолжил шепотом:

— Питер, они удивительные, даже более удивительные, чем кажутся. С одной стороны, их, похоже, невозможно разрушить. Они нечувствительны к любому воздействию, какое бы мы ни пытались к ним применить. Некоторые излучения, например радиацию, они поглощают, другие отражают. Кроме того, они, похоже, работают как конденсаторы.

— Конденсаторы? — переспросил Крейн. — Вы хотите сказать, как аккумуляторы?

Ашер кивнул.

— Какую мощность они выдают?

— Верхнюю границу мы не смогли установить. Когда мы включили такой артефакт в электрическую цепь, даже самые мощные измерительные устройства раскалились докрасна.

— А каков предел измерений?

— Триллион ватт.

— Что? Вот эта крошка хранит тысячу гигаватт энергии?

— Ее можно поставить в автомобиль, и она обеспечит его электроэнергией на весь ресурс в сто тысяч миль. А потом еще вот что…

Ашер полез в карман своего халата, вытащил небольшой конверт из плотной бумаги и вручил его Крейну.

Крейн открыл конверт и вынул листок. Это оказалась компьютерная распечатка, содержавшая короткую двоичную последовательность:

0000011111001010001101011001110010000101

0001001100010100011010011000010000000000

0000011111001010001101011001110010000101

0001001100010100011010011000010000000000

0000011111001010001101011001110010000101

0001001100010100011010011000010000000000

— Что это? — спросил Крейн.

— Луч, который испускает маячок. Он не постоянный, пульсирует несколько миллионов раз в секунду. То включается, то выключается.

— Единицы и нули. Двоичный код.

— Я тоже так думаю. Именно так работают компьютеры по всему миру. Так работают и нейроны в нашем мозгу. Это один из фундаментальных законов природы. Эта вещица невообразимо сложная, но почему бы и ей не использовать цифровой код? — Ашер похлопал по листу. — Последовательность длиной в восемьдесят бит повторяется снова и снова. Она значительно короче другого сообщения — того, что было передано из-под Мохо и обнаружено геологами.

— То есть вы утверждаете, будто тут какая-то другая информация? Значит, этот пучок света пытается нам что-то сказать?

— Да. Это послание для нас — нам осталось только расшифровать его.

Крейн взял распечатку.

— Можно, я оставлю это себе?

Ашер ответил не сразу.

— Ладно. Только никому его не показывайте.

Крейн убрал листок в конверт и положил на стол.

— А эти предметы... Можно ли выделить какую-нибудь закономерность их расположения?

— Нет, нам это не удалось. Они, похоже, лежали без всякой системы. Но конечно, мы же копаем только по ходу шахты. Проблема компенсации повышенного давления на такой глубине чрезвычайно остра, и с каждым пройденным метром решать ее становится все труднее.

— Вы говорите, что движетесь в направлении источника сигнала? А что потом?

— Тут тоже наблюдаются осложнения. — Ашер опять помолчал. — Понимаете, ультразвуковые датчики, которые мы опустили в шахту... они показывают, что под дном, где были найдены эти предметы, есть что-то еще. Большой объект, который находится еще глубже, чем источник сигнала.

— Что это?

— Мы знаем только, что он имеет форму тора и очень велик — несколько миль в поперечнике. Больше ничего не известно.

Крейн покачал головой.

— Но какие-то теории у вас должны быть...

— О том, зачем оно там? Конечно. — Кажется, Ашер почувствовал некоторое облегчение, как человек, который сделал мучительное признание. — После продолжительных дискуссий военная и научная стороны пришли к совместному выводу, что там что-то оставили для людей и они смогут найти это, когда достигнут надлежащего уровня развития.

— То есть это вроде как подарок? — уточнил Крейн.

— Можно и так сказать. Я вот думаю: кто знает, какие открытия действительно являются заслугой человечества, а какие были ему в той или иной форме дарованы? Кто, например, докажет, что огонь не был даром со звезд? Или железо? Или технология строительства пирамид?

— Дар со звезд... — задумчиво произнес Крейн.

— Греки верили, что огонь человеку дали боги. В других странах тоже были подобные мифы. Кто может сказать, что тут нет намека? Раз у нас появилась техническая возможность принимать сигнал из-под Мохо, раз мы можем добраться туда и найти маяк — значит, мы уже готовы к следующему прыжку вперед.

— И этот объект, к которому вы стремитесь, несет какую-то полезную технологию, которую мы получим, поскольку как раз готовы к тому, чтобы ею воспользоваться?

— Именно. Например, такая технология, благодаря которой появился показанный вам предмет. Секрет, который поможет человечеству развиваться дальше, сделать тот самый прыжок.

Наступило молчание. Крейн обдумывал услышанное.

— И в чем же проблема? — спросил он наконец.

— Сначала я придерживался того же мнения, что и все остальные, но в последнее время стал сомневаться. Понимаете, всем очень хочется верить, что там, внизу, лежит что-то удивительное. Мои ученые просто грезят наяву, воображая себе новые горизонты знаний. Эти пугала армейские слюну пускают, предвкушая, как можно будет поставить новые технологии на вооружение. Но откуда нам знать, что там такое? Найденные нами предметы — словно дорожка из хлебных крошек, которая намекает на то, что где-то есть вещи повкуснее. Но пока мы не разгадали их сообщения, мы не можем знать, что именно ждет нас там внизу.

Ашер опять вытер лоб.

— Потом кое-что случилось. Мы всегда предполагали, Питер, что этот предмет был там оставлен много лет назад, примерно несколько миллионов. Но не так давно мы обнаружили, что это событие произошло относительно недавно — примерно в тысяча четырехсотом году нашей эры. Тогда я понял, что где-то должны быть зафиксированы в письменном виде свидетельства события, сообщения очевидцев. И я отправил в этот регион исследователя, чтобы он посетил библиотеки, монастыри, университеты — все места, где могут храниться многовековые записи. И в Гримуолд-Касле, старом монастыре на одном из островов у берегов Шотландии, мы такое свидетельство нашли. — Лицо его помрачнело. — Текст оставляет тревожное, даже пугающее впечатление.

— Вы уверены, что речь идет именно о нашем случае?

— Не до конца.

— А я могу прочесть это?

— Я достану вам распечатку. Дело вот в чем: если предположить, что запись действительно относится к интересующему нас событию, то это самое грозное предостережение из всех возможных.

Крейн пожал плечами.

— Может быть, к нему стоит прислушаться. Тем более что цифровой сигнал вы так и не расшифровали.

— Но флотские все ускоряют и ускоряют темп работ. Мы с адмиралом Спартаном никак не можем договориться по этому вопросу. Больше всего он боится, что в других странах станет известно об этом открытии. Он хочет добраться до этого объекта как можно скорее и доставить в Грум-Лейк[8] образцы всего, что мы найдем внутри, для дальнейших исследований.

Крейн задумчиво потер подбородок.

— А за пределами закрытой зоны кто-нибудь об этом знает?

— Совсем немногие. Ходят самые разные слухи. Большинство ученых подозревают, что там не просто Атлантида. — Ашер резко встал и зашагал по комнате. — Так или иначе, есть еще одна причина быть осторожным. Мы знаем, что земная кора состоит из трех слоев: слоя осадочных пород, пород, лежащих под ними, и океанического слоя. Мы уже прокопали первые два и почти добрались до третьего, самого глубокого. Дальше лежит Мохо — область сейсмического раздела между земной корой и мантией. Дело в том, что никто не знает, что такое Мохо, а также что произойдет, когда мы достигнем этой зоны. Но чем больше я протестовал, тем дальше оттесняли меня и Океанографическую службу от принятия решений. На станцию прибывает все больше военных, и это уже не моряки. Это «черные мундиры», и выглядят они угрожающе.

— Люди, похожие на Королиса, — заметил Крейн.

На миг лицо руководителя научного отдела приняло злое выражение.

— Да, это Королис вызвал их, и они докладывают только ему. Больше всего я опасаюсь, что Спартан скоро возьмет на себя руководство всеми работами, а Королис станет его силовым исполнителем. Если я начну возмущаться слишком громко, меня могут просто освободить от занимаемой должности и выслать со станции. — Так же резко Ашер перестал ходить взад-вперед и посмотрел на Крейна. — И тут наступает ваша очередь.

Крейн с удивлением посмотрел на него.

— Моя?

— Извините, Питер. Мне очень не хотелось сообщать вам эту информацию... и взваливать ответственность. Я думал, что медицинская проблема быстро разрешится и вы вернетесь на поверхность, веря, что мы нашли Атлантиду. Но с обнаружением свидетельств и при том, что Спартан становится все агрессивнее, надеяться мне остается только на вас.

— Но почему я? Вы немало рискуете, просто рассказав мне все это.

Ашер невесело улыбнулся.

— Не забудьте, я — хороший ученик. Мои подчиненные — люди науки. Они слишком запуганы такими, как Королис, чтобы согласиться помочь мне. Но вы, Питер, не только имеете опыт в лечении недомоганий, вызванных пребыванием на больших глубинах, но и вдобавок служили на подводной лодке, которая занималась разведывательными операциями. Боюсь, что все сведется именно к этому — к разведывательной операции. Или даже более того.

Крейн нахмурился.

— Что вы хотите сказать?

— С каждым днем люди подбираются все ближе к Мохо. Больше ждать нельзя. Так или иначе, нам просто необходимо узнать, что же там, внизу, до того как туда доберется оборудование Спартана.

— Почему вы так уверены, что я буду играть в вашей команде? Как вы сами заметили, я бывший военный. Почем вам знать — может, я приму сторону адмирала Спартана?

Ашер покачал головой.

— Только не вы. А теперь послушайте — никому не говорите ни слова. — Он помолчал. — Может быть, все это будет не нужно. Не исключено, что на третьем уровне уже завтра или послезавтра прочтут это сообщение и все, что я вам сказал, перестанет иметь значение. — Он кивнул на лаборанта, который стоял у ящика с образцом и за всю беседу не произнес ни слова. — Это Джон Мэррис. Он мой специалист по криптологии и работает над расшифровкой день и ночь. Я хочу, чтобы вы сделали вот что...

В этот момент раздался громкий стук в дверь каюты. Потом еще раз и еще.

Крейн посмотрел на Ашера. Глава исследовательской группы замер у своего стула; его изрезанное морщинами лицо сильно побледнело. Он резко замотал головой.

Снова раздался стук в дверь, еще более настойчивый.

— Доктор Крейн! — прозвучал суровый голос из коридора.

Крейн повернулся к двери.

— Подождите! — тревожным шепотом произнес Ашер.

Но в этот момент дверь распахнулась. В проеме, освещаемый со спины, стоял адмирал Спартан, в руке он держал универсальную красную пластиковую карту, отпирающую все двери на станции, а по бокам от него возвышались морские пехотинцы с карабинами в руках.

**21**

Спартан перевел взгляд с Кейна на Ашера, потом обратно; лицо адмирала оставалось непроницаемым. Он шагнул в комнату.

— Я чему-то помешал? — спросил он.

В каюте наступило неловкое молчание. Крейн посмотрел на Ашера. Начальник научного отдела казался остолбеневшим от ужаса, словно олень, случайно попавший в свет фар.

Адмирал Спартан, не дождавшись ответа, повернулся к пехотинцам.

— Выведите, — велел он, указав на Крейна.

Один из солдат сделал приглашающий жест винтовкой. Крейн сглотнул комок в горле. Изумление, которое он испытывал совсем недавно, растаяло без следа, уступив место почти мучительному чувству беззащитности.

Ощущая, как сердце падает куда-то вниз, Крейн сделал шаг вперед. За его спиной Спартан запер дверь. Крейн очутился в узком коридоре, по бокам от него молча стояли морские пехотинцы. Во рту у Крейна пересохло, а сердце выпрыгивало из груди. Ладони и виски покрылись капельками пота. Из-за двери послышались громкие голоса; как Крейн ни прислушивался, слов разобрать он не мог. «Что же происходит?» Он даже не знал, о ком больше беспокоиться — о себе или о старом ученом, оставшемся в его каюте.

Так прошло пять жутких минут. Потом дверь отворилась, и показался адмирал Спартан. Он грозно посмотрел на Крейна.

— Следуйте за мной, доктор, — велел он.

— Куда мы идем? — спросил Крейн.

— Вы поймете, что легче подчиняться приказам.

Взгляд Крейна вернулся к винтовкам в руках морских пехотинцев. Ему стало ясно, что иного выбора у него нет — только повиноваться. И он

пошел по коридору за адмиралом, а двое конвоиров замыкали шествие. Попадавшиеся им навстречу техники останавливались и во все глаза глядели на этот парад.

— Куда… — опять начал Крейн, но оборвал сам себя.

Что бы он ни сказал сейчас, он лишь выроет себе яму еще глубже. Лучше ничего не говорить, совсем ничего… пока не настанет необходимость.

Но невысказанный вопрос остался. «Куда они меня ведут? Сколько знает Спартан? Что сказал ему Ашер?» Конечно, они выглядели донельзя виноватыми — три заговорщика, встретившиеся тайно…

По сути, здесь проводится военная операция. Еще наверху, на платформе, он дал чертову уйму разных подписок, и один бог ведает, со сколькими собственными правами он добровольно расстался. И тут с неприятным холодком Крейн подумал, что, если Спартан чего и не знает, у него есть все возможности и, скорее всего, права разузнать все, что ему понадобится.

Они остановились у лифта. Пехотинцы встали по бокам, а адмирал нажал кнопку, вызывающую идущий вниз лифт. Через несколько мгновений распахнулись двери; адмирал вошел, подождал, пока пехотинцы введут Крейна, и нажал кнопку седьмого уровня — самого нижнего незасекреченного уровня станции.

Что говорил Ашер? «Спартан скоро возьмет в свои руки руководство всеми работами, а Королис станет его силовым исполнителем…» Крейн изо всех сил пытался дышать ровно, казаться спокойным.

Лифт остановился, двери откатились в стороны. Седьмой уровень. Спартан вышел и двинулся по узкому коридору к двери без всяких табличек. Он открыл ее при помощи все той же красной карты, а двое пехотинцев опять заняли места по обеим сторонам от двери. Он молча махнул рукой, приглашая Крейна войти, и по лицу адмирала по-прежнему ничего нельзя было понять.

Комната оказалась маленькой и пустой, из мебели там находились только низкий длинный стол да два стула, установленные с одной стороны. За стульями помещались два огромных фонаря с металлическими рефлекторами. Свет их фокусировался на противоположной стене, и яркое пятно находилось примерно на уровне головы. Увидев лампы, Крейн ощутил, как у него опять застучало сердце. Самые худшие его страхи подтверждались.

— Подойдите к той стене, доктор Крейн, — произнес адмирал Спартан без всякого выражения.

Крейн медленно прошел мимо ламп на указанное место.

— Пожалуйста, повернитесь.

Крейн повиновался, чувствуя, как на висках выступает пот.

Вдруг раздался металлический щелчок — это оба фонаря ярко вспыхнули, чуть ли не физически придавив его к стене мощной световой волной. Крейн прищурился и инстинктивно закрыл рукой глаза.

— Стойте спокойно, доктор Крейн, — раздался голос Спартана; самого адмирала не было видно за стеной белого света.

Крейн принялся лихорадочно соображать. «Спокойно, — сказал он себе. — Спокойно». О чем ему волноваться? Он член исследовательского отдела. Он здесь и должен быть. Он же не шпион или там…

Но тут Крейн вспомнил мрачно-серьезных часовых у барьера, ужас, отпечатавшийся на лице Ашера, громкие голоса, которые только недавно раздавались из его каюты, и его сердце забилось еще сильнее…

Откуда-то из-за стены света раздался громкий, отчетливый щелчок. И все застыло. Огни погасли — сначала один, потом другой.

— Присядьте, доктор, — пригласил Спартан. Сам он уже сидел, а перед ним на столе лежала открытая папка, которой Крейн раньше не заметил.

Крейн, сердце которого все еще бешено колотилось в груди, занял единственное пустое кресло. Спартан, положив руку на папку, подтолкнул ее к доктору. Внутри лежал одинокий листок бумаги, под шапкой Министерства обороны было напечатано четыре абзаца текста.

— Подпишите внизу, пожалуйста, — сказал Спартан и осторожно положил на стол золотую ручку.

— Я уже все подписал наверху, — ответил Крейн.

Спартан покачал головой.

— Но не такое.

— Можно, я сначала прочитаю?

— Этого я не предлагал. Вы только напугаетесь.

Крейн взял ручку, придвинул к себе бумагу, помедлил. Немного отстраненно он подумал: а вдруг это признание вины pro res[9] — еще даже до того, как он признал, что получил секретные сведения? Он понял, что на самом деле это ничего не меняет. Глубоко вздохнув, он расписался и толкнул лист обратно к Спартану.

Адмирал закрыл папку и резко хлопнул ею по столу. В этот момент раздался стук в дверь.

— Войдите, — произнес Спартан.

Дверь открылась, и появился морской офицер. Он отдал честь Спартану, вручил ему белый конверт, еще раз взял под козырек, четко повернулся и вышел.

Спартан взял конверт большим и указательным пальцами, каким-то дразнящим жестом протянул Крейну.

Доктор принял конверт с некоторой опаской. Тот оказался тяжелым, внутри лежало что-то прямоугольное и твердое на ощупь, похожее на кредитную карточку, только толще.

— Открывайте, — велел адмирал.

После недолгого колебания Крейн оторвал уголок конверта и вытряхнул содержимое на ладонь. Выпал пластиковый прямоугольник. Одна сторона была чистой — на ней просматривались переплетения встроенных микрочипов. Перевернув, Крейн увидел собственное лицо с вытаращенными глазами — таким он был всего пару минут назад, ослепленный фонарями. Под фотографией шел штрих-код, а рядом красным было напечатано: ОГРАНИЧЕННЫЙ ДОПУСК. К одному уголку был прицеплен латунный зажим.

— Эта карточка, а также снимки радужки глаза и отпечатки пальцев позволят вам пройти через барьер, — сказал Спартан. — Берегите пропуск, доктор, всегда держите при себе. Наказание за потерю такой карточки или за то, что она окажется в чужих руках, очень суровое.

— Боюсь, не совсем вас понял, — сказал Крейн.

— Я оформляю вам допуск в закрытую зону станции. По совету коммандера Королиса, должен добавить.

Крейн глядел на пропуск, ощущая, как чувство облегчения затопляет его.

«О господи, — подумал он. — Господи! Я здесь с ума сойду».

— Ясно, — выдавил он, чувствуя себя немного глупо от удивления. И прибавил: — Спасибо.

— За что? — спросил Спартан. — Что, вы думали, происходит?

И Крейн готов был поклясться, что на миг на лице адмирала появилась задорная улыбка, которая тут же скрылась за обычной маской полнейшего спокойствия.

В шестидесяти милях от побережья Гренландии платформа «Сторм кинг» стоически сопротивлялась темным штормовым небесам и злобному морю. Проходящее мимо судно или разведывательный спутник, меняющий орбиту ради удовлетворения любопытства какого-нибудь иностранного правительства, не заметили бы ничего необычного. По верхним строениям платформы медленно передвигались несколько рабочих — они, наверное, обслуживали механизмы или проверяли оборудование. Но в общем платформа казалась столь же мирной, сколь бурным было море вокруг. Гигантское сооружение, похоже, погрузилось в сон.

Однако под стальной оболочкой платформы жизнь кипела, словно в улье. Глубоководный аппарат снабжения — «лоханка» — только что вернулся с ежедневного путешествия на станцию, расположенную на две мили ниже уровня моря. И теперь в приемной зоне собрались примерно три десятка человек, ожидая, пока гигантская лебедка втащит беспилотный глубоководный модуль в огромный люк на самом нижнем уровне платформы. Медленно и осторожно громоздкий аппарат был поднят из вод океана, втянут в люк и аккуратно опущен на стояночную площадку. Под бдительным присмотром одного из морских пехотинцев два служащих отдела снабжения отдраили люк в носовой части аппарата, отвели его в сторону; за ним оказалась входная переборка. Открыв ее, люди принялись разгружать аппарат, вынимая отправленное со станции. На свет появились всевозможные предметы: большие черные контейнеры с отходами, предназначенные для мусоросжигателя, тщательно запечатанные пакеты с конфиденциальными документами, медицинские образцы в специальных кофрах для биоматериала — их везли для проведения сложных анализов, которые невозможно сделать на станции. Посылки одна за другой передавались членам экипажа, а те, в свою очередь, начали расходиться по всей платформе. Через пятнадцать минут приемная зона опустела, в ней остались только морской пехотинец, оператор лебедки и два сотрудника службы снабжения; они закрыли переборку и задраили носовой люк «лоханки», подготовив ее к маршруту следующего дня.

Один из членов экипажа, курьер научной службы, дождавшись прибытия аппарата, вышел с полудюжиной запечатанных конвертов под мышкой. Человек этот работал на платформе относительно недавно. Он носил очки в черепаховой оправе и слегка прихрамывал при ходьбе, словно одна нога у него была короче другой. Устраиваясь на работу, он назвался Уоллесом.

Вернувшись в исследовательский отдел на рабочей палубе платформы, Уоллес, несмотря на хромоту, быстро обошел все лаборатории, вручив получателям первые пять конвертов. Но последний сразу не отдал. Вместо этого он вернулся в свою каюту в самом дальнем углу коридора.

Там Уоллес тщательно запер за собой дверь. Потом открыл конверт и вытряхнул себе на колени содержимое — единственный CD-диск. Повернувшись к компьютеру, поставил диск. Проверка содержимого показала, что на нем имеется всего один файл с названием 108952.jpg: какое-то изображение, наверное, фотография. Он щелкнул по иконке, и компьютер послушно вывел призрачную черно-белую картинку рентгеновского снимка.

Но Уоллеса интересовало не все изображение, а только кое-что на нем.

Хотя рекомендации Уоллеса были безупречны и проверки подтвердили его благонадежность, на платформе он работал недавно и поэтому не имел доступа к секретной информации. Помимо всего прочего, это означало, что вместо полноценного компьютера у него стоял простой терминал, подчиненный основному серверу платформы; у терминала даже не было своего винчестера, да и с командными файлами компакт-дисков возможности работать не было. Одним словом, пользователь мог обращаться только к разрешенным программам, а никаких «левых» установить было нельзя.

По крайней мере, так считалось.

Уоллес подтянул клавиатуру, открыл простенький текстовый редактор, установленный по умолчанию вместе с операционной системой, и набрал коротенькую последовательность команд:

```
void main (void)

{

char keyfile = fopen (108952.jpg')

char extract;

while (infile)

{

extract = (asc (least_sig_bit (keyfile)) / 2) ^6);

stdoutput (extract);

}

}

void least_sig_bit (int sent_bit)

{

int bit_zero;
```

```
bit_zero = < (sent bit, 6);

return (bit_zero);

bitzero = > (sent bit, 6);

}
```

Человек, который называл себя Уоллесом, на миг замер, чтобы проверить программу, прокручивая в голове отдельные шаги и проверяя верность алгоритма. Потом одобрительно фыркнул и еще раз глянул на изображение рентгеновского снимка.

Каждый пиксель изображения на экране занимал на диске один байт в файле с расширением. jpg. Коротенькая, но мощная программа вытащит по два наименее значимых бита из каждого байта, переведет из цифровой кодировки в текстовую и выведет получившиеся буквы на экран.

Уоллес быстро запустил программу. На экране открылось новое окно, но в нем уже не было изображения рентгеновского снимка. Вместо этого появилось текстовое сообщение:

ПРОШУ ОТЛОЖИТЬ ВТОРУЮ ПОПЫТКУ

ПРОРЫВА.

ЗАВИСИТ ОТ НОВОГО ИНФОРМАТОРА

В ЗАКРЫТОЙ ЗОНЕ

Поджав губы, он несколько раз прочел шифровку.

Имея компьютер, секретное сообщение можно спрятать где угодно — в фоновых помехах музыкальной записи, в зернистой структуре цифровой фотографии. Уоллес использовал старинный шпионский прием — прятать закрытую информацию туда, где ее не заметят, вместо того чтобы шифровать ее, — и перенес в цифровую эру.

Он закрыл текст, удалил программу и снова положил диск на место. Вся работа заняла не больше пяти минут. Еще через минуту на стол радиологической лаборатории тихо опустился конверт.

— А, да, я как раз ждал этот снимок, — сказал радиолог, поднимая взгляд. — Спасибо, Уоллес.

Тот только улыбнулся в ответ.

## 23

Во второй раз Крейн прошел через барьер в закрытую зону с гораздо меньшими мучениями: к нагрудному карману доктора был пристегнут

новенький пропуск, а рядом с ним шагал молчаливый адмирал Спартан, поэтому весь процесс занял всего несколько минут. Охранявшие воздушный шлюз офицеры военной полиции синхронно отступили, и Крейн с адмиралом спустились на шестой уровень. Люк распахнулся в узкий коридор, Спартан вышел, Крейн последовал за ним.

В предыдущий раз он несся на полной скорости, стараясь быстрее попасть к Конраду Уайту, находившемуся в состоянии острого психоза, и мало что успел заметить по дороге. Сейчас Крейн с любопытством оглядывался по сторонам. Тем не менее идущий по здешним коридорам человек мог догадаться о том, что находится в закрытой зоне, лишь увидев большее количество предупредительных знаков на перламутровых стенах, стоявших повсюду морских пехотинцев да толстые резиновые уплотнительные прокладки вокруг каждой двери.

Спартан показал дорогу к уже ожидавшему их лифту и пригласил Крейна войти. В отличие от верхних этажей кнопки на панели управления были помечены цифрами от одного до шести. Адмирал нажал кнопку под номером «2», и они начали спуск.

— Вы так мне и не сказали… — решил нарушить молчание Крейн.

— Я вам много чего не сказал, — не глядя на него, отозвался Спартан. — Что конкретно вы имеете в виду?

— Почему вы изменили свое мнение.

Адмирал задумался. Потом повернулся и глянул на Крейна непроницаемым взглядом.

— Вы знаете, что я читал ваше досье?

— Ашер сообщил мне.

— Командир «Спектра» остался очень высокого мнения о вас. Он говорит, что вы в одиночку спасли подводную лодку.

— Капитан Нейсби преувеличивает.

— Должен вам признаться, доктор Крейн, что я не совсем представляю, что именно вы там делали.

— Это была секретная операция. Я не могу говорить о ней, сэр.

Спартан невесело усмехнулся.

— Об этом я все знаю. Лодке была поставлена задача: сбор информации о строительстве завода по обогащению урана на берегах Желтого моря. И, если необходимо, уничтожение предприятия атомной торпедой таким образом, чтобы все выглядело как случайная авария.

Крейн с удивлением посмотрел на Спартана. Потом он решил, что, наверное, у правительства не много тайн от военачальника, который командует таким секретным объектом, как станция.

— Я не имею в виду операцию, — продолжал Спартан. — Я хочу сказать, что не знаю, какова ваша роль в спасении корабля.

Крейн помолчал немного, вспоминая.

— Члены экипажа стали гибнуть, — начал он. — Просто страшной смертью. Носовые пазухи у них оказались разъедены, а мозг превратился в мохнатый студень. Болезнь развивалась в течение нескольких часов. В первый день умерли сразу два десятка человек. Мы действовали в режиме радиомолчания и не могли прервать поход. На борту поднялась паника, разговоры о саботаже, об отравляющем газе. Когда за ночь недосчитались еще десяти человек, разразился хаос. В цепи командования произошел сбой, дело шло к бунту. По подлодке начали бродить разъяренные группы, разыскивая предателя.

— И что сделали вы?

— Я понял: то, что все принимают за действие отравляющего газа, на самом деле может быть фикомикозом.

— Простите?

— Массированное воздействие грибка, подрывающее иммунную систему организма. Мне удалось собрать необходимые материалы, чтобы провести анализ сыворотки, взятой из тел погибших членов экипажа, и я обнаружил, что они были заражены rhyzopus ozirae — грибком, который вызывает редкое, но тяжелое заболевание, известное под названием «мукоромикоз».

— Значит, моряки на «Спектре» умирали от него?

— Да. Это оказалась особо ядовитая разновидность грибка, которая завелась в трюме подводной лодки.

— И как вы остановили распространение эпидемии?

— Я стал давать лекарства всему личному составу. Вызвал у людей состояние контролируемого ацидоза, при котором споры грибка не могли выжить.

— И спасли корабль.

Крейн улыбнулся.

— Я же говорил, адмирал. Капитан Нейсби любит преувеличивать.

— Мне так не кажется. Вы не потеряли голову, выяснили причину происшествия и, пользуясь тем, что имелось под рукой, решили проблему.

Двери лифта с шипением отворились, и адмирал вместе с Крейном оказались в коридоре без всяких опознавательных знаков.

— Какое отношение это имеет к происходящему здесь? — спросил Крейн.

— Давайте не будем лицемерить, доктор Крейн. Я мог бы провести немало параллелей, но вы и сами способны это сделать. — Спартан, быстро шагая, вышел на пересечение коридоров и свернул за угол. — Я следил за вашей работой, доктор. И решил, что будет разумно оказывать вам больше доверия.

— Так вот почему вы дали мне допуск в закрытую зону, — заметил Крейн. — Да, это поможет мне разобраться быстрее.

— Отгадка — за этой дверью. — Адмирал указал на люк в конце коридора, по обеим сторонам которого стояли вездесущие морские пехотинцы.

По знаку адмирала один из них отдраил люк и распахнул его. Крейн двинулся вперед, но остановился. За люком лежала сплошная чернота.

Спартан прошел в темный люк и оглянулся.

— Идете?

Крейн нырнул в проем. Он огляделся, и у него перехватило дыхание.

Они оказались в узкой вытянутой смотровой галерее, нависшей над просторным ангаром. По обеим сторонам в два длинных ряда от Крейна сидели лаборанты и наблюдали за мониторами. Попискивали электронные приборы, постукивали клавиши, раздавалось приглушенное бормотание. За стеклянной стеной галереи, внизу, в ангаре, сновали другие сотрудники в белых халатах — они перетаскивали оборудование или вносили какие-то данные в маленькие компьютеры. Но Крейн ничего этого не заметил. Его взгляд был сосредоточен на предмете, который висел над полом ангара на необычно толстом кабеле.

Объект представлял собой металлический шар, наверное, из титана, а может быть, и из более ценного металла, примерно десяти футов в диаметре. Он был отполирован, словно зеркало, и сиял в замкнутом пространстве, как солнце, так что Крейну приходилось щуриться, чтобы смотреть на него. Сфера казалась абсолютно гладкой. Единственным отступлением от идеальной формы была поросль датчиков, антенн и автоматических манипуляторов, лепившихся снизу корпуса, словно

наросший мох. У дальней стены в специальных укрепленных эллингах стояли на опорных подушках еще два точно таких же шара.

— Что это? — спросил Крейн полушепотом.

— Это, доктор Крейн, Сфера. Сердце станции. Это то, для чего работает все на станции, абсолютно все.

— И что она делает? Копает?

— Нет. Копает специальная тоннелепроходческая машина. Задача же Сферы на данном этапе — двигаться за буровой машиной, укрепляя стальной обшивкой установленные секции штольни. Позднее, когда штольня будет проложена, Сфера найдет применение для исследования и... подъема.

— Она автоматическая?

— Нет. Нельзя автоматизировать все операции. Поэтому на ней работают сменные экипажи из трех человек.

— Экипажи? Но где же люк?

Адмирал Спартан коротко крякнул — наверное, он так смеялся.

— Доктор, мы работаем на таких глубинах, что никаких люков быть не может. Из-за страшного давления Сфера должна иметь идеальную форму, оставаясь действительно круглой.

— А как же вы обеспечиваете вход и выход людей?

— После того как экипаж сел по местам, корпус аппарата заваривается, а потом шов полируется до зеркальной поверхности.

Крейн присвистнул.

— Да. Вот почему каждая смена длится двадцать четыре часа — вход и выход занимают очень много времени. К счастью, как вы видите, у нас есть два запасных аппарата, и, пока один работает в тоннеле, другой можно как раз подготовить. Таким образом, работа продолжается безостановочно.

Какое-то время все молчали. Крейн понял, что не в силах отвести взгляд от ярко сверкающего шара. Пожалуй, ничего красивее он в жизни не видел. Впрочем, трудно представить, как в такой тесноте сидят три человека.

— Я так понял, вы не очень верите в то, что мы ищем Атлантиду, — сухо произнес Спартан. — Но что именно мы ищем, не ваше дело. Вам надо заботиться о медицинской ситуации. Теперь вы подчиняетесь не Ашеру, а мне. Само собой разумеется, что вам запрещено обсуждать то, что вы

тут узнали, с кем бы то ни было в открытой зоне. Здесь за вашими передвижениями будут следить, по крайней мере сначала, а наиболее важные объекты вы будете посещать в сопровождении охраны. Конечно, мы обеспечим вас любым оборудованием, какое потребуется. Вы и раньше занимались секретной работой и знаете, какие преимущества и ответственность она подразумевает. Попробуйте злоупотребить привилегиями, и в следующий раз яркий свет, под которым вы окажетесь, будет включен уже вовсе не для того, чтобы сделать фотографию.

Крейн наконец оторвал взгляд от сферы и посмотрел на Спартана. Адмирал не улыбался.

— Так что же случилось? — спросил Крейн.

Спартан махнул рукой в сторону стеклянной стены, указывая вниз, в ангар.

— До настоящего времени то, что происходило с персоналом, буровой комплекс не затрагивало. Но за последние двенадцать часов у нас заболели двое работников.

— С какими симптомами?

— Спросите у них сами. На четвертой палубе пункт неотложной помощи. Мы его расконсервировали, и вы можете использовать его как временный лазарет. Мы отправим к вам туда обоих сотрудников.

— Почему мне ничего не сказали об этих двух случаях? — спросил Крейн.

— Я говорю вам сейчас. Оба пострадавших заняты работой, проходящей по высшему классу секретности, и не имеют пропуска в открытую зону.

— Я мог бы воспользоваться помощью доктора Бишоп.

— У нее ограниченный доступ в закрытую зону, только на случай аварийных ситуаций и в сопровождении эскорта. Мы можем изменить эти условия, если возникнет острая необходимость. Так вот, если можно, я продолжу. В добавление к тем двум заболевшим, о которых я упомянул, в комплексе я заметил и остальных, кто, похоже... ощутил психологические проблемы.

— А Корбетт знает?

— Нет, и не узнает. Корбетт, скажем так, не пользуется нашим полным доверием. Любая его оценка должна быть проверена вами. — Адмирал посмотрел на часы. — Как я понял, вы на ногах уже тридцать шесть часов. Я отправлю ординарца, чтобы он отвел вас в каюту. Поспите часов шесть. Завтра в девять утра вы мне нужны свежим.

Крейн медленно кивнул.

— Все ясно. Вы дали мне допуск, потому что медицинская помощь нужна и здесь.

Спартан прищурил глаза.

— Доктор, у вас теперь новое задание. Недостаточно просто выяснить, отчего люди болеют. Надо сделать так, чтобы они все время были здоровы. — Он указал в направлении Сферы и окружающих ее лаборантов. — На этой станции можно отказаться от всего и от всех — кроме проходки тоннеля. Она должна продолжаться любой ценой. Эта работа необычайно важна, и я не позволю, чтобы кто-нибудь или что-нибудь меня остановило, а если надо будет, сам сяду в Сферу. Я ясно выражаюсь?

Какой-то миг двое мужчин пристально смотрели друг на друга. Потом Крейн едва заметно кивнул.

— Абсолютно ясно, сэр.

**24**

Утомленный Крейн лежал на своей койке. Было почти три часа ночи, и на станции стояла тишина. Через общую ванную доносились тихие звуки кларнета, играющего джазовую мелодию, — Роджер Корбетт был поклонником Бенни Гудмена и Арти Шоу.

Прошедший день для Крейна оказался наполнен гораздо большим числом сюрпризов, чем любой другой в его жизни. Он так устал, что как только закрывал глаза, к нему подбирался сон. Но спать он не мог — пока. Сначала надо было кое-что сделать.

Он потянулся к столу и достал конверт из оберточной бумаги. Открыв его, вытащил короткий документ, рассказ свидетеля, о котором говорил Ашер. Сонно потирая глаза, Крейн посмотрел на первую страницу. Это была цветная копия иллюстрированной рукописи: старинный английский готический шрифт, украшенный яркими, чуть ли не кричащими, окантовками и большой затейливой буквицей. Пергамент был вытерт на двух горизонтальных линиях, по которым лист, похоже, складывали, а края почернели от прикосновений и времени. Сам текст был на латинском, но, к счастью, исследователь Ашера приложил перевод, подколотый к репродукции. Крейн взял его и начал читать.

* * *

«Было это в лето Господа нашего 1397-е, когда я, Джон Олбарн, рыбак из Стаафхорна, стал свидетелем дивного события.

В то время я жестоко сломал руку и не мог ни ходить на лодке, ни бросать сеть. Выйдя однажды днем в скалы, я заметил, что небеса сияют, хотя все кругом обложили тучи. До ушей моих донесся звук странных гимнов, словно много голосов пели разом, и получалась неземная музыка.

Я не стал мешкать, а кинулся назад, в Стаафхорн, чтобы поведать об этом откровении всем людям. Но уже многие селяне услыхали своими ушами пение и увидали своими глазами свет и побежали на галечный пляж. Поскольку было воскресенье, все мужчины деревни остались дома, с семьями. Не прошло много времени, как деревня опустела, а люди собрались у воды.

Небеса стали еще ярче. В воздухе ощущалась некая странная тяжесть, и многие из нас заметили, как волоски на теле сделались совсем легкие и встали дыбом.

Вдруг заблистали молнии, и раздался гром. Потом небеса над океаном, рассыпая молнии и пуская клубы тумана, разошлись в стороны и рассеялись. В небесах появилась дыра. И сквозь нее глянуло огромное око, окруженное белым пламенем. От него на землю сошли столбы белого огня, прямые, как колонны, а вода, на которую пролился священный свет, стала странно спокойной.

Все жители деревни возрадовались, потому что око было великой и чудной красоты и его, безмерно яркое, обрамляли пляшущие радуги. И селяне заговорили о том, как Господь Всемогущий сошел в Стаафхорн, чтобы одарить нас своей милостью и благодатью.

Жители деревни стали рассуждать, как мы поплывем к дивному свету, чтобы восславить Господа и получить Его благословение. Один или двое, правда, заметили, что дорога по водам слишком длинна. Но око блистало такой красотой, а окружавший его огонь был столь чист и бел, что вскоре уже все расселись в челны, желая коснуться небесного света собственными руками и сделать так, чтобы он пролился на них. В лодках сидела вся деревня — мужчины, женщины, дети, лишь я один остался на берегу, ведь я не мог править со сломанной рукой. И я отправился на утесы, чтобы лучше видеть чудо.

Совсем скоро челны вышли в море — не то три десятка, не то больше, и люди в них пели благодарственные гимны. И я, стоя на утесе, тоже все время славил Бога, что из всех поселений в королевстве Датском Господь почтил своей милостью Стаафхорн. Мне казалось, что цепочка лодок несется по волнам с дивной скоростью, невзирая даже на то, что ветра не было вовсе, и, молясь, я ощутил в сердце печаль — ведь я был единственный, кто остался на берегу.

Прошло немного времени, лодки отошли от берега больше чем на лигу, когда огромное око начало медленно опускаться с небес. Облака, окружавшие его, все еще клубились, вокруг висели огромные занавеси тумана, пронзенные бесчисленными радугами. Но вот колонна белого света, падавшая от ока на море, стала меняться. Я увидел, как она начала изгибаться и скручиваться, словно живая. И вода, куда она падала, тоже переменилась. Более не спокойная, она вскипела, словно попала в огромную печь. Звуки божественного пения стали громче и уже не напоминали ангельские голоса. Они звучали все выше и выше, пока не перешли в резкий визг пойманного в ловушку зайца — непрерывные и такие громкие, что я пал на колени и закрыл уши руками.

С верхушки утеса я увидел, как лодки замедлили свое движение. Одна или две остановились, другие попытались повернуть обратно. Но море словно пришло в большую ярость. Вокруг колонны света стали появляться всплески и фонтаны воды, разбрасывая многочисленные брызги, словно в небольшую лужу швырнули булыжник. Огромное око спускалось все ниже, и колонна света под ним превратилась в столб всепожирающего белого огня, жуткого на вид.

Теперь все повернули назад и уходили на полной скорости. И тут началось сильное землетрясение, с чудовищным ревом разверзлись тучи, и мне показалось, что в этот миг все звезды небесные низринулись в пучину морскую. Оттуда, куда они падали, поднимались языки пламени, во все стороны от центра повалил густой пар и скрыл из виду крохотные лодки.

Жестокий удар бросил меня на землю, но хоть я и был страшно напуган, все же не мог оторвать взгляд от происходящего. К берегу шел густой, все закрывающий туман, он стлался в нескольких милях от меня, но сквозь него я видел сгустки красного, алого огня, он выплескивался в воздух, к небесам, и падал в море тысячами языков пламени. И огромное око среди этого пламени опускалось все ниже, окруженное заревом столь белым и ярким, что оно проникало повсюду, даже сквозь густой туман. Мне показалось, что око сходило неспешно и осмотрительно. И вот, когда оно коснулось моря, небесный свод охватила дрожь такой силы, какую невозможно описать словами. Этот рев и содрогания продолжались куда как долее часа, столь мощно сотрясая землю, что я боялся, как бы сама твердь земная не разошлась по швам. Не скоро грохот стал утихать, а туман рассеиваться.

Странно и жутко! Похоже, дьявол под ангельской личиной обманул жителей Стаафхорна и увлек их к печальному концу. Потому что когда туман наконец рассеялся, море окрасилось густым красным цветом и, насколько хватал глаз, было покрыто мертвой рыбой и телами прочих обитателей глубин, но ни от рыбацких лодок, ни от моих соседей поселян не осталось и следа. Однако в своем горе и унынии я не мог не

дивиться — как же Люцифер не стал торжествовать победу? Но нигде не было видно огромного глаза. Словно жуткая судьба людей была безразлична врагу рода человеческого.

Много дней бродил я по Дании, рассказывая свою историю всем, кто согласен был меня слушать и внимать моим предупреждениям. Но потом меня назвали еретиком, и покинул я королевство, опасаясь за свою жизнь. Я ненадолго остановился здесь, в Гримуолд-Касле, в поисках помощи и поддержки, и куда пойду отсюда, того не знаю, но я должен продолжать путь.

*Джон Олбарн.*

Занесено на бумагу Мартином из Брескии, который дает здесь торжественную клятву, что рассказ сей записан верно. Канделмас, год от Рождества Христова 1398-й».

* * *

Когда Крейн наконец отложил листки, улегся на подушку и выключил свет, усталость, которую он ощущал, не уменьшилась. И все же он лежал в постели без сна, а перед его взором стоял лишь один образ — огромный немигающий глаз, окруженный ослепительным белым пламенем.

**25**

Дверь в лабораторию Джона Мэрриса была открыта, но Ашер все равно постучал.

— Входите, — отозвался криптолог.

У Мэрриса была самая аккуратная лаборатория на станции. Нигде ни пятнышка, ни пылинки. На углу стола лежала только небольшая стопочка инструкций да стояли клавиатура и плоский монитор. Не было ни фотографий, ни плакатов, ни каких-либо других личных вещей. Но, подумал Ашер, для Мэрриса это вообще типично — он застенчив, неохотно говорит о себе или высказывает личное мнение, замкнут. Целиком погружен в работу. Самое лучшее свойство для криптолога.

Жаль, однако, что его настоящая работа — короткий и явно простой код — оказалась такой трудной.

Ашер закрыл за собой дверь и сел в единственное кресло для посетителей.

— Я получил ваше сообщение, — сказал он. — Какие-нибудь результаты лобовой атаки есть?

Мэррис покачал головой.

— Фильтры произвольного доступа?

— Ничего вразумительного.

— Понятно.

Ашер осел в кресле. Получив от Мэрриса сообщение по электронной почте (тот приглашал его зайти, как только появится возможность), он ощутил прилив надежды, решив, что специалист разгадал загадку. Просьба «зайти, как только появится возможность» от флегматичного Мэрриса означала призыв к немедленной встрече.

— Тогда какие новости?

Мэррис посмотрел на него и снова отвел взгляд.

— Я подумал — может, мы подходим к расшифровке не с той стороны?

Ашер нахмурился.

— Объясните.

— Хорошо. Вчера вечером я читал биографию Алана Туринга.

Ашера это нисколько не удивило. Мэррис, действительный член академии, сейчас работал над второй докторской диссертацией — по истории компьютеров, а Алан Туринг был выдающейся фигурой раннего периода развития электронных машин.

— Продолжайте.

— Ну… вы знаете, что такое машина Туринга?

— Лучше будет, если вы мне еще раз напомните.

— В тридцатых годах Алан Туринг создал теоретический компьютер, известный под названием «машина Туринга». Он состоял из ленты — полоски бумаги произвольной длины. На ней были написаны символы некоего алфавита — конечное число. По ленте бежала головка, считывая символы и интерпретируя их в соответствии с таблицей преобразования. Состояние головки менялось в зависимости от сведений, которые она принимала. Сама полоска могла хранить либо данные, либо «переходы» — так он называл небольшие программы. В нынешних компьютерах вместо ленты может быть память, а вместо головки — микропроцессор. Туринг заявлял, что его теоретический компьютер может произвести любой расчет. Он был первым, кто пришел к этому.

— Продолжайте.

— Я стал думать об этом коде, который мы пытаемся взломать.

Мэррис махнул рукой в сторону компьютерного экрана, где был представлен испускаемый артефактом сигнал, чуть ли не нахальный в своей краткости и неразрешимости:

0000011111001010001101011001110010000101

0001001100010100011010011000010000000000

— Я предположил: а вдруг это и есть лента Туринга? — продолжал Мэррис. — Во что бы превратились единицы и нули, если бы мы пропустили их через машину Туринга?

Ашер подался вперед.

— Вы допускаете, что эти восемьдесят бит — компьютерная программа?

— Я знаю, сэр, что звучит это дико...

— Нисколько.

«Ничуть не более дико, чем сам факт нашего присутствия здесь, — подумал Ашер. — Сидим на дне моря, копаем...»

— Продолжайте, пожалуйста, — произнес он вслух.

— Да, конечно. Сначала я должен был разбить эту последовательность единиц и нулей на отдельные команды. Я сделал допущение, что исходные значения, 00000 и 11111, — заполнители, отмечающие длину каждой команды. Значит, получается, что каждое цифровое «слово» имеет длину в пять бит. Таким образом, у меня получилось четырнадцать пятибитовых команд.

Мэррис нажал на клавишу, и длинная строка цифр исчезла, сменившись вертикальным столбцом:

10101

00011

01011

00111

00100

00101

00010

01100

01010

00110

10011

00001

00000

00000

Ашер внимательно смотрел на экран.

— Слишком коротко для компьютерной программы.

— Да. Ясно, что она должна быть очень простой. И на машинном языке — самом основном, универсальном из цифровых языков.

Ашер кивнул.

— И?

— Когда я сегодня утром пришел к себе, я составил небольшую методику, которая сравнила эти значения с перечнем базовых команд машинного языка. Методика соотнесла все возможные команды со значениями, одну за другой, и проверила, не получилось ли связной последовательности.

— А почему вы решили, что они… кто бы они ни были — те, кто оставил это сообщение, используют машинный язык того же типа, что и мы?

— На бинарном уровне, сэр, существуют определенные цифровые команды, которые являются общими для любого мыслимого счетного устройства — увеличение, уменьшение, переход, пропуск, если нуль — булева логика. И вот я запустил программу и занялся другими делами.

Ашер кивнул.

— Минут двадцать тому назад работа закончилась.

— И что, эти четырнадцать линий бинарного кода удалось перевести в какие-нибудь программы?

— Да. В одну.

— Неужели? — заволновался Ашер.

— Это алгоритм для простого математического действия. Вот, смотрите.

Мэррис нажал еще одну клавишу, и на мониторе появилась цепочка команд.

Ашер вгляделся:

| *Строка* | *Знак* | *Комментарий* |
|---|---|---|
| 00101 | ПРИБАВИТЬ | Поставить единицу счета в сумматор |
| 00011 | 00011 | от числа в позиции 13 (десятичное число) |
| 01011 | ИЗМ | Изменить знак единицы счета |
| 00111 | ПК | Поставить получившееся число |
| 00100 | 00100 | в позицию 14 |
| 00101 | ПРИБАВИТЬ | Отнять от |
| 00010 | 00010 | числа в позиции 12 |
| 01100 | УВ. НОЛЬ | Увеличить единицу счета и пропустить, если ноль |
| 01010 | ПЕРЕХОД | Вернуть управление программой к |
| 00110 | 00110 | шагу 6 |
| 10011 | КОНЕЦ | Конец программы |
| 00001 | | Позиция 12 |
| 00000 | | Позиция 13 |
| 00000 | | Позиция 14 |

— А что делает программа? — спросил Ашер.

— Вы можете заметить, что она написана как последовательность повторяющихся вычитаний, замкнутых в цикл. Таким же образом производится деление на машинном языке — повторяющимся вычитанием. Ну, это один способ. Еще вы можете делать арифметический сдвиг вправо, но для этого потребуется более специализированная компьютерная система.

— Значит, это задача на деление.

Мэррис кивнул.

Ашер ощутил, что удивление и интерес смешиваются с внезапным радостным возбуждением.

— Не тяните. Какое число они делят?

— Единицу.

— Единицу. И на что ее делят?

— Видите ли, сэр, в этом-то и проблема...

## 26

Дверь в ряду полудюжины подобных в пустом, безликом коридоре в северо-восточном квадранте третьего уровня. Надпись на ней совсем простая: «Радиология — Пик».

Коммандер Королис кивком велел одному из сопровождавших его морских пехотинцев открыть дверь и вошел внутрь. Заглянув через плечо коммандера, Питер Крейн увидел маленькую, но явно очень хорошо оборудованную лабораторию. Даже слишком: большая часть пространства была забита громоздкими приборами. У входа перед компьютером сидела женщина азиатской внешности в белом халате и быстро набирала что-то на клавиатуре. Она подняла взгляд при появлении гостей, потом встала, поклонилась и улыбнулась.

Королис ей не ответил. Он повернулся, неодобрительно посмотрел на Крейна одним глазом; другой глаз смотрел в какую-то точку за плечом доктора.

— Это должно вам помочь, — сказал Королис.

Он еще раз оглядел помещение, словно проверяя, может ли врач отсюда что-нибудь унести, и вышел в коридор.

— Снаружи поставьте охрану, — приказал он морякам и ушел.

Крейн какое-то время смотрел вслед уходящему коммандеру. Потом кивнул военным и вошел в кабинет, закрыв за собой дверь. Послышался негромкий скрип резины — уплотнительная прокладка дверного проема вставала на место. Крейн подошел к женщине, которая по-прежнему стояла у стола и улыбалась.

— Питер Крейн, — сказал он, пожимая ей руку. — Извините, что отвлекаю, но у меня нет рабочего места в закрытой зоне, а у вас, как мне сказали, в кабинете имеется стол с подсветкой.

— Хьюи Пинг, — ответила женщина, показывая в улыбке сверкающие белые зубы. — Я о вас слышала, доктор Крейн. Это вы исследуете все заболевания?

— Да. А сейчас мне надо просто посмотреть новые рентгеновские снимки.

— Пожалуйста, можете пользоваться всем, чем хотите.

Хьюи была маленькая и худенькая, карие глаза ярко сверкали за круглыми черными очками. Она говорила на безупречном английском, но с сильным китайским акцентом. Крейн решил, что ей лет тридцать.

— Стол с подсветкой вон там.

Крейн глянул в указанном направлении.

— Спасибо.

— Если что-то понадобится, обращайтесь.

Крейн подошел к столу, включил подсветку и вытащил рентгеновские снимки, которые только что по его распоряжению сделали нескольким рабочим бурового комплекса. Догадка подтвердилась: никаких проблем. Снимки оказались абсолютно ничем не примечательны, все было в порядке.

За последние несколько часов Крейн провел неофициальный осмотр нескольких людей, работавших в буровом комплексе. И выяснил, что тут проблемы такие же, как и у пациентов в зоне общего доступа, — неопределенные и раздражающе разнообразные. Один жаловался на сильную тошноту. Другой — на ухудшение зрения. Несколько обращений относились скорее к психологической стороне — расстройства аппетита, атаксия, провалы в памяти. Ни один из случаев не походил ни на что серьезное, и, как и раньше, казалось, ничего общего между ними нет. По-настоящему интересным был только один: молодая женщина, сотрудница бурового комплекса, проявила заметную расторможенность. Обычно тихая, спокойная трезвенница, в последние десять дней она превратилась в примитивно агрессивную и сексуально распущенную. Накануне ее пришлось подвергнуть домашнему аресту, когда выяснилось, что она вышла на смену в подпитии. Крейн побеседовал с женщиной, поговорил с ее коллегами и теперь собирался послать Роджеру Корбетту подробное сообщение, конечно, должным образом отредактированное.

Вздохнув, Крейн убрал со стола снимки. Он велел сделать магнитно-резонансную томографию и взять анализы крови, которые позднее будут исследованы в лаборатории, но при этом не мог отделаться от опасения, что результаты окажутся прежними, нисколько не информативными. В душе он надеялся, что на закрытых уровнях ему повезет больше. Конечно, ему совсем не хотелось, чтобы заболел еще кто-нибудь, тем не менее если в буровом комплексе, то есть там, где идет главная работа, заболеваемость возрастет, это поможет найти разгадку. Однако люди в буровом комплексе чувствовали себя ненамного хуже тех, кто обитает наверху.

Зато Крейну стало понятно, что Спартана встревожила не тяжесть заболевания, а избирательность. Ранее страдали только рядовые сотрудники, и адмирал событиями не интересовался. Но теперь, когда занемогли те, кто отвечал за проходку, адмирал забеспокоился.

Крейн выключил подсветку стола. Даже если новые случаи окажутся несущественными и непоказательными, они уже сослужили ему

хорошую службу. У него теперь есть доступ на закрытые уровни станции. Таким образом, количество людей, которых он сможет наблюдать, сразу удвоилось, не говоря уже о том, что теперь он может учитывать и возможное влияние среды.

Исследовательница Хьюи Пинг оглянулась. Она была похожа на черно-белый рисунок: темные волосы, глаза и очки. Белый лабораторный халат и бледная, почти прозрачная кожа.

— Что-то вы не слишком веселы, — сказала она.

Крейн пожал плечами.

— Все получается не так быстро, как я надеялся.

Пинг выразительно закивала, натягивая латексные перчатки.

— И у меня то же самое.

Ее коротко остриженные блестящие темные волосы качнулись.

— А над чем вы работаете?

— Смотрите.

Пинг указала на какое-то громоздкое оборудование.

Крейн подошел поближе, заглянул. К своему удивлению, он увидел очередной артефакт — точно такой же, как тот, что вчера ему показывал Ашер. Предмет висел в воздухе, переливаясь мириадами цветов. От верхнего края предмета к потолку кабинета шел такой же тонкий лучик чистого белого цвета.

— О господи, — в благоговении воскликнул Крейн, — и у вас такая штука!

Пинг легко рассмеялась.

— Они не так уж редки. На настоящий момент обнаружено более двадцати.

— Двадцати? — удивился Крейн.

— Да, и чем глубже мы погружаемся, тем больше мы их находим.

— Если вы нашли их столько прямо там, где проходит шахта, сколько же их в коре вокруг?

— Они не там, где проходит шахта.

Крейн нахмурился.

— То есть как?

— Первый — да, был по ходу машины. Но потом остальные вышли нам навстречу.

— Вышли навстречу? Что вы имеете в виду?

Пинг опять рассмеялась.

— Не знаю, как еще сказать. Они приходят к Сфере. Как будто она их притягивает.

— Вы хотите сказать, что они роют себе дорогу в породе?

Пинг пожала плечами.

— Мы не знаем, как это получается. Но они выходят.

Крейн присмотрелся к необычному предмету. Он выглядел совершенно удивительно — плавал себе в воздухе посреди кабинета, светился собственным светом, переливался бесконечными радугами. Глядя на артефакт, вдруг совершенно неожиданно и с полной определенностью Крейн ощутил, что опасения Ашера напрасны. Может быть, пугающий рассказ очевидца, который доктор прочел ночью, был выдуман или относился совсем не к этому событию. Конечно, то, что вызывает у людей расстройства здоровья, находится где-то в другом месте. Такой предмет не может не быть полезным для людей. Только высокоморальная цивилизация, давно оставившая позади войны, агрессию, зло, могла создать вещь такой изумительной красоты.

— А что вы изучаете? — шепотом спросил Крейн.

— Вот этот крошечный лучик света. Я пропустила его через рефрактометр и спектрометр. Проанализировала компоненты. Но все непросто.

— Это потому, что приходится тащить к нему оборудование, а не наоборот?

Пинг опять рассмеялась.

— И поэтому тоже. Но я хотела сказать о другом: вы говорили о себе, но ко мне это тоже подходит. Части никак не складываются в целое.

Крейн сложил на груди руки и прислонился к громоздкому прибору.

— Расскажите-ка, — попросил он заинтересованно.

— Буду рада. Ведь только ученые интересуются этими… маячками — другого слова мы пока не придумали. Остальные же просто стремятся добраться поскорее до главной жилы. Иногда мне кажется, что Королис дал мне такое второстепенное задание просто для того, чтобы я не

путалась под ногами. Меня приглашали на станцию программировать компьютеры ученым, а не для того, чтобы самой на них работать.

Ей не удалось скрыть горечь. «Значит, Королис убрал ее с ответственной работы и засунул в малозначительный отдел, — подумал Крейн. — Чтобы она тратила свои способности на побочные измерения и теории».

— Зачем это ему? — спросил он вслух. — Что, Королис вам не доверяет?

— Коммандер не доверяет никому, особенно человеку, который получил степень в Пекинском технологическом университете. — Пинг встала, подошла и указала на парящий в воздухе артефакт. — Глядите. Видите лучик? Он кажется ровным. Но если обработать его, то окажется, что он пульсирует — невероятно быстро гаснет и снова загорается — более миллиона раз в секунду.

Крейн смотрел на предмет.

— Да. Мне Ашер говорил.

— Это еще не все. Он выглядит как обычный луч, правда?

— Разве что очень белый.

— Но это далеко не так. Вообще-то перед нами парадокс. Почти каждое исследование, которое я проводила, выдало аномальные результаты.

— Как же так? Свет и есть свет.

— И я так думала. Но тесты показывают обратное. Вот смотрите, покажу вам пример. Этот прибор, к которому вы прислонились, — спектрограф.

— Такого большого я еще ни разу не видел.

Пинг улыбнулась.

— Это особый фотоэлектрический спектрограф. Он делает то же самое, что и его братья, только быстрее и с большей точностью. Вы знаете принцип работы?

— Он расщепляет луч на спектральные составляющие.

— Верно. Когда материя ионизируется, скажем, под воздействием высокой температуры, она начинает испускать свет. Разные виды материи испускают различные типы светового излучения. Они называются спектральными характеристиками, ими пользуются астрономы. Изучая спектральные характеристики какой-нибудь звезды, можно определить, из чего она состоит.

— Так-так.

— Я использовала спектрограф, чтобы проанализировать луч света, который испускает эта штука. А вот результаты.

С торжествующим видом Пинг обернулась, взяла листок и вручила его Крейну.

Крейн глянул на распечатку и ничего особенного не заметил. На бумаге изображена ломаная линия, с обычными пиками и провалами; извиваясь, она шла из левого угла в правый, ничуть, на взгляд Крейна, не отличаясь от электрокардиограммы.

— Я не много знаю о фотоэлектрической спектроскопии, — сказал он. — Но тут ничего странного не вижу.

— Может быть, для далекой звезды ничего удивительного нет. Но для такого маленького предмета... нет, очень необычно. Вот это, — она указала на несколько резких скачков кривой, — линии поглощения.

— И что?

— Линии поглощения появляются только тогда, когда перед звездой, на которую вы смотрите, есть какой-то другой объект. Например, газовое облако или что-то другое, что блокирует часть спектра, поглощает излучение. Вы никогда не получите такой результат от луча, находящегося в одном помещении с вами.

Крейн, нахмурившись, посмотрел еще раз на распечатку.

— То есть вы утверждаете, что свет, который испускает этот предмет, можно увидеть только у очень далекой звезды.

— Правильно. Спектральная характеристика этого объекта, строго говоря, невозможна.

Крейн помолчал. Вернул распечатку Пинг.

— И это только один из десятка парадоксов, которые я обнаружила, изучая этот маячок. Какой бы тест я ни провела, результаты ни на что не похожи. Это удивительно, но и досадно тоже. Поэтому я и решила попробовать спектрограф — подумала, что предмет, применяемый астрономами, по крайней мере надежен. — Пинг покачала головой. — А потом, физические составляющие. Прежде всего, почему артефакт испускает луч света? Вы заметили, что луч всегда направлен в одну сторону, как бы предмет ни поворачивали?

— Нет, не заметил.

Крейн потянулся к странному объекту и рассеянно повертел его в пальцах. Маячок послушно подался, но луч оставался на своем месте, неколебимо направленный в потолок, а точка, откуда он исходил,

словно плавно двигалась по поверхности. На ощупь предмет был холодный и странно скользкий.

— Любопытно, — сказал Крейн. — Свет исходит из одной и той же точки, как бы сам объект ни был расположен в пространстве. Словно вся поверхность у него может светиться. — Доктор подтянул предмет к себе. Несомненно, сработало воображение — ему показалось, что в руке маячок стал немного теплее. Крейн посмотрел на Хьюи Пинг. — А вот интересно…

И замолчал. Исследовательница резко отступила от него, и на лице ее появилось выражение ужаса и потрясения.

— Что такое? — спросил Крейн.

Доктор Пинг сделала еще шаг назад, спрятавшись за каким-то большим прибором.

— Перчатки, — произнесла она сдавленным голосом.

И тут Крейн ощутил, что кончикам пальцев очень жарко — чуть ли не до боли. Он быстро отдернул руку. Освободившийся артефакт плавно вернулся на свою прежнюю позицию точно в центре помещения.

Крейн пристально смотрел на него, чувствуя, как внезапный приступ страха приковал его к месту. Пинг произнесла всего одно слово, но ее мысль огнем вспыхнула в сознании Крейна:

«Никто не прикасался к маячку без перчаток…»

Когда ощущение жжения в пальцах вдруг усилилось, Крейн почувствовал, как забилось у него в груди сердце, а во рту пересохло. Он только что совершил страшный грех, самую ужасную ошибку, которую может совершить начинающий исследователь. И теперь…

Но дальнейший ход его мысли был прерван внезапным громким звуком сирены. Заскрежетал металл: по всему помещению с лязгом закрылись вентиляционные задвижки. Свет погас, сменившись красным мерцанием аварийных ламп.

Это Пинг нажала кнопку тревоги и заперла их обоих в лаборатории.

**27**

Крейн стоял, не в силах пошевелиться. От звука сирены, казалось, дрожали стены, а аварийное освещение окрашивало комнату в цвет крови.

Что же произошло? Он тронул неизученный предмет, и его действие вызвало некую реакцию. «О господи, — подумал он, чувствуя, как его

захлестывает паника. — Неужели я попал под облучение? Альфа-излучение или медленные нейтроны? Какая доза? И как я...»

Он отбросил эти мысли, пытаясь побороть страх и рассуждать логически. «Как лечат частичное поражение?»

Он попятился от парящего в воздухе предмета.

— Ванну! — крикнул Крейн. — Мне нужно принять солевую ванну! Быстрее!

Глянув на Хьюи, он увидел, что женщина, подавшись вперед, что-то ему говорит, но за воем сирены он ничего не мог расслышать.

— Что? — не понял он.

Она что-то громко ответила, жестикулируя.

— Что? — переспросил Крейн.

Хьюи повернулась и нажала кнопку на стене. Сирена замолчала. Через миг загорелось основное освещение.

— Я говорю — ничего страшного! — повторила женщина. — Оно всего лишь инфракрасное!

Доктор смотрел на нее.

— Инфракрасное?

— Да. Я только что увидела данные на этой панели. Когда вы коснулись маячка, он начал испускать инфракрасное излучение.

Пинг еще раз посмотрела на табло измерительных приборов. Потом обошла какой-то большой агрегат и, держа в руке маленький счетчик Гейгера, поводила им вверх-вниз вдоль тела Крейна, закончив на уровне пальцев.

— Посмотрите на показания — фон такой же, как и повсюду на станции.

Тут Крейн понял, что по ту сторону двери раздаются громкие голоса. Хью повернулась, быстро подошла к панели связи, сняла переговорную трубку.

— Это доктор Пинг, — сказала она. — Ложная тревога. Повторяю, тревога объявлена по ошибке.

Ответил механический, лишенный интонаций голос:

— Введите код подтверждения.

Хьюи повернулась к кнопочной консоли, нажала несколько кнопок.

— Код подтверждения принят, — произнес голос. — Тревога отменена.

Снова залязгал металл, открылись вентиляционные отверстия, и в помещение начал поступать свежий воздух. Хьюи открыла дверь; двое морских пехотинцев, молотивших в нее, чуть не упали в проем.

— Ложная тревога, — сказала Хьюи, кивая и виновато улыбаясь. — Извините, пожалуйста, за беспокойство.

Моряки подозрительно оглядели комнату, держа винтовки на изготовку. Хьюи по-прежнему кивала и улыбалась, и пехотинцы, бросив последний взгляд на Крейна, вышли и снова заняли пост по обе стороны от входа. Хьюи закрыла за ними дверь и повернулась к Крейну. У нее был застенчивый вид.

— Простите, — сказала она.

— Вы просите извинения? Ведь это я совершил ошибку, за которую и школьнику должно быть стыдно.

— Нет. Я думала, вы знаете наши правила. И повела себя слишком шумно. Я… по-моему, тут внизу мы все чересчур напряжены. Мы провели много исследований и тестов, и по всем результатам эти предметы инертны, никакого вреда здоровью не причиняют. Все же…

Она прервалась, и какое-то время они стояли молча. Крейн медленно выдохнул; его сердце замедлило свой бег. Кончики пальцев по-прежнему покалывало от жара.

Хьюи, кажется, над чем-то размышляла.

— Вообще-то, — сказала она, — мне кажется, что вы, доктор Крейн, помогли мне.

— Чем же? — спросил он, рассеянно потирая пальцы.

— Вы дали мне материал для исследований. Потому что сейчас маячок испускает два вида электромагнитного излучения.

Крейн посмотрел на нее.

— Вы считаете…

— Да. — Хьюи указала на свои приборы. — Он по-прежнему испускает инфракрасный луч, а также луч видимого света.

Они опять помолчали. Крейн еще раз подошел к предмету, теперь уже с некоторой опаской. Он плавал перед ним, сияя, и его края мерцали едва заметно глазу, словно тонкие, неопределенные линии миража.

— Почему, интересно? — пробормотал Крейн.

— В этом и вопрос.

Крейн с любопытством смотрел на маячок.

— Это никак не связано с его способом передвижения?

— Не думаю.

— Механизм самозащиты?

— Вы хотите сказать, он пытался заставить вас отпустить его? Столь же маловероятно. Такое сложное устройство, как этот артефакт, может иметь и более эффективные способы защиты. Кроме того, один из них мы пытались повредить, но они невосприимчивы ко всем воздействиям, которым мы их подвергали. Ваши пальцы вряд ли представляют для него серьезную угрозу.

Хмурясь, Крейн обошел маячок. Он все еще чувствовал некоторую слабость от прилива адреналина при испуге. Взяв пластиковую пробирку, он осторожно поводил ею рядом и вокруг парящего предмета, поймал его в пробирку, запечатал красной резиновой пробкой и стал разглядывать. Крошечный артефакт безмятежно плавал точно посередине сосуда.

— Ашер считает, что это некое сообщение, — сказал Крейн. — Его мигание — цифровой код.

Хьюи кивнула.

— Логично. Но если это информация, то мы никак не можем ее понять.

— Интересно, как там Ашер, — пробормотал Крейн скорее для себя, чем для нее.

Он почувствовал себя виноватым, что ничего не сообщает руководителю научных исследований. Последний раз они разговаривали в каюте Крейна, когда туда вломился адмирал Спартан со своими морпехами. С того времени Крейн был так занят, что не мог ни звонить, ни разыскивать Ашера.

— Я отправлю ему сообщение по электронной почте, — сказала Пинг.

Она подошла к своему столу, села перед клавиатурой и начала печатать. Потом замерла, нахмурилась и продолжила печатать.

— Забавно, — сказала она.

— Что? — спросил Крейн, подходя к ней.

— Я получаю информацию об ошибке. Сбой сети. Сообщение не проходит. Посмотрите.

Она указала на экран.

— А что у вас за система?

— Стандартная беспроводная 802.1lg, такая же, как и на всей станции. — Хьюи набрала очередную команду. — Опять то же самое.

— В медпункте у меня никогда не было проблем со связью.

— Да и у меня такое первый раз. Раньше все было надежно, как скала. — Хьюи снова застучала по клавишам. — Ну вот. С третьей попытки.

Но Крейн все еще размышлял.

— А какая полоса частот у вашей беспроводной сети? — спросил он.

— Пять и одна десятая гигагерц. А что? — Хьюи повернула монитор компьютера к Крейну. — Вы же не думаете...

— Что откуда-то идут помехи? Хороший вопрос. У вас в лаборатории есть приборы, работающие на той же частоте?

— Нет. На этой частоте только беспроводная сеть...

Голос Хьюи сорвался. Несколько мгновений исследовательница и врач смотрели друг на друга. Затем, словно им в голову пришла одна и та же мысль, оба повернулись к маленькому маячку, который висел как ни в чем не бывало перед радиометром.

Хьюи поднялась с кресла, подошла к одному из лабораторных столов, порылась в целом наборе различных измерительных устройств, нашла анализатор. Она приблизилась к парящему в воздухе артефакту, протянула к нему тестер и посмотрела на маленький экранчик.

— О господи! — воскликнула она. — Он теперь передает и на пяти и одной десятой гигагерц.

— То есть теперь он передает сообщения уже в трех диапазонах, — сказал Крейн. — Да еще удаленных так далеко друг от друга.

— Три, которые нам известны. Но мне почему-то кажется, что их на самом деле больше.

— Вы уверены, что это новое явление?

— Абсолютно. Раньше была только частота видимого светового излучения. И больше ничего.

Крейн задумчиво смотрел на крошку маячок.

— Как вы думаете, что произошло? — тихо спросил он.

Пинг вежливо улыбнулась ему.

— Похоже, вы разбудили его, доктор Крейн.

Она вернулась к компьютеру, села и принялась лихорадочно печатать.

**28**

— Очистители углекислого газа?

— Норма.

— Сервоприводы и карданы?

— Норма.

— Защита?

— Сто процентов.

— Индикаторы инерциальной системы?

— Зеленый.

— Электромагнитный замок?

— Максимум.

— Датчик температуры?

— Норма.

Томас Адкинсон повернулся вместе с креслом к инструментальной панели и выключил нудный диалог между рулевым и инженером. Его консоль сияла зелеными индикаторами, а манипуляторы на нижней части Сферы были готовы к работе.

Серия гулких ударов снаружи прекратилась, сменившись едва слышным шорохом — пластину входного люка приварили на место, а теперь заполировывали следы шва. Новичок в буровом комплексе, обойдя вокруг Сферы, увидел бы только идеально гладкий шар — снаружи ничто не указывало на то, что внутри находятся три человека.

Сидят в страшно неудобной тесноте.

Адкинсон поерзал в маленьком металлическом кресле, стараясь найти положение, в котором можно было бы удобно провести сутки. Из-за того что вход и выход из Сферы занимал столько времени — полтора часа подготовки до погружения и полчаса после, для максимальной эффективности каждому экипажу сделали смену тройной длины.

Максимальная эффективность, черт ее дери. На жизнь можно зарабатывать и как-нибудь иначе!

Чирикнул интерком.

— Сфера-один, вызывает диспетчер, — раздался голос из крошечного динамика. — Сообщите состояние.

Микрофон взял Гроув, рулевой.

— Сфера-один, все системы в норме.

— Вас понял.

Адкинсон бросил взгляд на Гроува. Рулевой во время погружения отвечал за техническую сторону; это было смешно, поскольку, честно говоря, парню и делать-то нечего, только следить за приборами — не сломалось ли что-нибудь. Настоящая работа оставалась ему и Хорсту, инженеру. Впрочем, Гроув был из тех людей, которые всегда помнят о том, что звук и изображение передаются не только в буровой комплекс, но и на секретную базу в пригороде Вашингтона. Перед камерой ему надо играть главную роль.

Интерком чирикнул снова.

— Сфера-один, шлюз открыт. Есть готовность к погружению.

— Вас понял, — ответил Гроув.

На какой-то миг все замерло. Потом последовал неожиданный толчок — Сфера вышла из стапеля и двинулась к шлюзу. Последовало ощущение постепенного спуска, и вдруг резкое, короткое падение — захваты разошлись, и Сфера вошла в шлюз. Над головой раздалось гудение — герметизировались массивные створки. Как и другие звуки снаружи, этот был странным — эхо многократно отражало его.

И все из-за особой конструкции Сферы. Ее наружная сверкающая оболочка была сделана из твердого металлокерамического сплава, а внутренняя — из усиленной стали. Двойной корпус — обычное дело для глубоководных аппаратов. Уникальной Сферу делало наполнение пространства между двумя корпусами. Адкинсон видел схемы и фотографии. В межкорпусном пространстве стояли перемычки — сотни, тысячи перемычек. Стойки между одним корпусом и другим и стойки между стойками.

Конструкторы Сферы обратились за примером к живой природе. Это, по мнению Адкинсона, и было самым странным. Когда он слушал объяснения, ему казалось, что его дурачат. Идею невероятно сложного усиления корпуса позаимствовали у… дятла. Кажется, любая нормальная птица, если будет молотить по дереву дни напролет, совсем скоро получит разжижение мозгов от удара. Но череп дятла был

двухслойный, проложенный — чем бы вы думали? — десятками крошечных стоек.

Адкинсон помотал головой. Дятел! Боже правый! А потом, сидеть, запаянным в блестящий металлический шарик, под давлением…

Да, давление. Адкинсон изо всех сил старался не думать про него.

— Сфера-один, — сказала диспетчерская. — Вы прошли шлюз. Люк задраен.

— Вас понял, — ответил Гроув. Он положил микрофон и повернулся к Хорсту, инженеру. — Состояние снаряда?

Хорст сидел, склонившись над своим пультом, который состоял из трех экранов, клавиатуры и двух крошечных резиновых джойстиков.

— Подхожу к месту.

Адкинсон лениво наблюдал за его работой. Хорст смотрел на экраны. На них были видны три предмета — зеленые тени изображений от гидролокатора, по одному на каждый экран: на первом — их собственная Сфера, на третьем — тоннелепроходческая машина, а на среднем — глубоководный робот, известный под названием «снаряд». «Настоящая» видеокамера на борту была одна — крохотная беспроводная штучка с монитором чуть больше, чем визир перископа, и изображение видел только рулевой.

— Вошел в зацепление, — сказал Хорст.

— Понял. — Гроув пощелкал переключателями на пульте и повернул большой регулятор на девяносто градусов по часовой стрелке. — Увеличение мощности до семидесяти пяти процентов.

На панели рулевого раздался писк, за ним — тихое жужжание, которое, кажется, шло из ниоткуда и сразу отовсюду. После чего внизу живота появилось странное ощущение — это Сфера резко рванулась, словно воздушный шарик, который дернули за ниточку.

— Полный контакт, — сказал инженер.

Гроув взял микрофон из держателя.

— Диспетчер, говорит Сфера-один. Контакт со снарядом. Идем на спуск.

Хорст вернулся к своим джойстикам. Сфера снова пошла вниз, на этот раз более плавно — начался спуск в тоннель к рабочему участку.

Офицер еще раз покачал головой. Устройство аппарата было необычным, но еще удивительнее оказался способ его передвижения. Адкинсон привык к подводным лодкам с их балластными цистернами и

управляемым дифферентом. Но на Сфере ничего подобного не было, ведь отверстия в наружном корпусе, даже самые маленькие, не допускались. Все заменял снаряд — автономное механическое устройство, расположенное в шахте под ними и спускавшееся к участку. К Сфере он крепился при помощи сильного электромагнитного поля, и когда опускался, то тянул за собой Сферу.

Перед погружением давление на станции и в Сфере уравнивалось. Потом она спускалась вниз, двигаясь за снарядом. А в конце смены Хорст, задачей которого и было управление роботом, просто отключал магнитное поле. Сфера, стремясь найти барометрическое равновесие с окружающей средой, поднималась вверх, пока не достигала станции, где и останавливалась.

Это было очень непривычно, впрочем, во время погружений, которые становились все глубже, работало безупречно. Такой способ движения действовал безотказно — если бы снаряд сломался или дал сбой, инженеру надо было бы всего-навсего отключить электромагниты раньше, и Сфера бы всплыла автоматически. Адкинсону не хотелось признаваться, но вся идея оказалась очень остроумной. Когда задумаешься, получается, что давление не оставляет тебе никакого другого выбора...

Ну вот, опять давление!

— Ноль минус тысяча футов условно, — произнес Гроув.

— Электромагнит на полной, — сказал Хорст. — Скорость спуска стабильная.

Адкинсон облизал губы. Давление не только заставляло придумывать экстравагантные решения, позволявшие работать на такой глубине, но и делало саму вахту долгой и изматывающей. Во-первых, крепкая, автономная, практически неразрушимая тоннелепроходческая машина прокладывала шахту примерно на десяток футов вниз, и образовавшуюся полость заполняла морская вода. Затем эту секцию тоннеля одевали в тюбинг, используя чрезвычайно сложные и точные в работе механические руки, прикрепленные к нижней части Сферы. Это и была работа Адкинсона, так же как и откачивание илистой взвеси из тоннеля — тут использовался вакуумный трубопровод, который выводил ее с участка к вытяжному клапану, установленному на океанском дне в сотне ярдов от станции. Все приходилось делать быстро и точно, иначе скальные и осадочные породы оползут и (боже сохрани!) погребут под собой тоннелепроходческую машину.

— Ноль минус две тысячи условно, — произнес рулевой.

Конечно, они отлично подготовлены, и процесс очень строго контролируется, чтобы такое могло случиться. Спасибо одному ненормальному старому пердуну — его, Адкинсона, работенка оказалась крайне тягостной, неприятной и изматывающей.

К концу их смены шахта углубится примерно еще на сотню футов — прямо вниз от станции, и для укрепления будет аккуратно обложена стальными тюбингами, а поскольку в тоннеле стоит морская вода, стальные конструкции не испытывают давления.

Про Сферу, однако, такого не скажешь...

Адкинсон приказал себе перестать думать об этом. Ему просто скучно, вот и все. Во время погружения его мысли часто сворачивают на мрачные темы. Да и настроение на станции ничуть не помогает избавиться от них — люди заболевают, кто-то ведет себя как полупомешанный, ходят слухи об очень странных вещах, которые то и дело появляются на участке из ила и скальных обломков и выходят к Сфере. Адкинсон стал гадать, не появится ли что-нибудь сегодня, во время его смены. Люди называют эти штуки подводными стражами.

Что же они оберегают?

— Ноль минус три тысячи футов, — сказал Гроув. — Скорость погружения уменьшилась.

Хорст посмотрел на свои экраны.

— Снаряд пошел медленнее.

Гроув нахмурился.

— Не так, как в тот раз?

«Тот раз» был накануне, когда у самой нижней точки шахты вдруг по необъяснимой причине снаряд на шестьдесят секунд перестал отвечать на команды. Адкинсон лениво размышлял о том, какой идиот додумался так назвать механизм. «Снаряд» подразумевает что-то компактное и гладкое. Но машина у них совсем не гладкая и ни в коей мере не компактная: при ближайшем рассмотрении выясняется, что это громоздкий робот чудовищного обличья.

— Нет, — ответил инженер. — Просто отклонение температуры. Через пару секунд пройдем.

Адкинсон осторожно поерзал в маленьком кресле, стараясь направить мысли в более благостном направлении. Вчера был на редкость тяжелый день. Накануне тоннелепроходческая машина преодолела нижнюю границу коренного слоя — второго слоя земной коры. Они будут первым экипажем, кто войдет в океанский слой — третий и самый

глубокий уровень. Ниже уже находится Мохо… и то, что там их поджидает.

Адкинсону стало интересно, что они могут найти в океанском слое. Наверняка было известно только, что он самый тонкий из трех и самый малоизученный. В конце концов, даже при реализации международного проекта по бурению морского дна так глубоко не добирались. Сейчас они пришли туда, где не бывал еще ни один человек — надо будет это запомнить.

Адкинсон вздохнул, лениво подергал сложную рукоятку, управляющую работой механической руки — само собой, без проводов, поскольку ни гидравлика, ни проводка не должны были нарушать целостность обшивки Сферы. Адкинсону пришло в голову, что спуск мог бы идти гораздо быстрее, если бы компания была веселей. Но разговоры с Хорстом и Гроувом захватывают не больше, чем наблюдение за процессом высыхания краски.

— Ноль минус шесть тысяч, — сказал Гроув.

«Твою бы сестрицу сюда», — мрачно подумал Адкинсон.

Прошло еще десять минут — тишина нарушалась только редкими радиопереговорами между диспетчером и рулевым. Адкинсон выпрямился за пультом, только когда они достигли дна шахты. Теперь, когда он может приниматься за свою утомительную работу — взять полукруглый стальной тюбинг, спускаемый на тросе со станции, поставить его на место при помощи бесчисленных крошечных тяг, управляющих движением механической руки, и плотно закрепить его, — теперь время пойдет быстро.

— Сбрасываю мощность, — сказал Гроув.

— Подтверждаю, — ответил Хорст, нажимая кнопки на маленькой клавиатуре между джойстиками. — Начинаю посадку.

Инженер взял микрофон.

— Диспетчер, говорит Сфера-один. Подхожу к рабочему участку. Начинайте подачу груза.

— Сфера-один, вас понял, — послышался скрип динамика. — Груз пошел.

Гроув глянул на Адкинсона. Это был знак — начинать. Адкинсон кивнул в ответ и стал готовить пульт. Он включил монитор гидролокатора, чтобы отследить приближение металлических секций. Осторожно взялся за джойстик управления механической рукой, проверил работу

всех малых джойстиков и стал тестировать сначала большой электродвигатель, затем малые.

Странно. На движения рукоятки манипулятор, кажется, отвечает медленно, как-то лениво…

Резкий голос Гроува сбил его мысли.

— Мы остановились, — сказал рулевой. Он повернулся к Хорсту. — В чем дело?

— Не знаю.

Инженер постучал по клавиатуре, глянул на один из экранов.

— Поступил сигнал о приближении к машине?

— Нет, — ответил Хорст. — Она действует в штатном режиме и прокопала уже четыре фута.

— Тогда почему остановился снаряд?

— Неизвестно. — Пальцы Хорста летали по клавиатуре. — Он периодически не реагирует на команды.

— О господи! Началось!

Гроув ударил рукой по переборке.

Рулевого можно терпеть, когда все идет по плану, но стоит делам споткнуться, как он тут же становится совершенно невыносим. Адкинсон от всей души пожелал, чтобы эта смена не превратилась в мероприятие, о котором будут долго вспоминать.

— Мощность увеличить можешь? — спросил Гроув.

— И так на максимуме.

— Черт, тогда ты…

— Вот, — сказал Хорст. — Двигается.

— Так-то лучше, — ответил рулевой нормальным тоном. — Адкинсон, приготовься…

— Проклятье! — воскликнул Хорст. Тревога в голосе инженера заставила Адкинсона вздрогнуть. — Он поднимается!

— Кто? — спросил Гроув.

— Снаряд. Он уже не спускается. Он идет к нам.

Адкинсон резко повернулся к центральному экрану инженера. И точно — сквозь зеленый туман сигнала гидроакустики он увидел, как поднимается огромная машина. Пока он глазел на монитор, робот, кажется, прибавил скорости.

— Останови его! — крикнул Гроув. — Отключи!

Хорст отчаянно молотил по клавиатуре.

— Опасность столкновения, — сказал бесплотный женский голос. — Опасность столкновения.

— Не выходит! — крикнул Хорст. — Семьдесят футов, приближается!

Адкинсон почувствовал еще один, более сильный укол страха. Если снаряд в них врежется, если повредит наружную обшивку Сферы, то пострадает и сложная система стоек, которая обеспечивает прочность конструкции...

Охваченный внезапной паникой, он завертелся вместе с креслом, сжимая и разжимая кулаки, часто дыша, ища взглядом выход.

— Останавливаю погружение! — крикнул Гроув, чтобы его было слышно за сиреной. — Хорст, отключи электромагнит. Всплываем!

— Магнит уже выключен. Снаряд все равно поднимается. Пятьдесят футов, идет на большой скорости!

— Черт! — Рулевой схватил микрофон. — Диспетчер, это Сфера-один. Снаряд работает в нештатном режиме, начинаем аварийный подъем.

— Сфера-один, повторите, — прохрипело радио.

— Мы прервали работу и возвращаемся!

Адкинсон схватился за сиденье, отчаянно пытаясь держать себя в руках. Он ощутил, как болезненно медленно начала всплывать Сфера. Взгляд был прикован к экранам Хорста. «Быстрее, черт тебя... быстрее».

— Двадцать футов! — чуть ли не взвизгнул инженер. — О господи!

— Приготовиться к столкновению! — закричал Гроув.

Адкинсон навалился на свой пульт, изо всех сил вцепившись в переборку. Стиснул зубы. На какой-то момент ему показалось, что весь дикий шум — завывание сирены, отчаянные крики Хорста — оказался приглушен мучительным ожиданием. И вот снизу раздался болезненный удар, Сфера подпрыгнула, мотнулась вправо-влево, заскрежетал, сминаясь, металл, и неуправляемый аппарат резко, очень быстро понесся вверх. Адкинсон сильно ударился головой о пол... и все скрылось в темноте.

## 29

Крейн торопливо шагал по лабиринту коридоров на третьем уровне, сопровождаемый молодым морским пехотинцем с коротко стриженными светлыми волосами.

— Что там? — спросил Крейн. — Что случилось?

— Не знаю, сэр, — ответил военный. — Мне было приказано доставить вас в буровой комплекс как можно скорее.

Он остановился и открыл какую-то дверь без опознавательных знаков, которая вела в узкий служебный проход. Перепрыгивая через две ступеньки металлической лестницы, они выскочили на первую палубу. На бегу Крейн заметил, что стены этого, самого нижнего, уровня — темно-красных тонов.

Впереди оказались большие двойные двери. Крейн подошел, и морские пехотинцы, стоявшие на посту, распахнули створки. Здесь находился буровой комплекс, большое помещение, которое вчера он видел с верхней галереи. Выгородки для оборудования и полки с инструментами занимали три стены. Распахнутые двери многочисленных люков вели в кабинеты, лаборатории, кладовые и серверные. На потолке — на два уровня выше — виднелись кран-балки, мостовые краны с тяжелыми цепями и гидравлические устройства. Кругом бегали техники, они разговаривали приглушенными голосами, и лица у них были встревоженные. Где-то вдалеке выла сирена.

Группа людей собралась в центре ангара вокруг верхнего люка водного шлюза. Среди них Крейн увидел адмирала Спартана и поспешно подошел к ним.

— Что происходит? — спросил он.

Адмирал глянул на него и снова отвернулся к шлюзу.

— Авария со Сферой-один.

— Какого рода?

— Мы потеряли связь с ее экипажем, так что ничего толком не знаем. Но похоже, робот, который тянет Сферу в низ шахты, вышел из-под контроля. Он врезался в аппарат. И теперь Сфера-один поднимается, потеряв управление.

— О господи! Они что, разгерметизированы?

— Маловероятно. Травмы скорее будут от... удара.

— Значит, тупые травмы... — пробормотал Крейн. — Вы говорили, на борту экипаж из трех человек?

— Верно.

— У меня здесь нет никакого оборудования.

— Пока мы с вами разговариваем, сюда несут наборы первой помощи.

— Расчетное время до контакта — две минуты, — прохрипел динамик.

— Этого недостаточно, адмирал, — возразил Крейн. — Возможно, понадобится подготовить место для палаты реанимации. А доктор Бишоп мне нужна в качестве ассистента. Особенно если надо будет делать несколько процедур сразу.

Спартан повернулся, снова посмотрел на Крейна.

— Только не в буровом комплексе.

— Но... — начал Крейн.

— Вы можете использовать временный лазарет на четвертой палубе. Я прикажу, чтобы Мишель Бишоп туда проводили. — Спартан подозвал одного из многочисленных морских пехотинцев, стоявших неподалеку на постах. — Найдите доктора Бишоп и проводите ее на четвертую палубу, — приказал он.

Моряк отдал честь и быстро удалился.

— Есть ли травмы шеи? — требовательно спросил Крейн. — Мы же не можем просто так таскать пострадавших...

Он замолчал, увидев выражение на лице адмирала.

«Эту битву мне не выиграть. Отложим до другого раза».

От ближайшего пульта поднял голову лаборант.

— Адмирал, — обратился он, — скорость подъема Сферы немного замедлилась.

— Какова текущая скорость? — спросил Спартан.

— Тридцать четыре фута в секунду, сэр.

— Баланс нарушен, — сказал Спартан. — Это все еще слишком быстро.

Крейн ждал, вспоминая процедуры, которые ему предстоит проделать, когда Сферу заведут в ангар. Несмотря на все его специализированные навыки, дело сведется все к тем же действиям, которых придерживается любой парамедик, имеющий дело с травмами. Это азбука: воздух,

дыхание, кровообращение. Если столкновение с глубоководным роботом оказалось достаточно серьезным, могут быть рваные раны, контузии, возможны и сотрясения. На случай транспортировки пострадавших на четвертую палубу надо приготовить корсеты для фиксации шейного отдела позвоночника, нужны жесткие носилки, чтобы избежать…

— Расчетное время до контакта — шестьдесят секунд, — раздался механический голос из динамика.

— Как-нибудь можно его затормозить? — спросил Крейн.

— Прежде чем он ударит в шлюз, мы хотим выпустить пузырь углекислого газа, — ответил Спартан. — Это смягчит удар… в теории. Но надо точно рассчитать время.

Он подошел к лаборанту.

— Газ пустить за пять секунд до контакта.

— Так точно, сэр.

Мужчина был бледен.

Крейн оглядел огромный ангар. Лихорадочная деятельность прекратилась, наступила тишина. Люди стояли неподвижно, ждали.

— Тридцать секунд, — прошелестел динамик. — Уплотнение снято.

Спартан взял с пульта рацию.

— Всем в ангаре. Приготовиться к толчку!

Крейн подошел к ближайшей переборке и ухватился обеими руками.

— Скорость подъема? — спросил лаборанта Спартан.

— Стабильна, тридцать два фута в секунду, сэр.

Из динамика раздалось:

— Пятнадцать секунд.

Спартан быстро оглядел буровой комплекс, отметив каждого из присутствующих, словно желая убедиться, что все нужные игроки на местах. Потом адмирал повернулся к лаборанту.

— Подавайте газ, — сказал он.

Тот нажал несколько клавиш.

— Есть подача, сэр…

Вдруг Крейн ощутил резкий глухой удар под ногами. Станция едва заметно дрогнула. Кто-то ахнул, кто-то тихо застонал.

И сразу, словно неожиданно замкнули электрическую цепь, в один миг в комплексе вспыхнула бурная деятельность. Выкрикивались команды, сотрудники в белых халатах и морские пехотинцы в форме побежали к своим постам. Металлический пол зазвенел от тяжелых шагов.

— Герметичность шлюза? — осведомился Спартан.

— Сто процентов, сэр.

Адмирал кивнул, взял рацию, нашел нужную частоту.

— Открыть люк, — велел он. — Поднимите людей.

Высоко под потолком, в диспетчерской, кто-то выполнил приказ.

— Наружные заслонки шлюза открываются, — доложил лаборант за пультом.

Крейн увидел, как трое рабочих катят какое-то хитроумное приспособление и фиксируют его возле люка шлюза — стальные подмости примерно семь футов в высоту, где было закреплено большое металлическое кольцо с зазубренной поверхностью. На нем напротив друг друга были установлены два лазера промышленной мощности; к каждому крепился механический привод. Это было устройство, при помощи которого в боку Сферы проделают круглое отверстие, означающее свободу для экипажа, запертого внутри.

— Сфера-один в шлюзе, — доложил лаборант. — Наружные створки закрываются.

— Сколько времени потребуется, чтобы лазер прорезал люк? — спросил Крейн.

— Восемь минут, — ответил Спартан. — Со скоростью вдвое больше рабочей.

Шум у входа отвлек внимание Крейна от лазерной установки. Три морских пехотинца толкали перед собой самодельные каталки, за ними шагал еще один — с плеча у него свешивались сумки с медицинскими наборами первой помощи. Спартан посмотрел на Крейна и едва заметно кивнул, указывая глазами в сторону шлюза. «Действуй», — говорил его взгляд.

Крейн подошел к лазерной установке, знаками показывая пехотинцам, чтобы они расположили каталки и другое оборудование у него за спиной. Он подготавливал носилки, раскладывал инструменты,

разворачивал корсеты и шины, в уме перебирая всевозможные ситуации, готовясь лечить различные травмы.

— Шлюз закрыт, — сказал лаборант. — Выравниваем давление.

— Готовьте подъемник, — приказал адмирал.

Над головой раздалось жужжание. Крейн поднял голову и увидел огромный механический захват, который спускали над люком.

— Давление выровнено, — доложил лаборант.

— Открывайте шлюз, — велел Спартан.

Опять наступила полная тишина. Крейн ощутил дрожь под ногами. Створки шлюза разошлись, открыв темную поверхность воды. Слегка покачиваясь из стороны в сторону на тяжелом тросе и широко разводя захваты, подъемник с механическим жужжанием медленно опустился с потолка. Он достиг воды и начал погружаться, пока совсем не исчез из виду. Жужжание прекратилось. Крейн услышал приглушенный удар, потом еще один. Стальной канат начал подниматься, на этот раз медленнее. Крейн увидел, как из воды показалась верхняя часть устройства. Дюйм за дюймом появлялись элементы гидравлики, тяжелые зажимы… и наконец, очень медленно, сама Сфера, висящая в захвате.

Собравшиеся снова дружно ахнули. Раздались стоны и глухие вскрики. Рядом с Крейном кто-то заплакал.

Он почти не слышал всего этого.

Кран вытащил не сияющий шар ослепительной, почти неземной красоты. Над поверхностью воды висел сморщенный кусок металла, жутко вмятый сам в себя, искореженный колоссальным давлением глубин, превращенный в неузнаваемый комок размером примерно в треть бывшей Сферы. С одной стороны корпус разошелся от удара, и края раны завернулись наружу, являя взгляду бесчисленную сеть распорок, напоминавших иглы дикобраза. Другие части были сдавлены так сильно, что они, казалось, сплавились. Покореженный предмет ничем не напоминал Сферу, которую Крейн видел два дня назад.

В ангаре повисла жуткая тишина, нарушаемая только жужжанием механизма. Подъемник просто висел над шлюзом — оператор был в таком шоке, что не мог им управлять.

— Опускайте, — жестким голосом скомандовал Спартан.

Крейн повернулся к нему, но у адмирала было такое выражение лица, что страшно было на него смотреть, и Крейн невольно перевел взгляд на Сферу.

Скрежет протестующего металла, лязг цепей — и вот остатки Сферы-один переместились в сторону от шлюза и застыли в футе от пола бурового комплекса. Вода потоками стекала на пол. «Не только вода», — подумал Крейн, ощутив, как в животе что-то сжимается от непроизвольного смятения — некоторые струи, окрашенные в красный цвет, казались гуще.

Стало очевидно, слишком очевидно, что ни корсеты, ни жесткие носилки уже не понадобятся, как не понадобится и все остальное. Крейн повернулся к морским пехотинцам, собираясь сказать им, что медицинское оборудование можно собирать.

И уже в движении, среди пораженных ужасом людей, которые словно приросли к месту, он заметил знакомое лицо — там, где-то по периметру бурового комплекса. У стены стоял невысокий человек в полинялом комбинезоне, с пронзительно-синими глазами и непокорной шапкой седых волос. Это был Флайт, странный старик, который приходил тогда к Крейну в каюту. Его едва было видно за спинами двух лаборантов в белых халатах, смотревших на происходящее с жалостью и какой-то почти детской печалью. Флайт повернулся к Крейну, глядя на него напряженным взглядом. Он медленно произнес одними губами те же слова, что уже произносил тогда, когда незваным явился к Крейну:

— И все сломается...

## 30

У Говарда Ашера было два кабинета на станции «Глубоководный шторм»: тесная комнатка на восьмом уровне и помещение чуть побольше на четвертом. Они отличались друг от друга: в то время как кабинет на восьмом уровне имел жилой, хоть и несколько беспорядочный вид, обстановка комнаты на закрытом уровне была пустой, деловой и совершенно безжизненной. Ашер сидел в кабинете и, подперев голову руками, размышлял над кипой лежавших перед ним графиков и уравнений, когда открылась дверь и вошел адмирал Спартан.

Какое-то время они просто смотрели друг на друга. Потом напряженное, осунувшееся лицо Ашера немного расслабилось.

— Присядете? — тихо и печально спросил он.

Спартан покачал головой.

— Магнитное рабочее устройство — снаряд — в аварийном состоянии. Мы решили использовать запасной, пока его чинят.

— Значит, вы планируете продолжать погружения.

— Конечно. А почему нет?

Ашер взглянул на него с изумлением.

— Адмирал, только что погибли три человека.

— Я в курсе. Ваши инженеры пришли к каким-нибудь выводам?

— Относительно того, что вывело из строя снаряд? Ничего определенного они сказать не могут.

— А вы уверены, что это не повторится?

Ашер вопросительно посмотрел на адмирала. Потом вздохнул.

— Удвоив или даже утроив мощность электромагнитного поля, мы можем обеспечить стабильную связь при дальнейших погружениях.

Спартан кивнул.

— Что-нибудь еще?

— Да. Остановить все автоматизированные или автоматические процессы, кроме тех, которые необходимы для строительства шахты. Оставить две исправные Сферы и снаряд. Работать, применяя минимум измерительных приборов. А то оборудование, от которого нельзя отказаться, должно получать команды по нескольким каналам связи, дублирующим друг друга, с проверкой контрольных сумм для подтверждения правильности данных.

— То есть такие вы даете рекомендации?

Ашер нахмурился.

— Я советую прекратить все раскопки, пока мы не узнаем, что вызвало такую страшную аварию и почему.

— Это не вариант, доктор Ашер. Никто не знает, сколько потребуется времени, чтобы это выяснить.

— Но гибель…

— Трагическая случайность. А Гроув, Адкинсон и Хорст были поставлены в известность о высоком риске работ, когда давали подписку. Как и вы, если уж на то пошло.

Ашер сделал еще одну попытку.

— Адмирал, послушайте…

— Нет, доктор Ашер. Это вы меня послушайте. Разве люди раньше не были готовы пожертвовать собой во имя открытий и новых знаний?

Разве мы не поэтому здесь? Вспомните Роберта Фалкона Скотта, Амелию Эрхарт, экипаж «Челленджера».[10] Я рискую здесь жизнью, чтобы двигаться вперед, в надежде улучшить жизнь человечества. Разве вы не тем же заняты?

Ашер молчал.

— А потом, если… если здесь не обошлось без человеческого фактора, промедление будет им только на руку.

— Человеческий фактор? Вы имеете в виду саботаж? Нет никаких доказательств, что снаряд вышел из повиновения в результате диверсии.

— Пока, по крайней мере, — заметил Спартан.

— Это больше похоже на аномалии, которые Крейн и Хьюи Пинг заметили в ее лаборатории. — Ашер вздохнул и устало потер глаза. — А потом, есть эмпирические данные.

— Какие данные?

— Сфера-один вошла в третий, самый последний уровень земной коры, океанический. Неужели это простое совпадение, что такие отклонения начались на наибольшей глубине, до которой мы добрались?

— Давление не могло вызвать такие сбои.

— Я не об этом говорю. Я говорю о том, что мы все больше и больше приближаемся к тому, что там находится. Океанический слой — самый тонкий из трех. Даже если мы на миг забудем о том, что погибли люди, разве вас не тревожат все эти странные заболевания? Разве вас не волнует, что среди членов экипажа начались перешептывания и что общий дух упал?

Спартан не ответил, и Ашер поднялся и начал беспокойно ходить по комнате.

— Благодаря доктору Крейну мы далеко продвинулись вперед.

— Доктор Крейн должен заниматься своими прямыми обязанностями, — отрезал Спартан.

— Однако благодаря ему мы достигли крупных успехов. Адмирал, эти подводные стражи больше не передают сигнал на одной частоте. Они теперь передают один и тот же сигнал на каждой длине волны электромагнитного спектра, которую мы замерили. Радиоволны, микроволны, инфракрасные, ультрафиолетовые лучи — далее по списку.

— Таким образом они вносят помехи в работу наших приборов и беспроводных сетей, — произнес Спартан. — Может быть, это приветствие?

— Возможно. Впрочем, не исключено и другое.

— Например?

— Не знаю. Но то, что они хотят нам сказать, настолько важно, что они забивают все доступные частоты, чтобы передать эту информацию. — Ашер остановился. — Я настаиваю на том, чтобы мы перестали рыть тоннель до тех пор, пока не расшифруем сообщение. У нас и так полным-полно типов из военно-морской разведки. Если пригласить их работать с нами, объединить усилия, мы гораздо быстрее поймем, о чем идет речь.

— У них сейчас другие задачи, — возразил Спартан. — А потом, у вас нет доказательств, что это действительно послание.

Ашер в отчаянии всплеснул руками.

— А что это, как вы думаете? Горячая десятка хитов с альфы Центавра?

Он снова зашагал по кабинету. Адмирал смотрел на него.

— Хорошо, доктор Ашер, — сказал он. — Допустим, это информация. Как я уже говорил, есть вероятность, что это приветствие для нас. Или они передают нам инструкции по пользованию той штукой, к которой мы ведем тоннель. Интересно ли мне? Очень. Но стану ли я бросать все, прекращать все работы до того момента, пока вы не поймете, что они хотят сказать? Нет. Насколько я понимаю, вы не можете пока дать мне ключ к шифру. Или можете?

— Я...

Ашер замолчал и гневно потряс головой.

— Да и вообще не важно, что это за сообщение. Как вы уже сказали, мы добрались до океанического слоя. Нам осталась неделя, и мы достигнем Мохо, а может, это произойдет и раньше. Что бы там ни лежало, мы выкопаем это и изучим, причем раньше, чем это сделают другие.

Ашер открыл рот, чтобы ответить. Но не успел он ничего сказать, как пол дрогнул — сначала едва заметно, потом гораздо сильнее. С полок посыпались папки и брошюры, раздался звон битого стекла — это с подставки съехал поднос с лабораторной посудой. Из коридора раздались взволнованные голоса, где-то вдали завыла сирена. Спартан вскочил на ноги, подбежал к телефону Ашера и начал набирать номер, когда произошел еще один толчок.

— Говорит адмирал Спартан, — сказал он в трубку. — Определить источник сотрясений. О повреждениях докладывать немедленно.

Он повернулся и посмотрел на Ашера. Начальник отдела научных исследований замер, держась за край стола. Он стоял не двигаясь, склонив голову набок и словно прислушиваясь к чему-то.

— Это вторичные толчки после основного, — пробормотал он.

— О чем вы говорите, доктор Ашер?

— Это цена, которую мы платим за то, что работаем на океанской гряде. Плюс в том, что кора здесь тонкая и Мохо лежит менее чем в четырех милях. Минус — здесь бывают землетрясения.

— Землетрясения, — повторил Спартан.

— Да. По силе обычно небольшие, это ведь расходящаяся гряда. — Он посмотрел поверх очков на Спартана, наполовину мрачно, наполовину вопросительно. — Вы хоть читали тот доклад по океанографии о движении тектонических плит, который я послал вам?

Но адмирал не ответил. Его взгляд был устремлен в какую-то точку за Спиной Ашера. Наконец он мотнул головой.

— Отлично. Объявляется выходной перед началом новых работ.

Ничего больше не говоря, адмирал повернулся кругом и вышел из кабинета.

**31**

В отличие от медпункта на верхнем уровне временный лазарет на четвертой палубе был очень невелик. Крейну он напомнил тесный медицинский отсек на лодке «Спектр», где доктору пришлось трудиться почти целый год, — сплошные переборки и трубопроводы. И все же, несмотря на размеры, сейчас помещение казалось тоскливо пустым. Крейн думал, что здесь будут лежать трое из Сферы-один. Но от экипажа осталось столько, что не хватило бы заполнить и один мешок для перевозки трупов; аппарат запаяли в толстый пластик и поместили в холодильную камеру, чтобы позднее провести исследования.

Крейн вздохнул и повернулся к Бишоп.

— Спасибо, что пришли. Извините, что напрасно вас вызвал.

— Перестаньте.

— Вы кого-нибудь из этих троих знали? — спросил он.

— Хорста. У него были проблемы с остановкой дыхания во сне, но все прошло после пары консультаций.

Крейн покачал головой.

— Я ни с кем из них не был знаком.

— Не вините себя за это, Питер. Вы здесь ни при чем.

— Понимаю. Просто мне тяжело. Трагическая утрата.

Но его угнетала не только гибель трех членов экипажа Сферы. Дело было еще и в том, что сам Крейн почти не продвинулся в своей работе. Они провели почти все возможные проверки: компьютерную томографию, магнитно-резонансные исследования, электрокардиограммы. И ничего. Каждая свежая теория, каждое многообещающее направление приводили в тупик. Все было бессмысленно. Доктор следовал всем правилам диагностики, однако проблема упрямо не желала решаться. Словно происходящие несообразности каким-то образом выбивались за границы законов медицины.

Крейн поерзал и сделал неловкую попытку переменить тему разговора.

— Как дела наверху? Я был так здесь занят, что даже не посмотрел, как ваши пациенты.

— За последние сутки два новых случая — жалобы на сильную рвоту и аритмия.

— Вы поставили холтеровский монитор?

— Да, на суточный цикл. Потом у повара, Луазо, случился еще один приступ, на этот раз более тяжелый.

— Его положили в стационар?

Бишоп кивнула.

— Да. Но сейчас дел больше у Роджера.

— Что произошло?

— Не то семь, не то восемь человек обратились к нему с жалобами на общие психические расстройства.

— Какие?

— Ничего нового. Проблемы с концентрацией внимания, провалы в памяти, невозможность сдерживать себя. Роджер считает, что это проявление накапливающегося стресса.

— Ясно.

Крейну не хотелось возражать, не видя пациентов. Но его собственный опыт службы на подводных лодках, работа с мужчинами и женщинами в условиях повышенного давления подсказывали, что дело не в этом. Кроме того, люди с любыми нежелательными чертами характера отсеиваются на этапе предварительного отбора.

— Расскажите про случай растормаживания.

— Один из библиотекарей в мультимедийном комплексе. Застенчивый парень. Скромный. Вчера ввязался в две драки на Таймс-сквер. Охрана задержала его пьяным во время хулиганской выходки — он громко ругался.

— Очень интересно.

— Почему?

— Потому что один из пациентов здесь в закрытом секторе совсем недавно вел себя точно так же. — Он замолчал, задумавшись. — Похоже, что количество психических заболеваний перевешивает чисто физиологические.

— И что? — Бишоп, была с ним не согласна. — Мы все потихоньку сходим с ума?

— Нет. Но может быть, может быть, это и есть та общая черта, которую мы так долго ищем. — Крейн опять помолчал. — Вы слышали про Финеаса Гейджа?

— Персонаж из сказок Готорна?

— Это реальная история. В тысяча восемьсот сорок восьмом году Финеас П. Гейдж был прорабом на строительстве железной дороги, тогда прокладывали насыпь для железнодорожной компании в Вермонте. Там произошел случайный взрыв. Ударной волной прямо ему в голову бросило трамбовку, четырехфутовый металлический костыль весом в тринадцать фунтов и окружностью более дюйма.

Бишоп поморщилась.

— Жуткая смерть.

— В этом-то все и дело. Он не умер, даже сознания не потерял, и это несмотря на то, что железяка размозжила большую часть лобной доли головного мозга. Через несколько месяцев он даже смог вернуться к работе. Но вот в чем дело: его личность изменилась. До несчастного случая Гейдж был вежливым, трудолюбивым человеком, ответственно

подходил к своему делу. Теперь же он стал грубым, нетерпимым, ленивым и не мог занимать никакую ответственную должность.

— Как пациенты после ранних операций по лоботомии.

— В случае Гейджа впервые была установлена связь между лобной долей человеческого мозга и личностью.

Бишоп задумчиво кивнула.

— И к чему вы ведете?

— Я еще сам не знаю. Но начинаю думать: а вдруг то, что мы здесь имеем, — вовсе не неврологические проблемы? Энцефалограф еще не прислали?

— Привезли как раз сегодня утром. Шуму было много — он занял половину «лоханки».

— Тогда давайте начнем его использовать. Мне бы хотелось сделать энцефалограммы пяти пациентов с самыми серьезными случаями. И симптомы здесь не очень важны — думаю, надо взять людей и с физиологическими жалобами, и с психическими. — Он потянулся и потер поясницу. — Я бы выпил кофе. А вы?

— Да. Если вы мне его принесете, — хмуро сказала Бишоп, указывая большим пальцем в сторону двери.

— Да, конечно.

Крейн на миг забыл о том, что у входа во временный лазарет стоит часовой; он по приказу адмирала Спартана привел Бишоп из открытой зоны и поведет ее обратно, когда она выйдет из помещения. Она же нисколько не была рада тому, что обзавелась такой нянькой.

— Я сейчас вернусь.

Крейн вышел из лазарета, кивнул моряку и направился по коридору. Он сам еще не совсем привык к тому, что теперь может свободно перемещаться почти по всей станции. Впрочем, оставалось еще немало закрытых дверей, куда ему с ограниченным допуском вход был по-прежнему заказан; хотя, проводя медицинские осмотры, за последние сутки Крейн повидал столько лабораторий, кладовых оборудования, кабинетов, кают и мастерских, что ему хватит на всю жизнь.

То же касалось и зон отдыха. Кафе на четвертой палубе было просто оформлено, а стульев и столов хватало всего человек на двенадцать. Однако Крейн обнаружил, что французское жаркое было так же хорошо, как и то, что подавалось в ресторанах на Таймс-сквер.

Он вошел и сделал заказ. Поблагодарил женщину за стойкой, плеснул молока себе в чашку (Бишоп любила черный кофе) и повернулся, думая уже возвращаться, но остановился, услышав громкие голоса.

В дальнем углу кафе сидела группа мужчин. Компания подобралась разношерстная — двое были в обязательных белых халатах, какие на станции носили сотрудники научного отдела, еще один был одет в комбинезон механика, а четвертый — в форму старшины. Когда Крейн вошел, они, сгрудившись, о чем-то говорили вполголоса — он едва обратил на них внимание, решив, что, скорее всего, они обсуждают аварию Сферы-один. Но за то недолгое время, которое потребовалось, чтобы заказать кофе, разговор превратился в перепалку.

— А ты откуда знаешь? — спрашивал тот из ученых, который был повыше ростом. — Для человечества это небывалая возможность, самое важное открытие всех времен. Это доказательство, главное свидетельство того, что мы не одиноки во Вселенной. Нельзя это просто игнорировать и прятать голову в песок.

— Я знаю, что я видел, — огрызнулся механик. — И что слышал. Поговаривают, что мы вовсе не должны были обнаружить это.

Ученый насмешливо фыркнул:

— Не должны были?

— Ну да. Типа, нашли случайно. Еще как бы слишком рано.

— Если бы мы не нашли, нашел бы кто-нибудь другой, — отрезал старшина. — Вы что, хотите, чтобы первыми сюда забрались китайцы, заграбастали всю технологию и сделали оружие?

— Какую еще технологию?! — Механик опять повысил голос. — Никто, черт возьми, не знает, что там лежит!

— Господи, Чаки, да не ори ты, — одернул его второй ученый, раздраженно помешивая ложкой в чашке.

— Я работал с подводными стражами, — заметил первый ученый, — видел их возможности. Может быть, это наш единственный шанс вступить в общение с другой формой жизни!

— А я только что закончил упаковывать то, что осталось от Сферы-один, — выпалил мужчина по имени Чаки. — Посмотрел на нее — там все так раздавлено, что ничего не опознаешь. Трое моих друзей погибли. Говорю вам, еще рано. Мы вышли за границы дозволенного.

— Да, то, что случилось со Сферой-один, ужасно, — согласился первый ученый. — Понятно, что это трагедия. Но не позволяйте горю ослепить

себя и забыть, зачем мы здесь. Невозможно сделать открытие, не рискуя. Эти пришельцы просто хотят помочь нам. Им есть чему нас научить...

— Откуда тебе, черт возьми, знать, чему они нас хотят научить? — потребовал ответа механик Чаки.

— Если бы ты видел, какие красивые эти маячки, насколько...

— Ну и что? Черная пантера тоже очень красивая... до той поры, пока не вырвет тебе кишки.

Ученый поморщился.

— Неподходящее сравнение.

— Нет уж. Это вы считаете, что они к вам благоволят. Думаете, что все знаете. Вот что я вам скажу: природа не бывает дружественной. На нашей родной Земле обитает немало форм жизни, которые изо всех сил стараются друг друга убить!

— Не надо винить других за недостатки нашей планеты, — сказал первый ученый.

— Может быть, они посеяли эти штуки на всех планетах, по всей Вселенной! — Лицо Чаки побледнело, руки едва заметно дрожали. — Мы выкопаем их, они отправят сигнал своим хозяевам, а те явятся и уничтожат нас. Очень эффективный способ борьбы с конкурентами.

Второй ученый покачал головой.

— Какая-то паранойя, ей-богу!

— Паранойя? Тогда объясни, что здесь делается? Все происшествия, все эти проблемы, которые никто не хочет обсуждать! — прокричал механик.

— Тише, — проворчал военный.

Чаки вскочил, уронив стул.

— Тогда почему гибнут люди?! Почему заболевают?! Почему я плохо себя чувствую?! Потому что что-то происходит, происходит у меня в голове...

Крейн уже собрался подойти и вмешаться, когда механик вдруг замолчал. Он поднял стул и сел, тяжело дыша, а старшина успокаивающе положил ему руку на плечо.

В кафе вошел коммандер Королис в сопровождении двух офицеров в черной форме и армейских ботинках.

На миг воцарилась полная тишина. Слышалось только затрудненное дыхание механика.

Коммандер обратил взгляд своих расфокусированных светлых глаз на Крейна, и лицо офицера выразило неодобрение. Потом он медленно обошел сидящих за столом, словно запоминая каждого. А затем он очень неторопливо повернулся и вышел, не сказав ни слова.

## 32

Через три часа пришел вызов от Ашера. Мишель Бишоп ушла из лазарета на четвертой палубе, чтобы проконтролировать снятие электроэнцефалограмм, о которых просил Крейн, а он как раз закончил фиксировать утренние события и собирался записать механика Чаки на обязательное физическое и психологическое обследование, когда зазвонил телефон.

Он прошелся по маленькой комнате и взял трубку.

— Доктор Крейн.

— Питер? Говорит Говард Ашер. Мне очень нужна ваша помощь.

— Хорошо. Вы у себя? Я буду через...

— Нет. Я в декомпрессионном отделении. На седьмой палубе. Вы знаете, где это?

— Конечно. Но...

— Пожалуйста, приходите поскорее.

В трубке раздались гудки.

Крейн озадаченно посмотрел на аппарат. Было совершенно непонятно, почему Ашер выбрал такое странное место для встречи.

Крейн задумчиво положил трубку. Оглядел временный лазарет, чтобы убедиться, что здесь все в порядке. Потом вышел в коридор и закрыл дверь.

Потребовалось десять минут, чтобы пройти сквозь барьер и подняться на седьмую палубу. Там, как обычно, кипела деятельность, но тупиковый коридор, в котором размещалось декомпрессионное отделение, пустовал и выглядел необитаемым. И неудивительно: поскольку давление воздуха на станции не отличалось от атмосферного, никаких недомоганий, вызываемых его перепадом, не возникало и камера оказалась не нужна. Крейну с его первоначальной теорией кессонной болезни это открытие далось нелегко.

Сам комплекс состоял из крохотного поста управления, приемной за пределами гипербарического контура и самой камеры, металлического цилиндра примерно шести футов в диаметре и десяти футов длиной, с иллюминатором во входном люке и еще одним — на левой стороне. Вдоль стен друг против друга были установлены скамейки с мягкой обивкой. Вдоль потолка над ними шли две одинаковые панели, на которых были укреплены светильники и система аварийного затопления. Отличие от тех декомпрессионных систем, через которые Крейн вынужден был пройти по прибытии на станцию, было только одно: этот комплекс работал.

В приемной стояли Ашер и Джон Мэррис, криптолог Океанографической службы; Крейн встречался с ним у себя в каюте. На плече у Мэрриса висела большая сумка. Ашер выглядел усталым, почти обессилевшим, а левая рука, которую он осторожно держал прижатой к боку, была подвязана. Он рассеянно кивнул Крейну, когда тот вошел.

— Вы не очень-то хорошо выглядите, — сказал Крейн. — Наверное, не высыпаетесь?

Ашер только безжизненно улыбнулся в ответ. Крейн кивнул на перевязанную руку:

— Что случилось?

— Смотрите сами. Только осторожно. — Ашер повернулся к Мэррису. — Давайте еще раз проведем общие процедуры, удвоив глубину. Может быть, получим другой результат.

Крейн осторожно отстегнул металлический держатель и снял повязку. На тыльной стороне кисти у Ашера появилось неприятное на вид изъязвление. Крейн внимательно осмотрел его. Кожа вокруг была бледной, чуть ли не белой. Тревожило то, что кончики пальцев вокруг ногтей на этой руке Ашера имели синеватый с чернотой оттенок.

— Когда вы это обнаружили? — спросил он, пристально глядя на ученого.

— Вчера ночью.

— Знаете, это серьезно. — Крейн осторожно вернул салфетку и повязку на место. — Результат сосудистой недостаточности налицо. Дело не только в том, что на кисти появилась язва, имеются еще и признаки некроза в начальной стадии. Вам надо сообщить в медицинский пункт. Требуется сделать доплерографию кисти и провести процедуру блокады...

— Нет! — резко ответил Ашер. Он сделал глубокий вдох и взял себя в руки. — Нет. Времени на лечение не будет.

Крейн внимательно посмотрел на ученого.

— Почему?

— Нам необходимо расшифровать это сообщение. Только что погибли три человека, и мы во что бы то ни стало должны узнать, что нам хотят сказать. Вы слышите, Питер? Пока мы не сделаем это, я не могу позволить себе заняться чем-то еще.

Крейн нахмурился.

— Но ваша рука…

— Я принимаю коумадин. Сегодня утром, когда мне в медпункте перевязывали руку, интерн сделал мне укол антибиотика. А потом, тут есть вот что.

Ашер махнул рукой в сторону декомпрессионной камеры. Крейну стало интересно, что на самом деле у Ашера на уме. Гипербарическая оксигенация вообще-то часто использовалась как дополнительная мера при лечении таких состояний, как артериальная недостаточность, или при некротизирующих инфекциях мягких тканей.

Чистый кислород, поданный под давлением, проникает в ткани с большей эффективностью и переносит белые кровяные тельца для укрепления защиты организма. Однако такая терапия не может заменить более радикальное и непосредственное лечение.

— Послушайте, Питер, — заговорил Ашер тихим проникновенным голосом. — Нам осталось совсем немного. Благодаря вам маячки передают теперь свои сообщения в самых разных диапазонах. Для нас это огромный шаг вперед. И, получая многочисленные образцы в широком спектре частот, мы имеем больше рабочего материала. Но дело в том, что последние несколько дней мы облаиваем не то дерево.

— Как так?

— Мы думали, что уже все поняли. Мы считали, что подводные стражи передают, скажем так, математическое выражение.

— Математическое выражение? — переспросил Крейн.

Ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы не показать недоверия.

По лицу Ашера промелькнуло смущение.

— Причем очень простое.

— Какое?

Ашер не ответил. Мэррис сунул руку в карман, достал распечатку и передал ее Крейну.

Переход 1 из 1

Режим: деление

X = 1/0

Переход закончен

Целостность подтверждена

Машинных циклов: 236340

Крейн вернул листок.

— Единица, деленная на ноль? Первое, чему учат в школе, так это тому, что делить на ноль нельзя.

Ашер начал беспокойно шагать по комнате.

— Конечно нет. Деление на ноль запрещено всеми законами природы. Но, черт побери, расшифровка далась нам так просто. Все так удачно получилось… тогда мы решили, что неправильно что-то посчитали при переводе. Поэтому я вам раньше ничего не говорил, и мы потратили столько времени, гоняя компьютерные модели и криптографические программы, пытались найти, где же ошибка. Но теперь мне понятно, что мы вообще не в том направлении движемся. — Ашер остановился и резко повернулся к Крейну; его запавшие глаза горели. — Мы хотим прогнать сигналы через несколько универсальных анализаторов. Надо было бы сделать это раньше, если бы мы не были так увлечены погоней за журавлем в небе. — Он глянул на листок в руке Крейна. — Мы напрасно потеряли время — время, которого у нас нет. Вот почему сейчас нельзя останавливаться. И поэтому я приказываю вам… нет, прошу вас подготовить камеру.

Крейн не двинулся с места.

— Это не помощь. Это просто оттягивание неизбежного.

Ашер с трудом сдержался.

— Я это понимаю. Но мне нужно время — может быть, несколько часов, может быть, день, — чтобы пропустить сигналы через анализаторы. Потом я отправлюсь прямым ходом в медпункт и пройду любое лечение и все процедуры, какие вы назначите. Мэррис может позаботиться о другой проблеме сам, по крайней мере пока.

— Другой проблеме? — удивился Крейн.

Ашер кивнул.

— Мэррис решил, что он вычислил, каким образом саботажник передает информацию со станции и как он ее получает.

— Неужели? И как же?

— Сейчас нет времени объяснять. Но как только я выйду из камеры, он проверит свою теорию и постарается отследить передачи до самого их источника. А я пока отправил сообщения руководителям отделов — Фергюсону, Коноверу, Бишоп, остальным, — призывая их быть бдительными и замечать все подозрительное. — Он помолчал. — Но это потом. Сейчас наша главная цель — расшифровать эти сигналы.

Крейн вздохнул.

— Ну хорошо. Но как только вы выйдете из камеры, я жду вас в медпункте.

Ашер на это только мимолетно улыбнулся — той самой улыбкой, которую Крейн запомнил еще со времен первых дней своего пребывания на станции.

— Спасибо, Питер. — Он повернулся к Мэррису. — Все готово?

Криптолог придвинул ноутбук и кивнул.

— К Интернету мы можем подключиться и изнутри, по беспроводному каналу, — сказал Ашер. — Подводные стражи расположены внизу, через несколько палуб от нас, и помех никаких не будет.

— Я подготовлю камеру, — произнес Крейн, поворачиваясь. И остановился. — Погодите, а кто это «мы»?

— Я иду вместе с доктором Ашером, — произнес Мэррис.

Крейн нахмурился.

— Довольно странно. Вам же не нужна такая терапия.

— Это единственная возможность продолжить работу без перерыва, — ответил криптолог.

Крейн немного помедлил. Потом пожал плечами. «В конце концов, это же просто кислород», — подумал он.

— Хорошо. Тогда давайте идите в камеру. Я подготовлю вас через встроенный микрофон.

Он вошел в комнату, где стоял пульт управления, и обнаружил, что Ашер последовал за ним. Начальник отдела научных исследований положил руку на локоть Крейна.

— Питер, — начал он, понижая голос, — не говорите ничего Спартану.

— Не говорить о чем?

— О том, что мы выбрали неправильный подход. А также о том, насколько близко подобрались к разгадке.

Крейн очень удивился.

— Я-то думал, что все это делается для того, чтобы отрапортовать адмиралу о результатах.

Ашер яростно замотал головой.

— Нет, сейчас не время. Я не доверяю Спартану. — Он заговорил еще тише: — А Королису — даже меньше. — И ученый стиснул локоть Крейна. — Обещаете, Питер?

Врач не знал, что ответить. Услышать такое, увидеть странный блеск в глазах Ашера, бисеринки пота на его лбу… Крейн внезапно подумал совсем о другом. Что, если сосудистая недостаточность не единственное недомогание, которое мучает ученого? Что, если недуг, поразивший других членов экипажа, добрался и до Ашера тоже?

Эта мысль напугала Крейна.

Он осторожно высвободил локоть.

— Хорошо.

Ашер кивнул и снова улыбнулся. Потом повернулся и пошел к входу в декомпрессионную камеру. Пока Крейн настраивал оборудование на пульте, подключая компрессоры, проверяя, наполнены ли цистерны, воспоминание о загнанном, каком-то диком выражении глаз ученого не оставляло его.

## 33

Чарльз Вассельхофф медленно и неуверенно пробирался в сторону «Дна», кают-компании на третьей палубе. Не то чтобы он был сильно голоден — во рту у него было сухо, как в пустыне, а внизу живота поселилось неприятное ощущение, — просто идти ему больше было некуда. Его массивная фигура сотрясалась от озноба, и в то же время ему было так жарко, что пришлось расстегнуть верх оранжевого комбинезона. Но больше всего болела голова. Это началось как самая обычная головная боль, и он решил, что это просто от стресса или перенапряжения. Но потом стало хуже: странное, раздражающее ощущение наполненности, словно мозга в черепной коробке стало слишком много. Перед глазами все плыло, в пальцах появилось покалывание, а самые кончики онемели. И он оставил работу в

электромеханической мастерской, где занимался починкой «альфы» — снаряда, получившего вмятины после удара о Сферу, и вернулся на свою койку.

Но там было нисколько не лучше. Он ворочался и метался, орошая подушку холодным потом и путаясь в простынях и одеяле трясущимися конечностями. Патрони, один из тех, с кем он делил каюту, сидел дома; он задрал на общий стол большие вонючие ноги и смотрел какое-то кулинарное шоу по местной кабельной сети. Безостановочное бормотание телевизионного повара раздражало все больше. Странное ощущение в голове усилилось, и даже в ушах зазвенело. А потом, Патрони бросал на него странные взгляды — искоса, мимолетно, так, как смотрят на человека, который слишком громко разговаривает сам с собой. В последние несколько дней Вассельхофф заметил, что люди на него поглядывают с любопытством — он решил, что это началось примерно тогда же, когда и головные боли, — но его соседи по комнате в этом замечены не были. И он, чертыхнувшись шепотом, сел на койке, заставил себя подняться и вышел в коридор, без слов закрыв за собой дверь в каюту.

И обнаружил, что ноги несут его в направлении «Дна». По крайней мере, он так думал, но вместо этого оказался перед дверью радиографической лаборатории. Вассельхофф поморгал, качаясь, облизал сухие губы и повернулся. Осторожно ступая, он пустился по узкому коридору обратно.

Мимо прошел человек в белом лабораторном халате, держа в руке электронный блокнот.

— Привет, Чаки, — сказал он на ходу.

Чаки сделал еще пару шагов и остановился. Медленно, как-то неуклюже он повернулся в сторону специалиста, который прошел уже полкоридора. Вассельхоффу потребовалось какое-то время, чтобы осознать услышанные слова, — странное ощущение заставляло глаза слезиться, в ушах звенело все сильнее, и Вассельхофф ушел в себя, занятый только головной болью и ознобом, пробегавшим по всему телу.

— Эй, — осторожно произнес он.

Голос звучал низко и странно. Он опять облизал губы, но смочить их не получилось. Он повернулся и медленно побрел к кафе. На каждом пересечении коридоров Вассельхофф останавливался, щурясь, глядел на информационные таблички и, борясь с туманом в голове, заставлял себя поворачивать в нужном направлении.

В «Дне» было много народу — скоро пересменка. Группка людей собралась перед щитом на подставке, где было вывешено вечернее

меню. Другие заняли очередь к раздаточным стойкам. Чаки встал в конце, вяло размышляя о том, почему ноги стали словно деревянные и очень тяжелые. От гула голосов в зале звон в ушах стал, кажется, еще хуже. Он стал таким громким и ясно различимым, что Чаки был уверен: остальные тоже его слышат. Однако никто, похоже, ничего странного в этом не находил. Словно невидимые лучи боли и шума направлены только в его голову.

«Откуда они идут? Кто это делает?»

Он взял поднос, протолкался между людьми, налетел на человека перед собой, пробормотал извинение и, шатаясь, шагнул вперед.

Васссельхоффу потребовалось сконцентрироваться изо всех сил, чтобы двигаться вместе с очередью. Он достал банку минеральной воды, затем еще одну и еще, надеясь, что газированная вода размочит сухость во рту. Потом взял тарелку салата из водяного кресса, неуверенно посмотрел на нее, поставил на место. Прошел мимо стойки с омлетами (при мысли о яйцах желудок прыгнул вверх) и остановился у стола, где лежали мясные блюда. Повар большим стальным ножом отрезал ему толстый ломоть мяса на ребрышках, вилкой положил на тарелку и брызнул коричневым соусом.

Держа поднос обеими руками, Чаки подошел к ближайшему столу и тяжело сел; банки с газировкой брякнули друг о друга. Он забыл взять нож и вилку, но вообще-то ему было все равно — болезненное онемение в черепной коробке росло, уже заболели челюсти, застыла шея, и даже тот небольшой голод, который он ощущал, совсем прошел. За столом сидели две женщины и тихо разговаривали. Они замолчали и посмотрели на него. Он вспомнил, что обе — программисты из научного отдела, но как их зовут, вспомнить не мог.

— Привет, Чаки, — сказала одна из них.

— Уже виделись, — ответил Чаки.

Он дернул колечко на банке с газировкой, потом еще раз, банка открылась, выплеснув ему на руки струю коричневой жидкости. Он поднес банку ко рту и сделал большой жадный глоток. Почему-то ему было неудобно пить из банки, и у него не очень хорошо получилось — напиток потек по подбородку. Даже глотать было больно.

Черт возьми.

Он поставил банку, поморгал, прислушался к шуму в голове. Нет, он ошибся. Это не звон. Это голос. Нет, даже несколько, и все что-то ему шепчут.

И вдруг он испугался всего этого: онемения в пальцах, озноба в теле, а больше всего — шепота у себя в голове. Во рту опять пересохло, и он сделал еще один глоток, а сердце сильно застучало в груди. Чаки ощущал теплую жидкость во рту, но вкуса не чувствовал.

Звуки стали громче. И страх Чаки отступил, сменился гневом. Так нечестно. Зачем они с ним так? Он же ничего не сделал. Направляйте сигналы в голову кому-нибудь другому, на станции полно болванов.

Женщины за столом смотрели на него, тревожно нахмурившись.

— Чаки, ты в порядке?

— Да пошли вы, — ответил Чаки.

Нисколько их не волнует его здоровье. Сидят тут, таращатся, допускают, чтобы сигналы проникали ему в мозг, пока он не взорвется...

Вассельхофф резко поднялся, сбросив свой поднос и разбрызгав по столу газировку и мясной соус. Потом сильно качнулся, выправился. Кафе вокруг него плыло, а голоса в голове становились все громче. Но это было и хорошо — теперь он знал, откуда идут эти звуки. Они радиоактивные, не иначе, и какой же он дурак, что раньше этого не понял. Шатаясь, он подошел к мясному столу, схватил один из лежавших там тяжелых ножей — все еще с волокнами мяса и крошечными блестящими каплями жира. Повар что-то сказал и потянулся к нему, но Чаки взмахнул ножом, и человек отскочил. Раздался визг — едва слышный из-за голосов в голове, и Чаки не обратил на него внимания. Переваливаясь, он вышел из кафе в коридор, размахивая импровизированным оружием. Да, он понял: это радиация, она проникает ему в голову и делает его совсем больным.

Но он положит этому конец. Прямо сейчас.

Чуть не падая вперед, Чаки пошел, как мог быстро, по коридору. На этот раз он не заблудится: дорогу он хорошо знает и идти ему недалеко. Люди, попадавшиеся навстречу, прижимались к стенам, чтобы уклониться, но Чаки видел только размытые серые тени и не обращал на них внимания.

Вассельхофф брел, шаркая ногами и спотыкаясь, по коридору, а озноб бил его все сильнее, и голоса в голове становились громче. Он не слушал — нет, он не станет делать те ужасные вещи, на которые его подбивали. Он их остановит, он знает, что делать.

Ну наконец-то: впереди — большой бронированный люк, над которым ярко светится красно-желтый знак, предупреждающий о радиации, и два морских пехотинца на посту. Увидев его, оба начали кричать, но Чаки из-за гомона голосов в мозгу ничего не услышал. Один из моряков

упал на колено, что-то четко артикулируя, и наставил на Чаки какой-то предмет. Вассельхофф сделал еще шаг вперед. И тут ослепительно вспыхнул свет и раздался такой гром, что заглушил даже болтовню в голове; в груди Чаки расцвела гигантская болезненная роза, он ощутил, как его яростно тащит назад, а потом, очень медленно, боль и голоса отступили в бесконечную черноту, и он наконец обрел покой.

**34**

Большая из двух операционных в медпункте имела все необходимое оборудование и инструменты для любого хирургического вмешательства, от стандартного удаления аппендицита до сложной лапароскопии. Однако сегодня вечером ей придали совершенно несвойственную ей функцию — она стала временным моргом.

Тело Чарльза Вассельхоффа лежало на операционном столе, немного синеватое под ярким светом. Верхняя часть черепа была удалена, мозг взвесили и вложили на место. Сейчас металлические стены операционной звенели от звука вибропилы — Крейн резал грудную кость, делая обязательное рассечение в форме буквы «Y» — вниз через грудь и вдоль живота. Рядом с доктором, возле лотка с инструментами для вскрытия, стояла девушка-интерн, сзади находилась Мишель Бишоп. Ее лицо было закрыто медицинской маской, но видно было, что лоб нахмурен.

У двери, поодаль от тела, застыл коммандер Королис.

— Доктор Крейн, когда будет готов отчет? — спросил он.

Крейн проигнорировал вопрос. Он отвел вибрирующую пилу, отдал ее интерну, повернулся к микрофону цифрового диктофона, стоявшему на столе, и продолжил говорить:

— Проникающее огнестрельное ранение грудной клетки слева. Разрыв кожи и мягких тканей. Перфорации не отмечено. Признаков близкого выстрела, таких как остатки пороха или обугливание краев раны, не наблюдается.

Он глянул на Бишоп, которая молча подала ему реберные ножницы. Он отрезал оставшиеся ребра и осторожно поднял переднюю часть грудной клетки. Помогая себе пинцетом, он изучал повреждения под безжалостным светом ламп.

— Раневой канал идет от груди к спине, немного вниз. Сама рана представляет собой круглое отверстие с пояском осаднения и небольшими радиальными разрывами по краям. Видны разрушения второго ребра впереди справа, нижней доли правого легкого, правой подключичной вены и нижнего отдела желудочно-кишечного тракта. — Он взял энтеротом, вставил его грушевидное лезвие в просвет и

осторожно нажал, потянув в сторону так, чтобы внутренности сместились. — В тканях справа от тела позвонка Т-два застряла деформированная крупнокалиберная пуля. — Он осторожно достал ее при помощи пинцета и повернулся к диктофону. — Патологический диагноз: огнестрельное ранение верхней части грудной клетки с проникновением в правую плевральную полость и разрушением правой подключичной вены. Причина смерти: травма и сильное кровотечение в правой плевральной полости. Обстоятельства: убийство. Токсикологический отчет будет составлен позднее.

Королис поднял брови.

— Убийство, доктор Крейн?

— А как бы вы это назвали? — возмутился Крейн. — Самозащитой?

Он бросил пулю в металлический лоток, где она, брякая, перекатилась туда-сюда.

— Этот человек размахивал оружием в агрессивной и угрожающей манере.

Врач усмехнулся.

— Ясно. Солдаты с карабинами находились в страшной опасности.

— Вассельхофф намеревался проникнуть в охраняемую зону особой важности.

Крейн передал пинцет девушке.

— Думаете, он хотел покромсать ваш бесценный реактор кухонным ножом?

Коммандер бросил быстрый взгляд на интерна и доктора Бишоп, а потом опять посмотрел на Крейна.

— При устройстве на работу всем совершенно ясно объясняют: стратегические объекты станции будут защищаться любой ценой. А вам, доктор, следует быть осторожнее в своих высказываниях. Последствия нарушения соглашений, которые вы подписали, будут самые суровые.

— Подайте на меня в суд.

Королис помолчал немного, словно всерьез обдумывал предложение. Когда он заговорил, голос у него был мягкий, почти добрый.

— Когда можно ждать вашего отчета?

— Как только закончу. А теперь почему бы вам не выйти и не дать нам возможность продолжить работу?

Королис опять помолчал. Затем его губы сложились в едва заметную улыбку — чуть больше, чем просто оголенные зубы. Он посмотрел на тело. И, едва заметно кивнув Бишоп, развернулся и молча покинул операционную.

Трое оставшихся постояли, прислушиваясь к удаляющимся шагам. Потом Бишоп вздохнула.

— Кажется, вы только что нажили врага.

— Наплевать, — ответил Крейн.

И на самом деле ему было все равно. Он ощущал почти физическое недомогание от досады на то, что на станции «Глубоководный шторм» царит атмосфера секретности и полной нетерпимости, на то, что сам он не может положить конец нездоровой обстановке, которая только что, пусть опосредованно, спровоцировала гибель Вассельхоффа. Крейн стянул перчатки, бросил их в металлический лоток и выключил диктофон. Потом повернулся к интерну:

— Вы зашьете?

Девушка кивнула.

— Хорошо, доктор Крейн. Иглой Хагедорна?[11]

— Да, пожалуйста.

Он вышел из операционной в центральный коридор медпункта, где устало прислонился к стене. Рядом с ним встала доктор Бишоп.

— Вы готовы закончить отчет? — спросила она.

Крейн помотал головой.

— Нет. Если я и дальше буду про него думать, то слишком разозлюсь.

— Вы плохо выглядите. Вам, наверное, надо поспать.

Врач вымученно улыбнулся.

— Не получится. После такого дня, как сегодня… Кроме того, меня еще ждет Ашер. Через три часа он придет.

Бишоп посмотрела на него.

— Откуда?

— Вы не знали? Он же в декомпрессионной камере.

Женщина удивилась.

— Ашер? Зачем?

— Из-за сосудистой недостаточности. За последние несколько дней она, кажется, стала гораздо сильнее. У него появились язвы на конечностях.

— Началась закупорка? Ему не в камеру надо, он должен прийти сюда, чтобы мы сделали нужные процедуры.

— Знаю. Я ему так и говорил, но он настаивал. Он… — Крейн осекся, вспомнив заговор молчания, в который его втянули против его воли. — Он, похоже, очень близок к разгадке и поэтому наотрез отказался прекратить работу. Даже забрал с собой в камеру Мэрриса, чтобы не прерываться.

Бишоп не ответила. Она отвернулась, задумчиво глядя на пустой коридор. Крейн зевнул.

— Я все равно не могу спать, если сильно устал. Поэтому пока займусь другими бумагами. — Он помолчал. — Да, а как энцефалограммы, готовы?

— Пока только одна. Мэри Филипс — это та женщина, которая жаловалась на онемение лица и рук. Распечатка у вас в кабинете. Пойду проверю, что с другими, — я усадила лаборантку привести все в порядок, и сейчас штук пять уже должны быть готовы. Она принесет вам остальные.

— Спасибо.

Крейн смотрел, как она быстро уходит по коридору. По крайней мере, одно хорошо: их отношения значительно улучшились.

Он повернулся и неторопливо прошел в свой тесный кабинет. Бишоп, как и обещала, оставила у него на столе пухлый пакет, содержащий никак не меньше двух десятков энцефалограмм; к верхнему листку был подколот отчет. Крейн не любил читать энцефалограммы: искусство вылавливать электрические отклонения в чужих мозгах, выпутывая их из бесконечных ломаных линий, вызывало у него бешенство. Впрочем, он сам просил их сделать, потому что не мог допустить, чтобы какая-то возможность осталась неисследованной. ЭЭГ опровергнет или подтвердит его предположение о том, что все происшествия на станции имеют неврологическую подоплеку.

Крейн сел, устало потер глаза и разложил на столе распечатку. Его взгляду открылось бесконечное море ломаных линий — пейзаж внутреннего мира Мэри Филипс; кривые поднимались и опускались, меняясь по амплитуде и частоте. На первый взгляд они были ничем не примечательны, но Крейн напомнил себе, что с энцефалограммами всегда так. Это не то что кардиограммы, где отклонения всегда четко выражены и сразу бросаются в глаза. Здесь же большую роль имели относительные значения и их изменения во времени.

Крейн присмотрелся к альфа-ритму. Максимальной точки он достигал в заднем квадранте — для бодрствующих взрослых это нормально. Крейн пробежался по альфа-ритму на нескольких страницах, не обнаружив никаких отклонений, кроме недолгих, вызванных тревожностью, а может быть, гипервентиляцией. Честно говоря, альфа-ритм у этой женщины был очень хорош — ровный, без всяких признаков медленных частот.

Тогда Крейн обратился к бета-ритмам. Они наблюдались во фронтальной и центральной частях, пожалуй, казались несколько резковатыми, но все же в пределах нормальных значений. Ни один из наборов волн не проявлял ни особой асимметрии, ни иррегулярности.

Проглядывая страницы, следуя за тонкими черными линиями, которые то поднимались, то опадали, Крейн ощутил, как в душе появляется до боли знакомое ощущение разочарования. Значит, и здесь тупик.

Раздался стук в дверь, и вошла лаборантка. В руке у нее была большая кипа бумаг.

— Доктор Крейн…

— Да?

— Вот энцефалограммы, которые вы просили.

Она положила листы на стол.

Крейн оглядел кучу.

— Сколько здесь?

— Четырнадцать.

Девушка улыбнулась, кивнула и быстро вышла.

Четырнадцать. Ну и ну! И усталый Крейн вернулся к энцефалограмме Мэри Филипс.

Он изучил тета- и дельта-волны, двигаясь слева направо, аккуратно просматривая каждый десятисекундный промежуток. Фоновая активность казалась немного несимметричной, но для начала анализа и это было более или менее нормально — в ходе процедуры пациент, конечно, успокоился…

И тут среди дельта-волн он заметил серию префронтальных пиков, небольших, но ясно различимых.

Крейн нахмурился. Дельта-активность, кроме редких нерегулярных низковольтных колебаний, у взрослых наблюдается крайне редко.

Он просмотрел оставшиеся страницы. Кривые дельта-волн никуда не делись — они даже стали резче. На первый взгляд это давало картину, похожую на болезнь Пика, заболевание, при котором происходит атрофия мозга, приводящая к слабоумию. Онемение, на которое жаловалась Мэри Филипс, оказалось ранним симптомом.

Но Крейн не стал спешить с выводами. Что-то его в этих пиках беспокоило.

Вернувшись к началу, он повернул график набок. «Вертикальное прочтение» — способ просмотра электроэнцефалограммы сверху вниз, а не слева направо — позволяет сосредоточиться на какой-нибудь одной волне и ее распределении, а не рассматривать картину по полушариям. Крейн медленно листал страницы, следя за линией тета-волн. И вдруг застыл.

— Какого черта? — произнес он.

Он уронил распечатку на стол и полез в ближайший ящик, отыскивая линейку. Разыскав, он приложил ее к бумаге, всмотрелся внимательнее. А затем ощутил, как где-то у основания черепа появилось неприятное покалывание и поползло вниз по позвоночнику.

Он медленно выпрямился в кресле.

— Вот оно, — пробормотал Крейн.

Казалось, что это невозможно, но вот оно, доказательство. Эти линии на ЭЭГ Мэри Филипс — вовсе не переменные взлеты и падения, указывающие на активность мозга. Не свидетельствовали они и о какой-либо физической патологии. Пики были регулярные — непостижимо, невероятно регулярные...

Он оттолкнул распечатку Филипс и взял другую из стопки, которую принесла лаборантка. Это оказалась энцефалограмма мужчины, перенесшего микроинсульт. Быстрая проверка показала: те же болезненно четкие дельта-волны наблюдались и там.

Потребовалось минут пятнадцать, чтобы просмотреть все данные. Люди, которым делали энцефалограммы, жаловались на самые разные недомогания — от бессонницы до аритмии, тошноты и настоящих маниакальных состояний. Но у всех наблюдалось одно и то же — регулярность и точность волн, какой не может быть в природе.

Крейн отодвинул пачку распечаток с ощущением чего-то нереального. Наконец-то после долгих попыток он добился, нашел общую черту. Причина была неврологическая: дельта-волны у здоровых взрослых должны быть прямые. И даже если они дают скачки, то все равно

никогда не могло быть таких ровных, вычисляемых паттернов. Это было что-то, науке пока не известное.

Погруженный в размышления, Крейн встал и подошел к внутреннему телефону. Надо как можно скорее посоветоваться с Бишоп. Если задета кора головного мозга, то тогда все не связанные между собой симптомы становятся легко объяснимы. Какой же он болван, что раньше этого не увидел. Но как это распространяется? Неврологические отклонения такого широкого спектра — что-то совершенно неслыханное…

Если только…

— О господи, — вздохнул он.

Он поспешно, точно обезумел, схватил калькулятор. Бросая лихорадочные взгляды то на машинку, то на распечатку, доктор принялся лихорадочно нажимать кнопки. И остановился, глядя на табло и не веря своим глазам.

— Не может быть, — прошептал он.

Зазвонил телефон — пугающе громко в тихом кабинете. Крейн подпрыгнул в кресле и, чувствуя, как сильно бьется сердце, потянулся к трубке.

— Питер?

Голос Ашера казался неестественно высоким и каким-то неуверенным в атмосфере декомпрессионной камеры.

— Доктор Ашер! — воскликнул Крейн. — Я нашел общую черту! И боже мой, это так…

— Питер, — перебил его ученый. — Мне надо видеть вас немедленно. Бросайте все и приходите.

— Но…

— Мы все закончили.

Крейн помедлил, не готовый к столь резкому повороту событий.

— Вы расшифровали сообщение?

— Не одно. Несколько сообщений. У меня все на ноутбуке. — В голосе Ашера слышалось отчаяние. — Питер, вы срочно нужны мне здесь. Немедленно. Это важно, неотложно важно, и мы не можем…

Раздался треск, и телефон вдруг замолчал.

— Алло! — Крейн нахмурился. — Доктор Ашер! Алло!

Тишина.

Все так же хмурясь, Крейн повесил телефонную трубку. Взглянул на стопку бумаг на столе, затем повернулся и быстро вышел из кабинета.

**35**

Когда Крейн был на седьмом уровне в последний раз (меньше чем пять часов назад), отведенная под научные помещения палуба жила обычной рабочей жизнью. Но сейчас, выйдя из лифта, Крейн внезапно оказался среди полного хаоса. Пронзительно верещали сирены, слышались крики, мимо бежали морские пехотинцы, лаборанты и ученые. Все это было очень похоже на панику.

Крейн остановил рабочего в оранжевом комбинезоне.

— Что происходит? — спросил он.

— Горит! — ответил запыхавшийся мужчина.

Крейн вдруг испугался. Бывший подводник, он был научен бояться пожара под водой.

— Где? — воскликнул он.

— В декомпрессионной камере.

Выдернув из руки Крейна свой рукав, рабочий поспешил дальше.

Страх Крейна усилился. Возгорание — это плохо, но пожар с кислородом — куда как хуже...

Ашер!

Ни о чем больше не думая, Крейн покинул площадку у лифта и бросился по коридору.

Ответвление коридора, где находился вход в декомпрессионное отделение, было забито спасателями и рабочими. Пробираясь через толпу, Крейн уловил едкий запах дыма.

— Пропустите доктора! — крикнул он, пролезая через люк и проталкиваясь в пост управления.

За пультом находился Хопкинс, один из молодых лаборантов-медиков. Рядом с ним стоял коммандер Королис. Когда Крейн подошел, офицер коротко глянул на него и, ни слова не говоря, вернулся взглядом к Хопкинсу.

— Что случилось? — спросил у лаборанта Крейн.

— Не знаю. — По лбу Хопкинса стекал пот, а руки летали над панелью управления. — Я был в патологоанатомическом, когда сработала сигнализация.

— Когда это было?

— Две минуты назад, может быть, три.

Крейн глянул на часы. Ашер звонил ему менее пяти минут назад.

— Бригаду доврачебной помощи вызвали?

— Да, сэр.

Крейн глянул сквозь стеклянную перегородку на саму декомпрессионную камеру. Внутри за иллюминатором камеры подпрыгнул язык пламени.

О господи! Она еще горит!

— Почему не включили противопожарную систему? — закричал он Хопкинсу.

— Не знаю, — ответил тот, продолжая лихорадочно щелкать переключателями на панели. — Обе системы орошения — и основная, и резервная — почему-то заблокированы. Я собираюсь провести аварийную разгерметизацию.

— Ни в коем случае! — воскликнул Крейн. — Там же было максимальное давление.

— Спринклеры не работают, и единственный способ — открыть люк и потушить огонь, — ответил Королис.

Доктор с яростью посмотрел на него.

— Давление установлено на две с половиной атмосферы. Я сам его выставлял. Если вы резко откроете камеру, Ашер погибнет.

Коммандер опять глянул на Крейна.

— Он уже погиб.

Питер открыл рот, собираясь что-то сказать, но сдержался. Прав Королис или нет, а огню нельзя давать распространяться: если он доберется до кислородных баллонов, возникнет угроза для всей станции. Крейн в гневе ударил кулаком по металлической переборке и выскочил в приемную.

Возле входа в камеру собрались спасатели, они готовили огнетушители и надевали специальные маски. Внезапно ожил динамик над стеклянной перегородкой, отделявшей пост управления.

— Полная разгерметизация через пятнадцать секунд, — раздался голос Хопкинса.

Команда проверила оборудование и натянула респираторы.

— Разгерметизация завершена, — сказал Хопкинс. — Открываю люк.

Щелкнули электронные замки, распахнулась дверь в камеру. Приемная тут же наполнилась жаром и черным дымом. Едко завоняло горелым пластиком и тошнотворно — паленым мясом. Крейн непроизвольно отвернулся. Его глаза вдруг наполнились слезами. За спиной послышался топот ног, кто-то выкрикивал приказы, пронзительно засвистели огнетушители.

Крейн повернулся. Пожар еще тушили, но люди были уже внутри, и черные клубы дыма сменились плотным туманом от пламегасящего состава. Крейн шагнул вперед, протолкался через спасателей. И резко остановился.

Ашер лежал на полу, свернувшись калачиком вокруг своего компьютера. Криптолога Мэрриса нашли неподалеку. Они опустились на пол, пытаясь избежать дыма и огня. Тщетная попытка: одежда начальника отдела научных исследований обугленными лохмотьями свисала с его тела, а жутко почерневшая кожа отходила от плоти. Густая копна седых волос сгорела, и кустистые брови превратились в крошечные черные завитки.

Крейн поспешно склонился, чтобы произвести общий осмотр. И остановился. Невозможно представить, чтобы Ашер был еще жив. Из ушей ученого текла кровь, но он не двигался. Баротравма — внезапное падение давления — разорвала барабанную перепонку. И это еще самое слабое из последствий. Аварийное снижение параметров вызывает массовое образование воздуха в тканях, газируя кровь. А вдыхание дыма и обширный ожог третьей степени…

Крейн прикусил губу. Внезапность трагедии, потеря друга — все это обрушилось на него, но в глубине души он испытывал чуть ли не облегчение оттого, что ученый погиб. Такие ожоги и вскипание крови причиняют человеку невообразимые мучения.

Спасатели уходили, туман рассеивался. Отовсюду стекал состав, которым тушили огонь. Снаружи раздались голоса — подоспела бригада доврачебной помощи. Крейн осторожно положил ладонь на плечо Ашера.

— Прощайте, Говард, — сказал он.

Глаза Ашера открылись.

Крейн сначала решил, что это результат сокращения мускулов, так как некоторые химические реакции продолжаются и после смерти. Но глаз двинулся, и взгляд остановился на нем.

— Жидкость! — тут же закричал Крейн парамедикам, даже не оглядываясь, где они. — Физраствор! Как можно больше! Скорее! Ледяные компрессы!

Мучительно медленно ученый поднял руку, которая представляла собой обгорелое мясо на костях. Он схватил Крейна за воротник и подтянул к себе. Руководитель отдела научных исследований с трудом разлепил обгоревшие, почерневшие губы; кожа от усилий лопнула, засочилась сукровица.

— Не говорите сейчас, — успокаивающе произнес врач. — Лежите спокойно. Мы доставим вас в палату, все будет хорошо.

Но Ашер его не слушал. Он еще крепче стиснул рубашку Крейна.

— Оуо… — прошептали пересохшие губы.

Рядом с Крейном появился фельдшер и пальцами в перчатках начал снимать обгоревшую одежду пострадавшего, намереваясь начать внутривенное введение лекарств. Второй склонился над Мэррисом.

— Расслабьтесь, — прошептал Крейн Ашеру. — Сейчас вам помогут.

Ашер сжал пальцы еще сильнее, несмотря на то что конечности его дернулись в конвульсии.

— Оуу…

Он издал тонкий вздох и вздрогнул всем телом. Глаза закатились, обожженное горло булькнуло. Рука разжалась, соскользнула на пол, и больше он ничего не сказал.

## 36

Крейн сидел за столом у себя в каюте и глядел на монитор компьютера, но ничего не видел. Миновало уже несколько часов после трагедии, а ему все еще было не по себе. Он долго стоял под душем, сам отнес одежду и медицинский халат в прачечную, но в каюте по-прежнему пахло палеными волосами и кожей.

Он так не хотел верить в то, что произошло, что ощущал себя почти парализованным. Неужели всего восемь часов прошло с тех пор, как он проводил вскрытие тела Чарльза Вассельхоффа? Тогда им надо было выписывать только одно свидетельство о смерти.

Теперь три. Плюс еще три — из Сферы.

В памяти Говард Ашер остался таким, каким Крейн увидел его впервые две недели назад — загорелым улыбчивым человеком на экране в библиотеке платформы «Сторм кинг». «Питер, у нас здесь научное и историческое открытие всех времен». Ашер никогда больше не улыбался так много, как в тот первый день. Сейчас Крейн задумался о том, сколько в этой доброжелательности было напускного — чтобы новичок почувствовал себя уютно.

В дверь тихо постучали, она распахнулась — на пороге стояла Мишель Бишоп. Ее темно-русые волосы, полностью убранные с лица, подчеркивали высокие скулы. Темные глаза покраснели, в них застыла печаль.

— Питер, — сказала она очень тихим голосом.

Крейн повернулся в кресле.

— Да...

Она оставалась в дверях, держась непривычно застенчиво.

— Я просто хотела убедиться, что с вами все в порядке.

Он покачал головой.

— Даже лучше.

— Вы ничего не говорили. Ни слова, когда мы переносили тело Ашера в медпункт, даже при проведении осмотра. Я... решила, что надо побеспокоиться.

Крейн ответил не сразу.

— Не могу понять, что же испортилось в декомпрессионной камере. Отчего начался пожар? Почему не сработала система тушения?

— Спартан уже велел провести расследование. Он разузнает, что там случилось.

— Мне надо было самому позаботиться. Лично проверить камеру. Выяснить, исправна ли противопожарная система.

Бишоп шагнула вперед.

— Вот об этом как раз и не надо думать. Вы сделали все необходимое. Произошел несчастный случай. Ужасная трагедия.

Крейн вздохнул.

— Надеюсь, вы правы.

— Только не вините себя, Питер. А то напущу на вас Корбетта.

Доктор вяло улыбнулся.

Они немного помолчали, и Бишоп заговорила снова:

— Пожалуй, надо вернуться в медпункт. Вам принести чего-нибудь из аптечки? Ксанакс, валиум?

Крейн помотал головой.

— Все пройдет.

— Тогда я загляну к вам попозже. — И она повернулась, собираясь уходить.

— Мишель...

Женщина оглянулась.

— Спасибо.

Она кивнула и вышла из каюты, тихо закрыв за собой дверь.

Крейн медленно повернулся к компьютерному терминалу. Несколько минут он сидел не шевелясь, смотрел на экран. Потом резко оттолкнулся от стола, встал и зашагал по каюте. Но и это не помогло — он вспомнил, как почти так же ходил Ашер в тот день, когда Крейн узнал, чем же на самом деле заняты специалисты на станции «Глубоководный шторм».

А все началось только четыре дня назад...

Была в этом какая-то жуткая насмешка. Он наконец раскрыл тайну, но Ашер погиб, так и не узнав об этом. Тот самый человек, который и вызвал его сюда, чтобы разгадать загадку.

Конечно, горько напомнил себе Крейн, не он один нашел решение. Кажется, Говард тоже что-то узнал. Но теперь начальник отдела научных исследований мертв — спонтанный пневмоторакс, газовая эмболия и ожоги третьей степени восьмидесяти процентов поверхности тела.

Бишоп права: он неестественно молчалив после гибели Ашера. Причина не только в полученной травме, хотя и без шока здесь не обошлось. Дело в том, что он не может говорить. Ему очень хотелось рассказать Бишоп о том, что он узнал, поделиться своим открытием. Но у нее не было необходимого допуска. Не имея возможности высказаться, Крейн обнаружил, что больше разговаривать ему не о чем.

А протоколы вскрытия все-таки надо писать.

Крейн вернулся за стол, включил терминал. Мигающая иконка показывала, что ему пришло письмо.

Вздохнув, Крейн запустил почтовую программу и при помощи мыши проделал все необходимые для входа процедуры. Сообщение по электронной почте было только одно, и странно, что не был указан отправитель. Крейн открыл письмо.

«Время для длинных рассказов одно, для сна же — другое» (Гомер. Одиссея. Песнь одиннадцатая).[12]

Доктор Ашер был человеком длинных рассказов. Важных слов. А теперь ему остался только покой.

Это действительно трагедия.

Слишком много смертей, а мы даже не добрались до цели. Я начинаю опасаться худшего.

Все бремя теперь легло на твои плечи, доктор. Я вынужден здесь оставаться, ты — нет. Найди ответ и уезжай скорее.

Если приходится работать в темноте, нельзя оставаться одному. Найди друга.

Боюсь, с тех пор, как мы беседовали в твоей каюте, иррациональных чисел стало больше. Но возможно, это и к лучшему, потому что ответ на твою головоломку находится среди них.

Желаю приятного утра.

Ф.

Крейн, хмурясь, глядел на компьютерный экран, не зная, что делать с этим загадочным посланием. «Найди друга…»

Раздался тихий стук в дверь каюты — это, наверное, вернулась Бишоп и принесла лекарства, которые ему не нужны.

— Входите, Мишель, — произнес он, закрывая почту.

Дверь открылась. На пороге стояла Хьюи Пинг, программист.

Крейн с удивлением посмотрел на нее.

— Извините, — сказала она. — Надеюсь, я вам не помешала?

— Нисколько, — ответил Крейн, придя в себя. — Прошу.

Пинг вошла, села в предложенное Крейном кресло.

— Я только что узнала о гибели доктора Ашера. Это случилось бы раньше, но я нашла кое-что странное в своем кабинете. Но как только я услышала… в общем, мне надо было с кем-то поговорить. Знаете, вы единственный человек, о котором я подумала.

Крейн склонил голову. Пинг вдруг встала.

— Наверное, с моей стороны это эгоистично. Вы же были там… наверное, вам сейчас…

— Все в порядке, — ответил Крейн. — Пожалуй, мне тоже надо поговорить.

— О докторе Ашере?

— Нет. — «Это еще слишком свежо», — подумал он. — О том, что я узнал.

Пинг снова медленно села.

— Вы же знаете, что я провел все возможные исследования, пытаясь выяснить причину заболеваний сотрудников?

Пинг кивнула.

— Я ничего не мог добиться, пока меня не осенило: люди жаловались на два абсолютно разных типа симптомов. Первые чисто физиологические: тошнота, мышечные тики и тому подобное. Другие психологические: бессонница, угнетенное состояние, даже мании. Я всегда считал, что должно быть нечто объединяющее. Но какой фактор подходил бы к обоим случаям? Тогда я и решил, что причина неврологическая.

— Почему?

— Потому что мозг управляет и телом, и духом. Я велел сделать энцефалограммы. И как раз сегодня получил первые результаты. У каждого пациента в дельта-волнах отмечаются всплески, а ведь эти частоты у взрослых неактивны. Что еще более странно, так это то, что картина пиков одинакова для всех пациентов. И тут мне пришла безумная мысль. Я построил график электрических импульсов. Знаете, что я открыл?

— Не могу представить.

Крейн выдвинул ящик стола, достал конверт из плотной бумаги и молча вручил его Пинг. Она открыла и вытащила компьютерную распечатку.

— Это цифровой код, который вычислил Ашер, — сказала она. — То послание, которое передают подводные стражи.

— Совершенно верно.

Пинг нахмурила брови, не понимая. И вдруг ее глаза округлились.

— Неужели… Вы же не хотите…

— Да. Пики на графике дельта-волн совпадают со световыми импульсами. То, что нашел Ашер, и это сообщение — одно и то же.

— Но как это возможно? Почему мы ничего не определили?

— Я точно не знаю. Но предположения у меня есть. Мы уже знаем, что подводные стражи передают свои сообщения на каждой волне электромагнитного излучения, которую мы способны уловить, — радиочастоты, микроволновое излучение, ультрафиолетовое, инфракрасное. Мы также знаем, что создатели этих стражей обладали технологиями намного более развитыми по сравнению с нашими. Поэтому кто может утверждать, что это же сообщение не передается на миллионах других волн или на иных типах частот, которые мы не можем зарегистрировать и о которых даже представления никакого не имеем?

— Например? — спросила Пинг.

— Не знаю. Может, кварковое излучение. Или какие-нибудь новые виды частиц, которые могут проходить сквозь материю, как бозоны Хиггса. Главное то, что какая-то неизвестная разновидность, недоступная для наших измерительных приборов, вносит помехи в электрические импульсы, вырабатываемые головным мозгом.

— Почему тогда не все страдают?

— Потому что биологические системы неодинаковы. У одних людей более крепкие кости, а у других — более устойчивая нервная система. А может быть, конструкция станции непроизвольно обеспечивает в некоторых местах эффект клетки Фарадея.

— Что это?

— Клетка Фарадея? Специальная конструкция, сооружаемая для отражения электромагнитных полей. Но знаете что? Думаю, что здесь все находятся под влиянием этого излучения — просто в разной степени. Я и сам в последнее время чувствую себя не так, как обычно... А вы?

Хьюи на секунду задумалась.

— Да, пожалуй...

Они немного помолчали.

— Вы собираетесь отнести это адмиралу Спартану? — спросила Хьюи.

— Пока нет.

— Почему? Мне кажется, что вы выполнили свою работу.

— Спартан не очень благосклонно относится к мнениям, которые отличаются от его собственного. Я бы не хотел ставить его в известность раньше времени, чтобы не получить от ворот поворот. Чем больше у

меня доказательств, тем лучше. А значит, надо найти и другую информацию.

— Какую?

— Ашер перед своей гибелью что-то обнаружил. Там, в декомпрессионной камере. Я знаю, потому что он сам говорил об этом по телефону. Говард упомянул, что у него все на компьютере. Мне надо заглянуть туда, чтобы выяснить, что же он нашел. Потому что перед самой смертью Ашер отчаянно пытался мне что-то сказать: он пытался произнести какое-то слово, которое начинается с «оу».

Хьюи снова нахмурилась:

— Оу?

— Да.

— Что это? Или кто?

— Разгадка — в компьютере, если он не слишком обгорел и его еще можно включить.

И снова каюта погрузилась в задумчивое молчание. Наконец Крейн поднялся и повернулся к Хьюи Пинг.

— Не хотите прогуляться по Таймс-сквер, выпить эспрессо?

Хьюи улыбнулась.

— Конечно.

Они вышли в коридор.

— Может быть, я могу вам помочь.

— Как?

— Лето перед защитой диплома я провела, работая с устройствами восстановления данных.

Крейн обернулся к ней.

— Вы хотите сказать, что умеете извлекать информацию с поврежденных жестких дисков?

— Вообще-то я сама это не делала, я была тогда на практике. Но я много раз наблюдала за операциями, а в некоторых помогала.

Они остановились у лифта.

— Вы говорили, что нашли что-то странное, — вспомнил Крейн. — Что это было?

— Простите? А, да. Помните, я показывала вам линии поглощения, которые испускал артефакт в моем кабинете?

— Вы еще сказали, что такие могут быть только у отдаленной звезды.

— Правильно.

Двери лифта с шипением раздвинулись, они вошли, и Крейн нажал кнопку с номером девять.

— Так вот, — продолжала Хьюи, — просто ради забавы я провела сравнение этих данных с параметрами известных звезд. Дело в том, что у каждого небесного тела своя уникальная комплексная характеристика. И можете представить, я нашла полное подобие.

— Между вашим маленьким подводным стражем и звездой?

Хьюи кивнула.

— Если говорить точно, то это в ста сорока световых годах от нас. Альфа Лебедя, или М-восемьдесят один.

— Думаете, наш маячок оттуда?

— Ну да. У этой звезды только одна планета. Газовый гигант с океанами из серной кислоты и атмосферой из метана.

Крейн озадаченно потер подбородок.

— Ошибки быть не может?

Хьюи покачала головой.

— Исключено. Характеристики линий поглощения так же неповторимы, как и отпечатки пальцев.

— Вы думаете, что кроме всего прочего они хотят нам сообщить, откуда они явились?

— Мне кажется, да.

— Странно. Что может понадобиться планете из метана и кислоты на Земле, полной кислорода и воды?

— Вот именно.

Двери открылись на нужном этаже, и Хьюи, обернувшись, задумчиво посмотрела на Крейна.

## 37

Пол отделения гипербарической терапии был завален мусором — пустыми огнетушителями, упаковками бинтов, одноразовыми

перчатками. Коммандер Терренс В. Королис обходил все это с брезгливой осторожностью кота.

Двое охранников в черной униформе стояли по бокам двери, закрывая доступ в зону, которая считалась местом преступления. У поста управления находился еще один. Командира, Вобурна, Королис нашел в приемной, рядом с декомпрессионной камерой — тот разговаривал с лаборантом в белом халате. Входной люк был открыт; по верхней его части бежали глубокие следы огня, они же виднелись и на потолке, покрытом густым слоем черной копоти.

Увидев офицера, Вобурн кивнул лаборанту и вышел вслед за Королисом в помещение поста управления. Коммандер подождал, пока Вобурн закроет за собой дверь.

— Доложите обстановку, командир, — сказал Королис.

— Сэр. — Несмотря на легкую хромоту, мускулистый Вобурн двигался легко и точно. — Цепи безопасности были намеренно блокированы.

— Внутренние системы? Спринклеры? Система затопления?

— Отключены.

— А сам пожар? У вас есть предположения, как он начался?

Вобурн указал большим пальцем в обзорное окно, за которым была приемная.

— Компрессор. Лаборант считает, что его намеренно испортили.

— Как?

— Похоже, что понижающий трансформатор отключили, когда нагнетающее устройство работало на полную мощность.

Королис медленно кивнул.

— И обороты тут же подскочили.

— Да, компрессор перегрелся и вспыхнул.

— Сколько времени для этого потребовалось?

— Лаборант говорит, если человек знал, что делал, то это могло бы занять минуты две-три, не больше.

Королис кивнул сам себе. Да, человек знал, что делал. Как знал, где взрезать обшивку купола лазерным резаком.

Хорошего саботажника обучают, как ломать, как взрывать, — он может почти все.

А Королис знал все о такой подготовке. Он повернулся к Вобурну.

— Какие-нибудь камеры здесь снимали?

Вобурн покачал головой, и его седеющие волосы засияли в искусственном освещении.

— Никак нет, сэр.

Королис молча посмотрел через стекло. Лаборант нырнул в камеру и пропал из виду. Кроме солдат в темных комбинезонах, других свидетелей не было.

Он снова повернулся к Вобурну.

— Вы закончили? — спросил он.

Хотя дверь была закрыта, он говорил даже тише, чем раньше.

Вобурн оглянулся, лицо его хранило нейтральное выражение. Он едва заметно кивнул.

— Никто не видел, как вы взяли?

— Только наши люди, сэр.

— Прекрасно.

Вобурн опустился на колени перед пультом управления, пошарил под ним и вытащил тонкий портфель из черного баллистического нейлона. Он вручил портфель и ключ Королису.

— Сэр, нужно ли продолжать расследование? — спросил Вобурн. — Выяснять, не заметил ли кто из ученых что-нибудь или кого-нибудь?

— Спасибо, командир, в этом нет необходимости. Дальше я буду работать сам и сообщу о своих находках адмиралу.

— Так точно, сэр, — четко отсалютовал Вобурн.

Королис посмотрел на него, поджав губы. Потом сделал ответный жест и вышел из помещения.

* * *

Каюта Королиса находилась на одиннадцатом уровне, в специальном секторе, отведенном для военных. Он шагнул внутрь, тщательно запер дверь и только потом прошел к столу. Свет в каюте был тусклым. Там, где у прочих размещались картинки в рамочках и книги для развлекательного чтения, у Королиса стояли мониторы системы видеонаблюдения и брошюры секретных инструкций.

Он положил нейлоновый портфель, полученный от Вобурна, на облицованный шпоном стол и отпер его ключом. Расстегнув портфель, коммандер вытащил портативный компьютер, сильно обгоревший с одной стороны.

Каюта наполнилась едкой вонью горелого пластика.

Королис повернулся к панели кондиционера и включил фильтрацию воздуха на полную мощность. Присел у стола и подтянул к себе клавиатуру компьютерного терминала. Он набрал пароль для подключения к сети, затем еще один, длиннее, чтобы войти на закрытый сервер станции, куда доступ имел только он. Потом загрузил программу обработки звука, что используют аудио-инженеры, занимающиеся восстановлением звуковых дорожек, а также те, кто прослушивает чужие разговоры. Выведя на экран список файлов, коммандер выбрал нужный. На экране появился сложный видеокадр, на котором главное место занимала временная диаграмма сигнала — монозапись звука, зафиксированная крохотным микрофоном.

Королис включил в компьютер наушники. Настроил фильтр программы, чтобы убрать посторонние шумы, прибавил громкости и нажал кнопку «пуск».

В наушниках послышался голос Крейна, удивительно четкий, если вспомнить, какое маленькое подслушивающее устройство записывало этот голос.

«Ашер перед своей гибелью что-то обнаружил… Я знаю, потому что он сам говорил об этом по телефону… Говард упомянул, что у него все на компьютере… Мне надо заглянуть туда, чтобы выяснить, что же он нашел… Потому что перед самой смертью Ашер отчаянно пытался мне что-то сказать…»

Послышался ответ; программа распознавания определила его как голос Хьюи Пинг. Королис слушал, и лицо его мрачнело.

«Разгадка — в компьютере», — продолжал Крейн.

Щелкнув мышью, офицер остановил запись. Еще один щелчок закрыл файл и вывел пользователя из программы.

Королис поднялся, отнес поврежденный ноутбук Ашера в дальний угол комнаты, где на полу стоял серый ящик. Встав на колени, коммандер расстегнул защелки, открыл крышку и вытащил громоздкий предмет — прибор для размагничивания.

Он еще раз проверил, заперта ли дверь в каюту. Потом медленно и осторожно, стараясь держаться подальше от собственного компьютера, поднес аппарат к ноутбуку и провел им несколько раз над встроенным

жестким диском. Даже если компьютер пережил огонь, магнит выведет его из строя, так что восстановить что-либо будет невозможно.

Крейн и Хьюи Пинг представляли серьезную угрозу безопасности, и тут бдительность окажется нелишней. Это только начало. Что делать дальше, Королис хорошо себе представлял.

## 38

Холодильная камера 1-С на последнем уровне станции и в самых благоприятных обстоятельствах была местом мрачным. Температура поддерживалась точно на значении три с половиной градуса по Цельсию.

Покрытие пола состояло из деревянных поддонов, под которыми в мелком трюме плескалась грязная холодная вода. Скудное освещение погружало наводящее клаустрофобию помещение в унылый мрак. Воздух пах плесенью и разделанным мясом. Из звуков слышался только тихий стук капель.

Адмирал Спартан стоял в центре помещения и разглядывал изуродованные останки Сферы-один. Она возвышалась перед ним, словно гигантский комок смятой фольги, обмотанная тяжелой цепью и подвешенная к потолку за большой, жуткого вида крюк. Сбоку лежала толстая синяя драпировка, которую адмирал снял, чтобы разглядеть искореженные обломки.

«Дела идут не лучшим образом», — подумал адмирал.

Что вызвало эту жуткую катастрофу? Будучи военным, целью всей жизни он поставил победу, которой можно добиться, предвосхищая будущее — и собственное, и противника, — и либо помогал ему свершиться, либо препятствовал. Но как можно предугадывать ошибки, если правила, с которыми приходится иметь дело, абсолютно, непостижимо чужие?

Да, после гибели Сферы-один Сфера-два и Сфера-три продолжили работы без промедления. Были внесены изменения, рекомендованные Ашером и его учеными, и происшествий больше не случалось. Проходка шла даже более гладко, чем предполагалось, — третий, самый тонкий слой земной коры оказался сложен из мягкого илоподобного материала, который легко извлекался, и до поверхности Мохо оставалось всего несколько дней.

Ашер. Адмирал вспомнил предложение начальника отдела научных исследований, сделанное им сразу после аварии Сферы-один и гибели экипажа: «...то, что они хотят нам сказать, настолько важно, что они забивают все доступные частоты, чтобы передать это сообщение...»

А теперь и Ашер погиб.

За спиной у Спартана заскрежетал металл, и дверь в помещение открылась, бросив в темноту полосу желтого света. Коммандер Королис, который, как кошка, не любил ни сырости, ни холода, вошел в холодильник, подперев дверь клинышком, чтобы не закрылась.

Спартан посмотрел на него.

— Докладывайте, коммандер.

Офицер приблизился.

— Система орошения в декомпрессионной камере была выведена из строя. А компрессор подвергли перегрузке, что вызвало взрыв и пожар в самой камере. Нет никаких сомнений: это был акт саботажа.

— Акт убийства.

— Может быть, сэр.

Спартан снова повернулся к разрушенному аппарату.

— На этот раз, кажется, целью был определенный человек, а не вся станция. Почему?

— У меня еще нет ответа, сэр. Может быть, мы просто вовремя успели.

Адмирал еще раз глянул на Королиса.

— Вовремя, коммандер?

— Нам повезло на этот раз, что саботажник не нацелился на объект большей стратегической важности.

Спартан моргнул несколько раз.

— Понятно. А что за стратегический объект у нас имеется, более важный, чем доктор Ашер?

— Его польза для проекта в последнее время стала сомнительной. Он, сэр, стал словно Кассандра. Его разговоры о предопределении и несчастьях, его стремление замедлить ход раскопок — все это плохо сказывалось на настроениях экипажа.

— Да, верно.

Спартан подумал, что если у Королиса и есть недостатки, то искренность среди них не значится.

— Но, сэр, это в любом случае мое личное мнение. Честно говоря, я удивлен, что вы думаете по-другому.

Адмирал проигнорировал намек, махнув рукой в сторону Сферы-один.

— А это?

— Записи переговоров были тщательно изучены, так же как и черный ящик снаряда. В отличие от декомпрессионной камеры тут нет никаких следов вмешательства или нечестной игры. Просто сбой оборудования, и все.

Спартан помолчал, созерцая изувеченный шар.

— Есть какие-нибудь успехи в поиске виновного?

— Да. Основываясь на съемках камер наблюдения, мы выделили одного человека, который находился в обоих местах — на приемной площадке наружного корпуса и у декомпрессионного отделения.

— И кто это?

Коммандер молча вытащил из нагрудного кармана конверт и вручил его Спартану. Адмирал открыл, заглянул и вернул обратно.

— Доктор Пинг? — спросил он.

Королис кивнул.

— Ее китайское происхождение всегда казалось мне немного подозрительным. А потом, сэр, разве не вы говорили, что саботажник должен работать на иностранное государство?

— Ее тщательно проверяли, так же как и всех остальных, кто допущен к участию в засекреченных проектах.

— Иногда можно просочиться. Особенно если очень хотеть. Вы, сэр, знаете это не хуже меня.

— И что вы посоветуете?

— Ее надо посадить на гауптвахту для того, чтобы провести тщательное расследование.

Тут Спартан повернулся к Королису, высоко подняв брови.

— Это не слишком сурово?

— На чаше весов находится безопасность всей станции.

Губы адмирала изогнулись в едва заметной горькой улыбке.

— А как быть с презумпцией невиновности?

Королис смотрел на командира с искренним недоумением.

— В данных обстоятельствах, сэр, это не довод.

Спартан не ответил, и коммандер продолжил:

— А потом, есть еще кое-что. Помните последние слова Ашера, которые он все повторял Крейну?

— Да, — кивнул Спартан. — «Оу…»

— А что, если он вовсе не это говорил? Возможно, он пытался произнести «Хьюи»?

Спартан, глядя на Королиса, прищурился.

— Ну да, сэр. «Хьюи… Хьюи..» Звучит ведь похоже.

Наконец адмирал собрался с мыслями.

— Очень хорошо. Но никакой необходимости в гауптвахте нет. Просто посадите ее под домашний арест, пока все не прояснится.

— Сэр, при всем уважении к вам, я считаю, что гауптвахта была бы…

— Выполняйте приказ, коммандер.

За плечом Королиса наметилось какое-то движение. Подняв взгляд, Спартан увидел, что в дверном проеме остановился Питер Крейн.

— Доктор Крейн, — сказал адмирал чуть громче. — Не стойте там, проходите.

Офицер быстро обернулся, от удивления присвистнув сквозь зубы.

Крейн шагнул вперед; темные волосы и серые глаза резко контрастировали с белизной его медицинского халата. Спартан подумал о том, сколько же врач там находился и что он слышал.

— Чем мы можем вам помочь, доктор? — спросил он.

Крейн подошел. Он посмотрел на Спартана, на Королиса, на то, что осталось от Сферы, а потом снова на адмирала.

— Я на самом деле искал коммандера Королиса.

— Похоже, вы его нашли.

Крейн повернулся к Королису.

— Эти ребята в черном, которых вы поставили охранять гипербарическое отделение, сказали, чтобы я обратился к вам. Мне нужен ноутбук Ашера.

Королис нахмурился.

— Зачем?

— Мне кажется, он что-то узнал незадолго до того, как произошел несчастный случай. Может быть, разгадал смысл сигналов, которые передаются подводными стражами.

— Компьютер серьезно поврежден огнем, — ответил Королис.

— Попробовать все равно стоит, — тут же возразил Крейн. — Разве вы не согласны?

Спартан с любопытством наблюдал за обменом репликами. Понятно было, что эти двое с трудом терпят друг друга.

Королис перевел взгляд на адмирала, и тот едва заметно кивнул.

— Да, конечно, — сказал коммандер, — идемте со мной. Ноутбук находится в декомпрессионном отделении, в шкафу, где сложены все улики.

— Благодарю вас.

Крейн взглянул на Спартана, кивнул и повернулся, собираясь последовать за коммандером.

— Доктор Крейн, — окликнул его адмирал.

Крейн обернулся.

— Если что-нибудь обнаружите, пожалуйста, немедленно сообщите мне.

— Есть.

Королис отдал честь, и они вдвоем вышли из кладовой. Но Спартан еще долго стоял там, на холоде, и задумчиво смотрел им вслед.

**39**

Крейн обнаружил Хьюи Пинг в ее кабинете. Девушка изучала распечатку линий поглощения, делая пометки толстым маркером на бледно-зеленом листе. Когда он вошел, она подняла голову и улыбнулась.

— О, — сказала она, — вы взяли компьютер. Хорошо.

Но ее улыбка увяла, как только она увидела выражение его лица.

— Питер, что случилось?

Крейн сделал шаг вперед. Он бросил взгляд на камеру, укрепленную под потолком, стараясь не попадать в поле ее охвата.

— Я должен кое-что у вас спросить. Вы когда-нибудь выходили в приемную зону внешнего корпуса?

— Это то место, куда причаливает «лоханка», когда привозит грузы? — Она покачала головой. — Никогда.

— А где вы находились во время гибели Ашера?

— Здесь, у себя. Я изучала вот эти линии поглощения, вы забыли? Я же вам говорила.

— Значит, вы даже не приближались к декомпрессионной камере?

— Нет. — Пинг нахмурилась. — А что? К чему вы клоните?

Крейн помолчал. Он был готов пойти на риск и, возможно, нарушить все соглашения, которые он подписал, когда прибыл на платформу. Он не мог понять, зачем Королис солгал, рассказав о своих подозрениях относительно Пинг. Сотрудничество с человеком, подозреваемым в диверсии, расценивается как измена. Но интуиция говорила Крейну, что доверять женщине можно.

Кроме того, она единственный человек, кто мог бы помочь ему узнать, что же обнаружил Ашер.

Крейн облизал губы.

— Слушайте меня внимательно. Королис думает, что вы саботажница.

Пинг широко раскрыла глаза.

— Я? Но...

— Не перебивайте. Он уговорил Спартана поместить вас под домашний арест. В любую минуту сюда может прибыть наряд военной полиции, чтобы препроводить вас в вашу каюту.

— Это невозможно. — Ее дыхание стало частым и прерывистым. — Так нельзя...

Крейн подтащил ее к себе, подальше от камеры.

— Успокойтесь, Хьюи. Все в порядке. Я уведу вас отсюда.

— Но куда? — изменившимся голосом спросила она.

— Не волнуйтесь. Вы должны подумать. Есть какая-нибудь лаборатория или кабинет, где вы могли бы поработать с компьютером? Тихий уголок, где мало людей и нет камер слежения?

Хьюи не отвечала.

— Дышите медленно, но неглубоко. Послушайте, я не хочу, чтобы вас арестовали. Но отсюда надо уходить. Так вы знаете подобное место?

Она кивнула, пытаясь успокоиться.

— На шестом уровне. Лаборатория прикладной физики.

— Хорошо. Но сначала я должен кое-что сделать. Стойте здесь, чтобы в камеру вас не было видно.

Крейн достал из кармана халата стерильную упаковку. Женщина придвинулась к доктору, а он разорвал упаковку и достал скальпель двенадцатого размера, блеснувший в свете лампы.

Увидев инструмент, Хьюи замерла.

— Зачем это?

— Я хочу удалить радиочипы, которые нам поставили, — ответил Крейн, вытаскивая необходимые медицинские предметы и раскладывая их на столе. — Иначе нас найдут повсюду.

Он закатал рукав халата, смазал антисептиком внутреннюю часть предплечья. Рука со скальпелем зависла над самой кожей; Крейн задержал дыхание.

Первый надрез прошел через эпидермис. Второй пронзил следующий слой и открыл радиомаяк, вживленный в слой подкожного жира. Хьюи отвернулась, когда Крейн вытащил чип при помощи хирургического пинцета, бросил его на пол и раздавил ногой.

— Ну вот, — сказал он. — Теперь меня не отследить, как какую-нибудь перелетную птицу.

Выдохнув, он обработал рану, наложил пластырь, а чип бросил в корзину для мусора. Потом, вытащив из кармана другой стерильный скальпель, он повернулся к Хьюи Пинг.

Она невольно попятилась.

— Не беспокойтесь, — стал уговаривать ее Крейн. — У меня есть анестезирующий пакет. Я не истратил его на себя только потому, что в спешке захватил из временного лазарета только один.

Однако она колебалась.

— Хьюи, — сказал Крейн. — Вам ничего другого не остается, как только довериться мне.

Пинг вздохнула и кивнула. Потом опять шагнула к нему, закатывая рукав.

— Готовы? — спросил Крейн, выкидывая медицинские инструменты. — Тогда берите, что вам нужно, и идем.

Хьюи помедлила. Потом подошла к своему столу, вытащила ящик и достала большой кейс с оборудованием. После этого отсоединила от сети собственный ноутбук, отключила его и сунула под мышку.

— Это зачем? — спросил Крейн, кивая на ее компьютер.

— Запчасти. — Хьюи выпрямилась, глубоко вдохнула. — Я готова.

— Тогда ведите. Старайтесь избегать морских пехотинцев и камер наблюдения.

Они вышли из радиологической лаборатории и отправились в путь по узким коридорам третьего уровня. На первом перекрестке Хьюи остановилась и повернула направо, чтобы не попасть в зону слежения камеры. По этому коридору они дошли до конца и свернули налево.

Крейн повернул за угол и остановился. Впереди, охраняя закрытую дверь красного цвета, стояли у стены два морских пехотинца.

Мозг Крейна лихорадочно заработал. У моряков на поясе висят рации. Но скорее всего, общее оповещение о задержании Хьюи не давали. Если сейчас начать пятиться, это будет выглядеть очень подозрительно.

Крейн взял Хьюи за руку, слегка пожал ее, ободряя, и пошел вперед, помахивая компьютером Ашера с видом, который, как он сам надеялся, покажется достаточно легкомысленным. Через миг он заметил краем глаза, что Хьюи последовала за ним.

Крейн прошел мимо поста, часовые посмотрели на него, но ничего не сказали. Шагая дальше, Крейн услышал, как Хьюи испустила долгий, прерывистый вздох.

Они миновали с полдесятка запертых дверей, а потом свернули в следующий коридор. Слева стояли охранники.

— Я не смогу, — прошептала Хьюи Крейну.

— Надо.

Она замерла, пытаясь собраться с мыслями.

— Позади «Дна» есть служебная лестница, по которой мы можем подняться на шестую палубу. Сюда.

И она повернула в коридор по правую руку.

В кафе было сравнительно мало народу, человек десять; небольшие группы сидели вокруг белых столиков. Хьюи повела Крейна вдоль стены к распашным дверям, открывавшимся в тесную кухоньку. Не в пример обеденному залу, тут оказалось многолюдно. В углу Крейн заметил Рено, шеф-повара, но тот был занят сервировкой блюд и даже не поднял головы.

Хьюи прошла через крошечную кухню, мимо большого холодильника и распахнула металлический люк в дальней стене. Впереди оказалась узкая металлическая лестница. Нырнув в проем и закрыв за собой люк, они быстро миновали три пролета и оказались на шестой палубе. Здесь спуск заканчивался — как понял Крейн, потому, что дальше лежал барьер — полоса отчуждения между открытой зоной и закрытой.

На площадке Хьюи остановилась, чтобы прийти в себя. Она взялась за ручку, глубоко вздохнула и открыла люк. Дальше простирался пустой коридор. Она с облегчением выдохнула.

— Лаборатория уже недалеко.

Она провела Крейна рядом с мастерской, мимо какого-то пустого помещения, остановилась у двери с табличкой «Прикладная физика моря» и торопливо ее открыла. Крейн быстро оглядел коридор, чтобы еще раз убедиться, что их никто не заметил и камер слежения здесь тоже нет. Потом шагнул вслед за Хьюи в темную комнату и тихо прикрыл за собой дверь.

Хьюи включила свет; оказалось, что они находятся в большой, хорошо оснащенной лаборатории. На центральном столе находились стереомикроскоп с электронным усилением и автоклав. Сбоку примостились два лабораторных табурета. Открытая дверь в дальней стене вела в кладовую, где тоже размещалось оборудование: по обеим сторонам на полках виднелись осциллоскопы, гальванометр и другие приборы, которых Крейн не знал. На крюке рядом с одним из стеллажей висел большой чехол из какого-то необычного материала. В свете флуоресцентных ламп он поблескивал серебром.

Крейн подошел к чехлу, пощупал его.

— Что это? — спросил он.

— Противопожарное покрытие. На случай, если какой-нибудь эксперимент выйдет из-под контроля.

Он кивнул.

— А почему эта лаборатория не используется?

— Доктор Ашер планировал воспользоваться возможностью пребывания на станции, чтобы провести кое-какие глубоководные эксперименты. Исследование капиллярно-гравитационных волн, кое-что из литологии… В конце концов, шанс поработать в таких условиях выпадает раз в жизни.

— И что случилось?

— Спартан одержал верх. Кажется, ему нужны были люди для ускорения проходки тоннеля. И Ашер потерял жилые места для нескольких ученых, которых он надеялся пригласить. — Хьюи подошла к столу и поставила на него свой ноутбук и кейс с оборудованием. — Компьютер Ашера тоже можно поставить сюда, — сказала она. — И пожалуйста, осторожнее. Такую работу вообще-то нужно делать в «чистой комнате» сотого класса чистоты, ведь если мы поднимем пыль или если на внутренние поверхности попадет грязь, наши шансы на восстановление информации резко упадут.

Крейн осторожно поместил ноутбук Ашера на стол. Хьюи, потерев ладошки, огляделась. И начала заглядывать в ящики, собирая небольшой арсенал — латексные перчатки, хирургические маски, скальпели, яркую рабочую лампу, увеличительное стекло на штативе, баллоны со сжатым воздухом. Потом пристегнула заземляющий браслет и глянула на Крейна.

— А что мы ищем? — спросила она.

— Я толком и не знаю. Нам надо восстановить действия Ашера, которые привели его к открытию.

Хьюи кивнула. Крейн наблюдал, как она медленно расстегивает сумку и вытаскивает поврежденный компьютер. Одна сторона сильно обгорела, пластиковый корпус частично оплавился. Вся поверхность была покрыта подпалинами и сажей. Сердце Крейна упало.

Хьюи натянула перчатки, надела хирургическую маску. Другую она вручила доктору, кивком показав, чтобы он делал то же, что и она. Используя сжатый воздух из баллона, она очистила и без того безупречно чистую поверхность стола. Потом при помощи отвертки из своего набора сняла заднюю крышку компьютера. За крышкой последовали материнская плата и блок питания. Теперь стал виден жесткий диск.

— Тут нам, похоже, повезло, — сказала Хьюи. — Винчестер пострадал не очень сильно.

Повернувшись к своему ноутбуку, она разобрала и его. Кропотливая работа, кажется, успокоила ее. Наблюдая за девушкой, Крейн был удивлен, как быстро и ловко Хьюи смогла разобрать компьютер.

Осторожно взяв жесткий диск из ноутбука Ашера, Хьюи установила винчестер вместо своего. Быстро собрала свой компьютер, включила питание. Раздался громкий щелчок, за которым последовала серия гудков. На экране появилось сообщение об ошибке. Операционная система не загружалась.

— Что за шум? — спросил Крейн.

— Там, где я работала, говорили «смерть стучится». Обычно это означает отказ привода или еще что-нибудь подобное.

— Это плохо?

— Еще не знаю. Надо заглянуть внутрь.

Она отключила от сети свой компьютер, снова разобрала его и вытащила винчестер Ашера. Осторожно положив его на стол, она жестом показала Крейну, чтобы он отошел. При помощи крошечных отверток, скальпелей и еще каких-то инструментов из своего ящика (Крейну они напомнили арсенал стоматолога) Хьюи сняла верхнюю часть корпуса. Придвинув лампу поближе, она направила свет на винчестер. В ярком свете проступила начинка — ряд тонких золотистых цилиндриков, установленных один над другим и окруженных зарослями зеленых проводков.

Хьюи склонилась над увеличительным стеклом, чтобы разглядеть предмет исследования поближе.

— Похоже, повреждения не очень серьезные, — сказала она. — Сами пластины выглядят так, словно они не пострадали, — Она помолчала. — Ага, кажется, нашла. На плате контроллера есть сгоревшие чипы.

— А починить возможно?

— Надо попробовать. Я заменю ее другой, со своего компьютера.

Крейн нахмурился.

— Вы что, сможете это сделать?

— Все ноутбуки на станции одной и той же модели. Вы же знаете правительственные заказы — все закупается крупным оптом.

Глядя в увеличительное стекло и пользуясь инструментами, какие обычно в ходу у ювелиров, Хьюи отделила крохотный кусочек механизма винчестера. «Наверное, это и есть контроллер», — подумал Крейн, наблюдая за ней с некоторого расстояния.

— Да тут все расплавилось, — сказала Хьюи, поднося кусочек к линзе и поворачивая пинцет. — Нам повезло, что пластины уцелели.

Она отложила детальку. Раскрыв жесткий диск своего собственного компьютера, она осторожно вытащила такую же, вставила ее в винчестер Ашера и снова собрала.

— Момент истины, — произнесла Хьюи, устанавливая поврежденный привод в свой компьютер. Она быстро собрала его, снова очистила поверхность стола сжатым воздухом и перезапустила машину.

Крейн придвинулся поближе, пристально глядя на экран. Появилось то же самое сообщение об ошибке.

— Черт, — сказал он.

— Но смерть больше не стучится? — спросила Хьюи. — И вы заметили, что во время процедуры самотестирования не было предупреждающих сигналов?

— И что это означает?

— Компьютер видит жесткий диск, просто не может найти на нем никакой информации.

Крейн тихо чертыхнулся.

— Мы еще не все попробовали. — Она вытащила из своего ящика с инструментами плоский футляр, достала из него компакт-диск. — Это загрузочная дискета с разными программами для диагностики. Давайте посмотрим, что там у Ашера на винчестере.

Она поставила диск в компьютер и перезапустила его. На этот раз экран ожил. CD-ROM пожужжал немного, и на экране открылось несколько окон. Хьюи присела за стол и начала набирать команды. Крейн заглядывал ей через плечо.

Несколько минут Хьюи при помощи мыши пробиралась через лабиринт окон. Появлялись длинные последовательности двоичных и шестнадцатеричных чисел, заполняли весь экран и пропадали. Наконец она отодвинулась от компьютера.

— Жесткий диск в рабочем состоянии, — сказала Хьюи. — Больше никаких физических повреждений не имеется.

— Тогда почему мы не можем прочитать информацию? — спросил Крейн.

Хьюи посмотрела на него.

— Потому что, похоже, все данные стерты.

— Стерты?

Хьюи сняла с лица маску, тряхнула головой и кивнула.

— Судя по электромагнитной характеристике, применялось размагничивающее устройство.

— После пожара?

— Наверняка. Ведь Ашер сам не стал бы этого делать.

— Но зачем? — Крейн был потрясен. — Ведь это бессмысленно. Все знали, что ноутбук испорчен.

— Мне кажется, кто-то хотел подстраховаться.

Крейн медленно вытащил лабораторный табурет и сел. Он тоже снял маску и бросил ее на стол. Доктор вдруг почувствовал себя очень старым.

— Ну что ж, — вздохнул он. — Значит, мы так никогда и не узнаем, что же обнаружил Ашер.

Он глянул на Хьюи. То, что увидел Крейн, озадачило его: Пинг тоже смотрела на него и едва заметно улыбалась. В другое время такую улыбку можно было бы назвать озорной.

— Что такое? — спросил Крейн.

— У меня в рукаве осталась еще пара трюков.

Крейн не спускал с нее глаз.

— О чем вы? Жесткий диск стерт.

— Но это не значит, что информация потеряна.

Крейн покачал головой.

— Не понимаю.

— Когда вы стираете данные на винчестере, вы на самом деле пишете поверх этих данных единицы и нули в случайном порядке. Но дело в том, что, когда пишущая головка записывает эту новую информацию, она использует только необходимый сигнал, чтобы записать новый бит. Так организована работа всех жестких дисков — достаточный сигнал и ничего больше.

— Почему так?

— Чтобы обеспечить неприкосновенность соседних битов. А потом, сигнал недостаточно мощный, чтобы заполнить диск, независимо от того, какая информация там хранилась.

Крейн смотрел на нее, не понимая.

— Допустим, у вас на жестком диске имеется две позиции рядом друг с другом. На первой — ноль, на второй — единица. Потом приходит кто-нибудь и записывает сверху по единице. Получается, что у нас единица в обоих случаях. Но знаете, что происходит на самом деле? Поскольку пишущая головка использует минимум сигнала, место, где раньше быль ноль, реагирует слабее, чем то, на котором была единица.

— Получается, что более старая информация оказывает влияние на ту, которая наложена поверх нее, — произнес Крейн.

— Да.

— И у вас есть способ восстановить данные?

Хьюи кивнула.

— Можно взять абсолютное значение сигнала и вычесть его из того, что в настоящий момент имеется на жестком диске. Таким образом, у нас получается «теневое изображение» предыдущей записи.

— Я и не представлял, что такое возможно. — Крейн помолчал. — Но погодите. Ведь наша информация не просто стерта. Вы сказали, что диск размагничен. Как же вы его восстановите?

— Какое бы устройство ни было использовано, оно, похоже, было не очень мощным — наверное, какая-то самоделка. Или человек, который это сделал, не подумал о том, что диски винчестера немного экранированы. В общем, несильное размагничивание — это все равно что перезаписывание винчестера два, может быть, три раза. А мое оборудование позволяет восстановить данные, которые переписывали вдвое чаще, чем у нас.

Крейну осталось только покачать головой.

— Но это деструктивный процесс. Мы сможем сделать только одну попытку. Кроме того, нам понадобится еще один винчестер, куда можно сбросить восстановленную информацию. Свой я испортила, когда вытаскивала контроллер. — И Хьюи посмотрела на Крейна. — Можно, я возьму ваш?

Крейн улыбнулся.

— Да, лихо вы курочите ноутбуки. Конечно, сейчас я его принесу.

— А я пока начну восстанавливать информацию. — Хьюи отодвинула увеличительное стекло и потянулась к своим инструментам.

— Удачи. — Крейн повернулся и тихо покинул лабораторию.

**41**

Человек, который называл себя Уоллесом, неслышно двигался по лабиринту коридоров переоборудованной платформы «Сторм кинг», направляясь в исследовательский отдел. Шел он быстрее, чем обычно, — только что у себя в каюте он получил по низкочастотному радиоканалу закодированное сообщение, и надо было немедленно передать его тому, кто находится на станции «Глубоководный шторм».

«Лоханка» уходит на дно океана через двадцать минут. Если поторопиться, он как раз успеет.

Добравшись до своей рабочей комнатки, Уоллес включил свет и запер за собой дверь. На столе стоял курьерский мешок, готовый к доставке в приемную зону на самом нижнем уровне платформы. Мужчина открыл его, порылся в содержимом и достал компакт-диск с наклейкой, на которой от руки было написано: «Радиография 001136-001152».

Изображения — как раз то, что ему нужно.

Он вставил диск в компьютер, вывел наугад выбранный снимок на экран. Затем вынул диск, положил его обратно в коробку и вернул на место. Написал коротенькую программку, которая вставит сообщение в самые незначительные биты элементов изображения. Ему хватило пяти минут, чтобы набрать последовательность команд и дважды ее проверить.

Одобрительно хмыкнув, Уоллес нажал кнопку, запускающую программку в работу. На экране появился знак вопроса — требовалось ввести данные. Он аккуратно напечатал сообщение, которое ему было приказано передать. Потом остановился, задержав палец над кнопкой ввода, и перечитал текст:

ЕСЛИ РАБОТУ НЕ ОСТАНОВИТЬ,

УНИЧТОЖЬ СТАНЦИЮ В ТЕЧЕНИЕ СУТОК.

Удовлетворенный, он нажал на кнопку. Фраза исчезла с экрана, наступила короткая пауза — программа переводила фразу в двоичную систему, а потом прятала ее в цифровом коде радиографического снимка. Короткий писк сообщил, что процесс успешно завершился.

Уоллес улыбнулся сам себе.

Открыв ящик, он достал компакт-диск, поставил в компьютер и запустил программу записи подправленного изображения. Пока шла работа, он сидел на стуле, протирая очки полой рубашки. Снимок был небольшим, и через несколько минут операция закончилась. Уоллес вытащил диск и быстро выключил компьютер, уничтожив все следы

своей работы. Взяв новую коробку из открытого ящика, он положил туда диск, черным маркером написал имя адресата и опустил в курьерскую сумку.

Потом встал, забросил мешок на плечо и глянул на часы.

Еще двенадцать минут. Прекрасно. Отперев дверь, он вышел и, насвистывая, отправился в приемную зону к «лоханке».

## 42

Хьюи Пинг дернулась на табурете и уронила на стол отвертку, когда Крейн тихо вошел в лабораторию.

— О господи! — сказала она. — Вы меня до смерти напугали.

— Извините. — Крейн аккуратно закрыл за собой дверь.

— Вас так долго не было. Что случилось?

— Мне пришлось ответить у себя в комнате на несколько сообщений.

Крейн не стал ничего говорить о том, что на обратном пути его минут десять допрашивали у барьера: двое морских пехотинцев очень хотели узнать, где же находится доктор Пинг. Крейн решил, что нет смысла заставлять ее нервничать еще сильнее.

— Как у вас дела? — спросил он, подходя к столу и ставя на него свой ноутбук.

Хьюи трудилась над сложным сооружением, которое, на взгляд неспециалиста Крейна, объединяло несколько лабораторных приборов, перевитых кабельными лентами. В ответ на его вопрос Хьюи отодвинулась от агрегата.

— Закончила последнюю, проверку.

— По мне, так это все как ракетная техника.

— Это и есть ракетная техника. Почти. Магнитометр подключен к аналого-цифровому преобразователю, и оба присоединены к стрипперу. Такая сборка может сделать побитовую копию стертой информации с винчестера доктора Ашера.

Крейн присвистнул.

— Похоже, Ашер хорошо оснастил свои лаборатории. А что, если бы у вас не было таких игрушек?

— Без магнитометра никуда. Без остального можно было бы обойтись, но процесс занял бы гораздо больше времени. — Хьюи потянулась к

своему компьютеру, но остановилась. — Я собираюсь все стереть с вашего жесткого диска. Вы не возражаете?

Крейн пожал плечами.

— Давайте. В любом случае, все мои файлы есть в сети.

Хьюи включила его ноутбук и набрала несколько команд.

— На это уйдет пара минут.

Воцарилось молчание, нарушаемое только потрескиванием винчестера.

— Пока я ходил за компьютером, то вот о чем подумал, — заговорил наконец Крейн. — Кто бы ни размагнитил ноутбук Ашера, он хотел, чтобы открытие начальника отдела научных исследований не стало достоянием общественности.

— Я тоже об этом подумала. Но с другой стороны, человек старался, чтобы и о его операции никто не узнал.

— Именно. Иначе по ноутбуку просто тюкнули бы кувалдой.

— Но кому это нужно? И зачем?

— Саботажник? — предположил Крейн.

— Не похоже. Я не знаю, какие были у него мотивы, но если бы я была саботажником, я бы сама выяснила, что это за информация. — Хьюи встала. — Отлично. Все готово.

Сняв крышку с ноутбука Крейна, она подсоединила один штекер плоского кабеля к винчестеру. Потом включила приборы, что-то настроила и одновременно запустила магнитометр и цифровой стриппер. Комнату наполнил тихий шум.

— Сколько времени на это потребуется? — спросил Крейн.

— Не много. Доктор Ашер, как и вы, основную работу делал в сети. Думаю, на ноутбуке только его личная переписка, какие-нибудь файлы из Интернета и то, что относится к сигналам маячков.

Прошло десять минут; они почти не разговаривали. Хьюи наблюдала за процессом расшифровки, а Крейн, стараясь сдерживать нетерпение, побродил по лаборатории, разглядывая инструменты. Наконец жужжание прекратилось.

— Ну вот. — Хьюи отключила свои устройства, сняла кабель, поставила на место крышку. И повернулась к Крейну. — Готовы?

— Включайте.

Она нажала кнопку питания, и они оба подались вперед, глядя на экран. Какое-то время он оставался черным. Потом раздался писк, и появился видеокадр операционной системы.

— Получилось, — тихо сказала Хьюи.

Крейн слегка сжал ее локоть. И стал смотреть, как она загрузила с одного из своих дисков программу для работы с файлами и начала изучать документы Ашера.

— Кажется, ничего не пропало, — сказала Хьюи. — Потерь информации нет.

— И что там? — спросил Крейн.

— Как я и подозревала. Почта, несколько статей, над которыми он работал. И большая папка под названием «расшифровка».

— Давайте посмотрим.

Хьюи набрала какие-то команды.

— В ней несколько утилит, с которыми я не знакома. Может быть, для перевода или дешифровки сообщений. Есть еще три подкаталога. Один называется «Начальные», другой — «Исходные», а третий — «Результат».

— Давайте посмотрим, что в «Начальных». Хьюи перевела курсор на нужную иконку.

— Тут только один файл, initial.txt. Давайте я его открою.

Она щелкнула мышью, и открылось окно с текстом.

10000001110000000000000000000110000000100000000000000000000000110
000000000000000000000000000110000000000000000000000110000011000
000000000000000000000000000110000000000000000000000000000001100000
000000001000000000000000011000000000000001110000000000000000110000000
000000100000000000000000110000000000000000000000000000000110000000000
000000000100000000000110000000000000000000000000000000011000000110000
0000000000000000011000000000000000000000000011000110000000000000
0000000000000001000001001000000000000000011100010010000000000000
00001000000000000000000000000010010000100000001010000000000000
0000010001000000000000000000000000000000001000000001000000000
0100000000100000000000000100001000100000001000010000000000000010000
00001000100000001000000000000000000010000000000000000000001000000
00001000010000000000000100001000000000100000000100001000000000000
00000000100000000000000100001000000000000000100000000000000000000000
00000000101100000000000000010000010

— Судя по длине, — заметила Хьюи, — это, наверное, самая первая передача, которую обнаружили еще с платформы, — высокочастотный сейсмический всплеск. Тот, что привел нас сюда.

— Вы хотите сказать, что это тот сигнал, который идет из-под Мохо?

— Да. Доктор Ашер, кажется, не пытался его расшифровать.

— Он сосредоточился на тех сообщениях, которые передавали подводные стражи. Послания короче, наверное, с ними легче работать. Я думаю, что они должны храниться в папке «Исходные».

— Посмотрим. — Короткая пауза. — Кажется, вы правы. Здесь около сорока файлов, они гораздо меньше, записаны двоичным кодом.

— Похоже, Ашер и Мэррис из одного только электромагнитного спектра выделили сорок сигналов. Скорее всего, третья папка содержит перевод.

Крейн ощутил волнение.

— Согласна. Давайте взглянем на содержание.

Хьюи двинула курсор по экрану. Открылась новая папка с файлами:

1_trans.txt

2_trans.txt

3_trans.txt

4_trans.txt

5_trans.txt

6_trans.txt

7_trans.txt

8_trans.txt

— Вот они, — сказала Хьюи чуть ли не шепотом.

— Значит, Ашер и Мэррис перевели восемь из сорока сообщений, когда звонили мне. Откройте-ка первое.

Хьюи нажала кнопку мыши. Появилось новое текстовое окно с одной строчкой:

$x = 1/0$

— Погодите, — сказал Крейн. — Тут какая-то ошибка: это старое толкование. Ашер считал, что оно неверно.

— Еще бы. Любой, кто может создать такую сложную вещь, как эти стражи, не может не знать: на ноль делить нельзя.

— Ашер говорил мне, сначала расшифровка шла настолько гладко, что они поняли: где-то погрешность, и потратили не один день, чтобы выяснить, в чем же они ошиблись. Когда Мэррис и Ашер пошли в декомпрессионную камеру, то от этой идеи они отказались и собирались двигаться абсолютно в другом направлении. — Крейн, нахмурясь, глядел на экран. — Это уже не новость. Должна быть еще одна папка.

Наступила пауза — Хьюи проверяла свое оборудование.

— Нет. Только эти.

— Тогда посмотрите другой файл. Может быть, он просто не потрудился стереть первоначальную, неправильную, догадку.

Хьюи открыла файл 2_trans.txt. Открылось еще одно текстовое окно:

$x = 0^0$

— Ноль в нулевой степени? — переспросил Крейн. — Это бред. Так же невозможно, как и деление на ноль.

Тут его осенило.

— Можно проверить дату изменения?

Щелчок мыши.

— Вчера после обеда.

— Все?

— Да.

— Значит, он сохранил их в декомпрессионной камере. Получается, все это новые данные.

Крейн погрузился в молчание, а Хьюи проверяла остальные шесть файлов. Одно за другим появлялись простые математические выражения, и все они противоречили логике.

$a^3 + b^3 = c^3$

$\pi = a/b$ $x = \ln(0)$

— *A* в третьей степени плюс *b* в третьей степени равно *c* в третьей? — Хьюи покачала головой. — Нет чисел, которые удовлетворяли бы такому условию.

— А натуральный логарифм нуля? Это же невозможно. А π — число неизменное. Его нельзя определять как частное двух чисел.

— Однако получается, что доктор Ашер был прав. По поводу расшифровки, я хочу сказать.

— Он просто так думал. Но это не имеет никакого смысла. Зачем подводные стражи передают недопустимые математические выражения? И почему считают их настолько важными, что ведут трансляцию на каждой известной частоте? Мне кажется…

Крейн вдруг замолчал. Из коридора послышались приглушенные голоса, звуки поспешных шагов.

Он обернулся к Хьюи. Она смотрела на него округлившимися от страха глазами.

Доктор указал в дальнюю часть комнаты.

— В кладовку. Скорее.

Она подбежала к двери, открыла ее, проскользнула внутрь. Шлепнув ладонью по рычажку, Крейн выключил свет и поспешил за девушкой со всей возможной скоростью и осторожностью. В последнюю минуту он остановился, вышел из кладовки и снял с крюка огнезащитную ткань.

Шаги приближались.

Крейн набросил ткань на стол, расправив ее над компьютерами и оборудованием. Потом бегом вернулся обратно. Когда он закрывал за собой дверь, скрипнула ручка, и через миг открылся выход в коридор.

Крейн выглянул в вентиляционную решетку в двери кладовки. На пороге лаборатории стояли два морских пехотинца — их силуэты четко обрисовывались на фоне освещенного проема.

Один из них включил свет. Крейн отпрянул назад. На своей шее он ощущал горячее прерывистое дыхание Хьюи.

Раздались шаги — это солдаты вошли в комнату. И опять тишина.

Медленно, очень осторожно Крейн опять подался вперед, так, чтобы одним глазом заглянуть сквозь решетку. Он увидел, что морпехи стоят у стола, внимательно оглядывая комнату.

— Никого, — сказал один. — Посмотрим в соседней.

— Секунду, — ответил второй. — Сначала я хочу кое-что проверить.

И с неспешной осмотрительностью шагнул к кладовке.

**43**

Крейн слился с темнотой. Хьюи у него за спиной затаила дыхание. Доктор опустил руку, нашел ее ладошку и крепко сжал.

Тонкие лучики света, проходившие сквозь решетку, потускнели — их заслонила фигура подходившего к двери человека. Он был у самой двери.

И вдруг пискнуло радио. Послышалось шуршание, человек нажал кнопку.

— Барбоса. — Голос раздался так близко, словно звучал в самой кладовке. Молчание. Потом: — Есть, сэр!

— Идем, — сказал морпех по имени Барбоса.

— Что такое? — спросил другой, стоявший у стола.

— Это Королис. Они засекли сигнал.

— Где?

— Отсек утилизации. Идем.

Раздался звук удаляющихся шагов, дверь закрылась, и наступила тишина.

Крейн понял, что сдерживает дыхание. Он перевел дух; выдох получился длинный, прерывистый. Потом отпустил руку Хьюи и повернулся к ней.

— Ушли.

Хьюи молча кивнула, глядя на него расширенными от испуга глазами, поблескивающими в полумраке.

Они молчали еще минут пять. Крейн ощущал, как сердцебиение медленно успокаивается. Наконец он положил руку на дверь кладовки и осторожно толкнул ее. Ноги у него еще подгибались, когда он подошел к выключателям и включил верхний свет.

Хьюи шагнула к лабораторному столу и сняла ткань с инструментов и компьютеров, действуя механически, словно в полусне.

— А что теперь? — спросила она.

Крейн заставил себя вернуться к делу.

— Продолжаем.

— Что продолжаем? Мы просмотрели все данные. Это просто набор невозможных математических выражений.

— А тот файл, initial.txt? Длинный, который транслируется из-под Мохо. Вы уверены, что на компьютере нет его расшифровки?

Хьюи покачала головой.

— Как вы сами заметили, похоже, доктор Ашер обратился к более коротким сигналам, от маячков.

Крейн помолчал. Потом повернулся к компьютеру.

— Что мог обнаружить Ашер? — заговорил он тихо, словно размышляя вслух. — Он был вне себя от возбуждения, когда звонил мне из кислородной камеры. Что-то здесь должно быть.

Он снова обратился к Хьюи:

— Вы можете восстановить его последние действия?

Она нахмурилась.

— Что вы имеете в виду?

— Проверить время сохранения каждого документа. Вычислить, что он делал перед тем, как позвонить мне.

— Конечно. Я выведу список всех файлов, рассортированных по времени изменения.

Хьюи повернулась к компьютеру, открыла окно поиска и быстро набрала команду.

— Большинство данных, которыми он оперировал, лежат в папке «Расшифровка». — Хьюи указала на экран. — Но в последние пятнадцать минут доктор Ашер, похоже, работал в Интернете.

— Неужели?

Хьюи кивнула.

— Я открою браузер, посмотрю историю запросов.

Она застучала клавишами.

Крейн задумчиво потер подбородок. «Мы сможем выйти в местную беспроводную сеть», — говорил Ашер своему криптологу, Мэррису, когда они отправились в декомпрессионную камеру. Похоже, что к сети они подключались… но зачем?

— Вот список сайтов, которые они посетили, — сказала Хьюи.

Она отодвинулась, освобождая Крейну место. Он наклонился к экрану. Список состоял из десятка web-страниц, в основном принадлежащих официальным правительственным организациям.

— Несколько сайтов Агентства защиты окружающей среды, — пробормотал он. — Комиссии ядерного надзора. Проект «Гора Окотилло».

— Хронологический список, — сказала Хьюи. — Последние страницы внизу.

Крейн просмотрел оставшуюся часть списка.

— Департамент по энергетике. Опытная установка утилизации отходов. Это самый последний.

Он смотрел на экран. И вдруг все понял.

— О господи, — ахнул он.

Догадка прожгла себе путь, словно раскаленная магма.

— Что такое? — спросила Хьюи.

Он стремительно повернулся к ней.

— Здесь можно подключиться?

Хьюи молча вытащила кабель из своего ящика и подсоединила ноутбук к местной беспроводной сети. Крейн навел курсор на последнюю ссылку

в списке и нажал на кнопку мыши. Открылось новое окно, представив их взглядам официальный сайт, набранный мелким шрифтом, увенчанным шапкой Департамента по энергетике и крупным заголовком:

«ОУУО — опытная установка утилизации отходов.

Карлсбад, Нью-Мексико».

— Оууо, — очень тихо произнесла Хьюи.

— Вот что Ашер говорил. Он имел в виду установку утилизации отходов.

— А что это?

— Это цепочка огромных пещер внутри гигантского соляного пласта глубоко под землей в районе пустыни Чихуахуа в Нью-Мексико. Шесть миллионов кубических футов подземных хранилищ. Очень, очень уединенное место. В нашей стране это будет первый склад трансурановых отходов.

— Трансурановых отходов?

— Радиоактивных. Побочных продуктов холодной войны и гонки ядерных вооружений. Всех, начиная от инструментов и защитных костюмов и до космических батарей, которые светятся излучением от плутония и других элементов тяжелее урана. Сейчас это хранится на разных базах. Но есть план свезти все ненужное в одно, новое место и поместить глубоко под пустыней. — Крейн посмотрел на девушку. — А гора Окотилло — тщательно охраняемый объект на юго-востоке Калифорнии, естественное геологическое хранилище для отработанного ядерного топлива и устаревшего оружия массового поражения.

Он повернулся к экрану.

— Я посещаю медицинские конференции, посвященные угрозе, которую представляют отходы атомной энергетики и вооружение, снятое с боевого дежурства. Куда девать эти смертоносные вещества — большая проблема. Поэтому появляются такие склады, как гора Окотилло и Карлсбад. Но какая здесь связь с проектом «Глубоководный шторм»? На что намекал Ашер?

Они помолчали.

— Он еще что-нибудь говорил? — спросила Хьюи. — Когда звонил вам?

Крейн попытался вспомнить.

— Он сказал, что нашел общее направление. И еще добавил, что совершенно, абсолютно необходимо, чтобы мы не...

Он внезапно замолчал.

— Что «не»? Не копали дальше?

— Не знаю. Я постоянно об этом думаю.

И вдруг Крейн все понял. И почти физически ощутил, как его наполняет смесь ликования и страха.

— О боже, — пробормотал он.

— Что такое?

Он повернулся к Хьюи.

— Установка по утилизации отходов? Гора Окотилло? Да это как раз то, что под нами.

Хьюи побледнела.

— Вы думаете…

— Именно так. Мы все время предполагали, что какая-то родственно настроенная, старшая по отношению к людям раса спрятала глубоко в земной коре некую чудесную технику, которую человечество может найти, только когда достигнет нужного уровня развития и сможет ею воспользоваться. Но все совсем не так. На самом деле Землю использовали как свалку оружия или токсичных отходов — невообразимо опасных, если задуматься о том, как далеко в технологическом смысле продвинулись наши друзья из созвездия Лебедя.

— Это то, что хотел сказать вам Ашер?

— Наверняка. Другого ответа нет. Та вещь, что лежит под Мохо и к которой Спартан так поспешно копает тоннель, — это бомба с часовым механизмом.

Крейн помолчал, лихорадочно думая.

— Медицинская конференция — я о ней упоминал. Найти место для хранения ядерных отходов или продуктов гонки ядерных вооружений — только полдела. Настоящая проблема в том, что эти вещества останутся радиоактивными на время, превышающее всю письменную историю человечества. Как же предупредить тех, кто будет жить через десять тысяч лет, что им следует держаться подальше от Карлсбада или горы Окотилло? Цивилизация в том виде, в каком мы ее знаем, изменится целиком и полностью. Поэтому департамент по энергетике снабжает все места захоронений приспособлениями «пассивного режимного контроля», как они их называют.

— Предупреждающие маячки?

— Вот именно. Даже не одного типа, а самые разнообразные. Картинки, символы, тексты. Чтобы сообщить нашим потомкам: здесь опасно и совсем не случайно все столь надежно изолировано. Обсуждался и активный контроль.

Хьюи помолчала.

— Но откуда вы можете знать, что под нами — столь же смертоносные вещи?

— Разве вы не понимаете? Эти подводные стражи, которые мы нашли, пока копали тоннель, служат той же самой цели. Это тот же «режимный контроль» своего рода. И сигналы, которые они посылают, — предупреждение.

— Да это же просто математические выражения.

— Но задумайтесь, какого рода! Они невозможны. Когда Ашер расшифровал первое сообщение и решил, что ошибся, знаете, что он сказал? «Деление на ноль запрещено всеми законами Вселенной». И ключевое слово здесь «запрещено». Все выражения, которые они передают — ноль в нулевой степени и остальные, — они все запрещены.

— Потому что существа, составлявшие их, не могли прибегнуть к языковым сообщениям.

— Именно. Язык может меняться, но математические формулы универсальны. — Крейн покачал головой. — Да, а еще Флайт с его разговорами об иррациональных числах. Он был даже более прав, чем сам думал.

— Кто?

Крейн тихо рассмеялся.

— Неважно.

Хьюи задумалась.

— А почему они начали с одного выражения, а потом стали передавать тысячи?

Крейн пожал плечами.

— Вероятно, они считали, что деление на ноль — самое простое, фундаментальное, а значит, самое доходчивое. Возможно, мое прикосновение запустило новую программу в работе подводного стража. Или тот факт, что мы не перестали копать, показал этим устройствам, что мы не поняли намека и нам нужны пояснения.

Он резко повернулся и шагнул к двери. Его вдруг наполнило ощущение неотложной срочности — с каждой минутой землеройное устройство подводило их все ближе к немыслимой опасности.

— Что вы собираетесь делать? — спросила Хьюи.

— Вы видите перед собой человека, который все-таки понял их намек.

Страх вернулся на лицо Хьюи.

— А я? Куда мне идти?

— Оставайтесь здесь. Это не более опасно, чем в любом другом месте, а может, даже и лучше, ведь его уже обыскали. — Крейн опять взял ее за руку, ободряюще пожал. — Я вернусь за вами, и скоро.

Хьюи сделала глубокий вдох, стараясь успокоиться.

— Хорошо. Может быть, я гляну еще раз на первое сообщение. То, которое доктор Ашер не смог перевести.

— Отличная идея, — улыбнулся Крейн.

Он подошел к двери, остановился, прислушался и быстро выскользнул в коридор.

## 44

Адмирал Спартан поднялся и молча глядел на Крейна. Они стояли в тихом уголке поста управления, и свет пробивался только из длинного окна, выходящего в ангар бурового комплекса. Тусклых лучей не хватало, чтобы увидеть выражение лица адмирала.

Крейн бросил взгляд через плечо, посмотрел на техников и инженеров, сидящих за пультами. Потом глянул в ангар. Команда рабочих в оранжевых комбинезонах готовила одну из двух оставшихся сфер к спуску в шахту. Даже отсюда, с высоты, было заметно, какое напряжение сгустилось внизу: осталась всего пара дней, а может быть, и часов до того момента, как они достигнут Мохо, и любое из немногих оставшихся погружений к рабочему участку может стать триумфальным.

Крейн снова посмотрел на Спартана.

Адмирал, кажется, только что отвлекся от тяжелых раздумий. Он сцепил руки за спиной.

— Позвольте, я спрошу напрямую. Значит, все эти проблемы — загадочные болезни, психологические расстройства — все это результат сигнала?

— Это тот же цифровой код, который подводные стражи транслировали сначала на световых волнах. Только данный вид сообщения передается таким способом, какой наша технология пока не может уловить. И он вызывает аномально высокие пики дельта-волн в мозгу. Понимаете, мозг работает на электричестве, — начал объяснять Крейн. — Когда электрические импульсы идут неправильно, они задевают вегетативную нервную систему. Это, в свою очередь, может вызывать тошноту, зрительные аберрации, аритмию, все неврологические симптомы, какие мы тут наблюдаем. Также она влияет на лобные доли мозга. А это уже вызывает проблемы с памятью и концентрацией внимания, перемены в характере, даже психотические состояния.

— Как мы можем это исправить? Как уменьшить последствия?

— Влияния сигнала? Мы даже не можем его отследить, не говоря уже о том, чтобы понять, каким образом он генерируется. Единственное решение — уклоняться от его воздействия. Остановить работы, поднять людей на поверхность, подальше от источника.

Спартан сделал едва заметное нетерпеливое движение головой.

— И этот код — математическое выражение?

— Ашер расшифровал несколько сигналов. Все — математические выражения, причем совершенно невозможные.

— То есть вы говорите, что это предупреждение?

— Они запрещены законами природы. Как еще можно сообщить об опасности, если нельзя пользоваться языком?

— Как еще, доктор? Использовать что-то более выразительное. Более доходчивое.

Крейн решил, что в голосе адмирала послышалось сомнение.

— Кто бы ни поместил эти предметы под Мохо, кто бы ни создал подводных стражей, это сделали существа, намного опередившие нас в техническом развитии. Кто докажет, что они не передают сигналы, которые, как вы говорите, более выразительны, а мы просто не в состоянии их обнаружить?

Спартан пожевал губами.

— Значит, мы — гордые владельцы межзвездной свалки космических отходов. Или места захоронения оружия массового уничтожения, сложенного здесь после гонки вооружений на неизвестной планете.

Крейн не ответил. Молчание затягивалось. За спиной он слышал негромкое гудение голосов, пощелкивание клавиш.

Адмирал наконец медленно выдохнул.

— Простите, доктор, но мне все это кажется очень надуманным. Я даже начинаю задавать себе вопрос: а как ведут себя ваши собственные дельта-волны? Чуждая цивилизация использует Землю для хранения отходов и посылает сигналы, чтобы предупредить нас.

— Нет. Мы им безразличны, это доказывают сообщения тех, кто стал свидетелем захоронения объекта. Мы для них — букашки. Цивилизация, которая это сделала, зародилась на химически чуждой нам планете в среде из метана и серной кислоты. Кислород и водород, наверное, для них ядовиты. Им нет до нас никакого дела, для них Земля — бесполезная планета, а мы слишком примитивны, чтобы заслужить их внимание. И это сообщение мы обнаружили по чистейшей случайности. Они-то беспокоятся о цивилизациях, куда как более развитых. И предупреждают их, чтобы держались подальше от Земли.

Спартан не отвечал.

Крейн помолчал и вздохнул.

— Вы правы. Это все слишком надуманно. Нет никакого способа убедительно доказать, что именно там находится, пока не проникнешь в Мохо. Но это то же самое, что говорить о гранате, будто она надуманна, пока не снята чека.

Адмирал по-прежнему хранил молчание.

— Послушайте, — продолжал Крейн, слыша в собственном голосе тревогу. — Я не знаю точно, что там такое внизу, но я уверен, что это нечто смертоносное. Неужели стоит подвергать опасности всю Землю, чтобы узнать это? Потому что ставки могут оказаться высоки именно настолько.

Спартан наконец собрался с мыслями.

— Вы уверены?

— Готов поставить свою жизнь на кон.

— И столь же убеждены, что информация на винчестере в компьютере Ашера была стерта намеренно?

Крейн кивнул.

— Похоже, ваши таланты простираются гораздо дальше медицины. Неужели вам удалось восстановить информацию самому?

Крейн ответил не сразу.

— Мне помогли.

— Понятно. — Адмирал Спартан посмотрел на него непроницаемым взглядом. — Вы, случайно, не знаете, где Хьюи Пинг?

Крейн постарался, чтобы голос звучал спокойно.

— Не имею представления.

— Ладно. Благодарю вас, доктор.

Крейн моргнул.

— Простите?

— Можете идти. Я сейчас занят.

— Но то, что я вам сказал…

— Я обдумаю.

Крейн ошарашенно уставился на Спартана.

— Обдумаете? Еще одно-два погружения — и будет слишком поздно что-либо обдумывать. — Он помолчал. — Адмирал, опасность нависла не просто над вашим заданием, не над оборудованием в шахте. Под угрозой жизнь всех, кто находится сейчас на станции. Вы ведь имеете обязательства и перед ними тоже. Даже если есть совсем небольшой шанс, что я прав, вы ради них должны исследовать мое открытие. Просто потому, что иначе все мы очень сильно рискуем.

— Вы свободны, доктор Крейн.

— Я сделал свою работу — разгадал эту загадку. Теперь дело за вами! Прекратите эти дурацкие раскопки, спасите станцию, или я…

Врач не сразу понял, что возвысил голос и лица присутствующих поворачиваются к ним. Он резко оборвал себя.

— Или вы сделаете… что? — спросил Спартан тихо.

Крейн не ответил.

— Я рад услышать, что вы закончили работу. А сейчас предлагаю вам добровольно покинуть буровой комплекс, доктор. До того, как я прикажу вооруженной охране вас выпроводить.

Крейн какое-то время стоял неподвижно, прикованный к месту гневом и потрясением. Потом, не говоря ни слова, он сделал резкий поворот кругом и вышел из помещения поста управления.

Мишель Бишоп сидела у стола в своем аккуратном кабинете. Она внимательно рассматривала рентгеновский снимок на мониторе — темно-русые волосы падали ей на лицо, а подбородок покоился на тщательно наманикюренных ногтях. Снаружи, в медпункте, стояла глубокая тишина.

Нарушив покой, в нескольких дюймах от ее локтя зазвонил телефон. Бишоп подскочила на стуле от неожиданности. Потом протянула руку к трубке.

— Медпункт. Бишоп.

— Мишель? Это Питер.

— Доктор Крейн?

Она нахмурилась. Да, это был он, но его обычно флегматичный, чуть ли не ленивый голос звучал возбужденно, словно Крейн сбился с дыхания. Доктор Бишоп нажала кнопку отключения питания на мониторе и, когда экран стал черным, откинулась на спинку стула.

— Я во временном госпитале на четвертом уровне. И мне нужна ваша помощь. Срочно.

— Хорошо.

Молчание.

— С вами все нормально? Судя по голосу, вы чем-то… озабочены?

— Я в порядке, — ответила Бишоп.

— Назревает кризис. — Опять пауза, на этот раз длиннее. — Послушайте. Я пока не могу вам рассказать все. Но там, внизу, под нами — вовсе не Атлантида.

— Я уже и сама догадалась.

— Я обнаружил, что мы роем шахту к объекту, который несет страшную опасность.

— Что же это?

— Не могу вам сказать. Не сейчас, по крайней мере. Но время терять нельзя. Так или иначе, нам надо убедить Спартана остановить работы. Послушайте, мне надо, чтобы вы сделали следующее: назовите мне ученых и лаборантов — тех, кого лучше всего знаете. Разумных, тех, кто не служит в армии, рассудительных людей, которым вы можете доверять, которые хорошо знают друг друга. Вам какие-нибудь имена в голову приходят?

Она ответила не сразу.

— Да. Джин Вандербильт, руководитель океанографических исследований. А у нас, в медицинском…

— Отлично. Позвоните мне на мобильный, когда соберете их. Тогда я приду и все объясню.

— Питер, что происходит? — спросила Бишоп.

— Я вычислил. Понял, отчего болеют сотрудники на станции. Я сказал им, но они не стали меня слушать. Когда вы соберете людей, я расскажу больше. Если мы не сможем убедить Спартана, нам придется передать сигнал на поверхность, сообщить о том, что здесь происходит, добиться, чтобы там подключили правительство. Вы сможете это сделать?

Она не ответила.

— Мишель, послушайте. Я знаю, что мы с вами далеко не во всем соглашались друг с другом. Но сейчас мы говорим о безопасности всей станции, а может быть, даже о большем. Теперь Ашера нет, и мне нужна поддержка его ученых, тех, кто верил в него и в его подход. Команде Спартана осталось до цели всего несколько дней, а может, и того меньше. Мы же с вами врачи, мы давали клятву. Мы должны заботиться о людях и следить, чтобы с ними ничего дурного не случилось. Или хотя бы постараться. Вы поможете мне?

— Да, — пробормотала она.

— Сколько вам нужно времени?

Бишоп молчала, разглядывая свой кабинет.

— Не много. Минут пятнадцать, может быть, полчаса.

— Я знал, что вы мне не откажете.

Она слегка прикусила губу.

— Значит, адмирал не собирается прекращать работы?

— Вы же знаете Спартана. Я уговаривал его, как мог.

— Если он сам не согласится, никто не сможет его переубедить.

— Мы должны попытаться. Послушайте, перезвоните мне, хорошо?

— Ладно.

— Спасибо, Мишель.

Телефон вдруг замолчал. В кабинете снова воцарилась тишина. Бишоп сидела на стуле, не двигаясь, и, наверное, целую минуту смотрела на телефонную трубку в руке. Затем медленно положила ее на место, сохраняя на лице задумчивое, даже какое-то покорное выражение.

## 46

По стандартам станции, каюта адмирала Спартана на одиннадцатом уровне была относительно просторной, а скудная мебель заставляла ее казаться еще больше. Целый комплекс комнат — кабинет, спальня, зал совещаний — оформлен в суровом военном стиле. Вместо картин на стенах расположились грамоты. Рядом с отполированным до блеска столом висел склоненный американский флаг. Одинокая книжная полка за ним содержала многочисленные флотские уставы и руководства по стратегии и тактике. Кроме того, приоткрывая окошко в частную жизнь адмирала, на полке помещался с десяток переводов античных текстов — «Анналы» и «История» Тацита, «Стратегикон» императора Маврикия, «История Пелопоннесской войны» Фукидида.

Королис видел это и раньше. Его здоровый глаз все это заметил, а второй тем временем шарил в близоруком тумане. Коммандер тихо закрыл за собой дверь и прошел вперед.

Адмирал стоял в центре комнаты спиной к Королису. На звук шагов он обернулся. И теперь Королис в удивлении отступил. Он увидел, что за плечом Спартана висит один из подводных стражей, которые они нашли в шахте. Предмет мирно парил посреди комнаты, и тусклый белый лучик указывал на воздуховод, идущий по потолку. Адмирал явно изучал артефакт.

Коммандер подумал, что удивляться, наверное, нечему. Уже не первый день адмирал вел себя несколько странно. Обычно Спартан принимал все его, Королиса, рекомендации автоматически, без возражений. Но в последнее время адмирал не давал ему и слова сказать, почти силком заставляя заниматься другими делами. Например, велел посадить Пинг под замок.

Перемены в его поведении, похоже, начались с того времени, когда случилось происшествие со Сферой-один. Или адмирал тоже испытывает воздействие…

Но Королис решил не додумывать эту мысль до логического завершения.

Спартан кивнул коммандеру:

— Присаживайтесь.

Королис прошел мимо подводного стража, не обращая на него больше никакого внимания, и сел на один из двух стульев перед большим столом адмирала. Спартан обошел вокруг дальнего конца стола и медленно опустился в свое кожаное кресло.

— Все идет согласно графику, — сказал Королис. — Вообще-то даже со значительным опережением. Теперь, когда технологию немного изменили, этих... затруднений больше нет. Конечно, работа в ручном режиме с проверкой контрольных сумм для самых важных процессов несколько замедляет проходку, но это более чем компенсируется отсутствием ксенолитов в породе и...

Спартан поднял руку, прервав Королиса в середине фразы.

— Достаточно, коммандер.

И снова Королис не мог не удивиться. Он решил, что адмирал вызвал его, как всегда, чтобы выслушать отчет о ходе бурения. Скрывая замешательство, коммандер взял со стола пресс для бумаг — тяжелую металлическую планку, сувенир с фрегата «Виджилант», участвовавшего в боевых действиях в Войне за независимость, и повертел его в руках.

Наступила недолгая пауза. Спартан пригладил тяжелой рукой свои черные с проседью волосы.

— Когда Сфера-два должна подняться с участка?

— Расчетное время прибытия — двадцать один час. — Королис положил на место планку, посмотрел на часы. — Через полтора часа.

— Пусть на точке приема проведут стандартные проверки. Потом поставят Сферу-два на место. А экипажу Сферы-три прикажите ждать дальнейших распоряжений.

Королис нахмурился.

— Правильно ли я вас понял, сэр? Спуск Сферы-три отложить?

— Верно.

— На сколько?

— Пока не могу вам сказать.

— Что случилось? Вы получили какие-то инструкции из Пентагона?

— Нет.

Коммандер облизнул губы.

— Прошу прощения, сэр, но если придется отзывать людей с участка, я бы хотел узнать причину.

Спартан, кажется, задумался.

— Я встречался с доктором Крейном.

— С Крейном?

— Он считает, что обнаружил, почему заболевает персонал.

— И?

— Это связано с сигналами, получаемыми из источника. Он готовит доклад, и мы скоро узнаем все подробности.

Королис помолчал.

— Боюсь, не совсем вас понимаю. Даже если Крейн прав, какая связь между причиной заболеваний и проходкой шахты?

— В ходе своих исследований он сделал еще одно открытие. Он расшифровал получаемые сигналы.

— Расшифровал… — повторил коммандер.

— Он считает, что это предупреждение.

— Ашер тоже так думал. А Крейн вечно был у него на посылках. Но доказательств у них не было.

Адмирал проницательно глянул на Королиса.

— Наверное, сейчас есть. Занятно, что вы упомянули Ашера. Как оказалось, именно информация с его ноутбука и помогла все это выяснить.

— Это невозможно! — не сдержавшись, выпалил офицер.

— Неужели? — Голос Спартана стал мягче, даже ласковей. — А почему?

— Потому… потому что он сильно обгорел. Компьютер, скорее всего, не работал.

— Выяснилось, что это не из-за пожара. По словам Крейна, кто-то попытался размагнитить жесткий диск.

Королис не сводил с адмирала настороженного взгляда.

— Вы, видимо, что-то об этом знаете?

— Конечно нет. Но мне кажется, что в любом случае Крейну вряд ли удалось получить информацию с жесткого диска. Ноутбук очень пострадал от огня.

— Крейну помогли.

— Кто?

— Он не сказал.

— По мне, все это довольно сомнительно. Откуда вам знать, что он все это не придумал?

— Если так, то он не стал бы ждать столько времени, чтобы поговорить со мной. Кроме того, я не совсем понимаю, зачем Крейну это делать. Да и в любом случае его доводы убедительны, что внушает тревогу.

Королис понял, что он взволнованно дышит. Почувствовал, как по телу пробежал неприятный холодок и через миг сменился ощущением жара. На лбу выступил пот.

Он подался вперед на стуле.

— Сэр, — начал он. — Я должен вас попросить еще раз обдумать свое решение. До Мохо нам осталось пройти одну-две смены.

— Значит, коммандер, тем больше у нас причин быть осторожными.

— Сэр, мы так близко! Мы просто не можем останавливаться!

— Вы же видели, что произошло со Сферой-один. Нам потребовалось полтора года, чтобы дойти до того уровня, где мы сейчас копаем, и я не хочу подвергать опасности весь проект. День-два ничего не изменят.

— Сейчас важен каждый час. Кто знает, что против нас замышляют иностранные правительства? Нам надо добраться туда поскорее и взять находку. Раньше, чем саботажник устроит еще что-нибудь.

— Я не стану рисковать всей экспедицией, предпринимая неразумные или поспешные действия.

— Сэр! — вскричал Королис.

— Коммандер!

Спартан лишь слегка возвысил голос, но эффект был потрясающий. Королис с трудом сдержался, по-прежнему часто и неглубоко дыша.

Адмирал пристально смотрел на него.

— Вы не очень хорошо выглядите, — ровным голосом произнес адмирал. — Я начинаю беспокоиться, не затронула ли и вас та болезнь, что распространяется по станции.

Услышав эти слова, по странной иронии столь близкие к его собственным опасениям по поводу Спартана, Королис ощутил приступ сильного гнева. Он никому не говорил о том, что недавно у него начались головные боли, которые становятся все чаще и сильнее. Конечно, это просто от напряжения. Королис с какой-то яростью схватился за ручки кресла.

— Поверьте, я и сам не меньше вас хочу добраться до источника сигналов как можно скорее, — продолжал адмирал. — Но мы сами пригласили сюда доктора Крейна. Я помог выбрать именно его. И теперь мне ничего другого не остается, как прислушаться к его словам. Я считаю нужным собрать группу самых известных военных исследователей, чтобы проверить его выводы. На этом пока и остановимся. А вас я попрошу обратиться к доктору Бишоп с…

Неожиданным движением, отчасти инстинктивным, отчасти осознанным, Королис выпрыгнул из кресла, схватил со стола тяжелую планку и ударил Спартана в левый висок. Лицо адмирала посерело, глаза закатились под лоб, так что остались видны одни белки, он выпал из кресла и мешком рухнул на пол.

Целую минуту Королис стоял над ним, хрипло дыша. Потом, успокоившись, положил планку на место, пригладил рубашку на груди. Глянул на телефон, немного помедлил, собираясь с мыслями, потом поднял трубку и быстро набрал номер.

На его вызов ответили после второго звонка.

— Вобурн.

— Командир.

— Да, сэр! — Королис представил, как старшина встает по стойке «смирно».

— С адмиралом Спартаном произошел психический приступ. Он не в себе. Таким образом, командование принимаю я. Пожалуйста, поставьте пост у дверей каюты адмирала.

— Так точно, сэр.

— И приходите ко мне в буровой комплекс как можно скорее.

— Есть, сэр.

Абонент отключился. Королис задумчиво оглядел кабинет. Потом бесшумно прошел по комнате, открыл дверь, вышел в коридор и запер за собой дверь на замок.

**47**

Когда в кабинете у Роджера Корбетта зазвонил телефон, психиатр записывал историю болезни пациента, который только что посетил его с жалобами на приступы паники и боязнь открытого пространства.

— Доктор Корбетт.

— Роджер? Это Питер Крейн.

— Привет, Питер. Ты, наверное, хочешь сказать, что мой храп слышно через ванную?

Но Крейн, похоже, не был настроен поддерживать легкомысленные разговоры.

— Я жду звонка от Мишель. Не знаешь, где она?

— Нет, я ее не видел.

— Она должна была связаться со мной сорок минут назад. Я звоню ей на мобильный, но она не отвечает. Я уже начал беспокоиться.

— Может, я смогу ее найти. Тебе еще чем-нибудь помочь?

Крейн помолчал.

— Нет, Роджер, спасибо. Просто постарайся, пожалуйста, разыскать Мишель.

— Хорошо.

Корбетт положил телефонную трубку, встал, вышел из кабинета и отправился по коридору.

В приемной сидели четыре человека. Это само по себе было очень необычно: Бишоп умеет все очень четко организовать и больше одного пациента никогда не видно. Корбетт зашел за стойку к регистратору. Его интерн-психиатр, мрачно-серьезный молодой человек, сидел рядом с медсестрой и заполнял заявку на лекарства.

— Не знаете, где доктор Бишоп? — спросил Корбетт.

Брайс покачал головой.

— Нет, извините.

— Она вышла примерно час назад, — ответила сестра.

Корбетт повернулся к ней.

— Она не сказала куда?

— Нет, доктор.

Корбетт задумчиво потер подбородок, разглядывая приемную. Потом вернулся к себе в кабинет. Выведя на экран карманного компьютера телефонный справочник, глянул номер и поднял трубку.

— Служба слежения, Волвертон, — послышался хриплый голос.

— Это доктор Корбетт, медицинский пункт. Мне нужно, чтобы вы проследили перемещения доктора Бишоп.

— Ваш пароль, доктор.

Корбетт назвал комбинацию. В телефонной трубке послышался тихий перестук клавиш. Потом раздался голос Волвертона.

— Она сейчас в зоне управления климатической системой на восьмом уровне.

— Климатической установкой? — вслух удивился Корбетт.

— Еще какие-нибудь просьбы будут, доктор?

— Нет, спасибо.

Корбетт медленно повесил телефонную трубку. Потом взял свой мобильник, остановившись ненадолго в приемной, сказал Брайсу, что тот остается за старшего, и вышел из медпункта.

Зона управления климатической системой занимала большую безлюдную территорию из нескольких тускло освещенных отсеков в самом конце восьмого уровня. Там стояли теплообменники, компрессоры, установки увлажнения и прочие устройства, предназначенные для того, чтобы воздух на станции был по возможности приятным для дыхания и не содержал микробов. Хотя полы и стены дрожали от работы десятка турбин, в самих помещениях было на удивление тихо. Настороженное, чуткое безмолвие показалось Корбетту давящим. Он открыл рот, чтобы позвать Бишоп, но что-то в этой тишине заставило его передумать. Он неслышно прошел через первый отсек во второй, а потом и в третий.

В самом дальнем секторе тесно располагались огромные воздуховоды и закованные в стальные кожухи фильтровальные станции, поднимавшиеся от пола до потолка. Здесь было еще темнее, чем в предыдущих двух отсеках, и Корбетт медленно пробирался между трубами, глядя по сторонам. Может, Бишоп уже ушла? Или дежурный

на станции слежения ошибся и она сюда вообще не заходила? Все же это совсем неподходящее место и…

И тут Корбетт увидел ее. Повернувшись к нему спиной, она стояла на коленях у переборки в дальнем конце помещения, совершенно поглощенная своим делом. Сначала Корбетт решил, что доктор Бишоп оказывает первую помощь пострадавшему, но потом, прищурившись, чтобы лучше видеть в тусклом свете, он понял: то, что он принял за тело, на самом деле — огромный походный мешок из черного нейлона. Корбетт приблизился. Странно — локти женщины в белом лабораторном халате ходили вверх-вниз, словно она делала непрямой массаж сердца. Озадаченный Корбетт нахмурился. Судя по едва слышному кряхтению, работа давалась Мишель нелегко.

Корбетт еще немного придвинулся. Теперь он мог заглянуть ей через плечо. Она разминала длинный брусок из материала, похожего на глину, растягивая его в толстый жгут длиной фута в два.

Еще два таких же были прилеплены к переборке рядом с ней.

Не успев сдержаться, Корбетт шумно вдохнул. Бишоп, выронив брикет, вскочила на ноги, резко развернувшись к нему.

— Так это вы саботажник, — догадался Корбетт. — Тот, который пытался разрезать купол.

Ноздри женщины шевельнулись, но она промолчала.

Корбетт понял, что надо как-то действовать — бежать, звать на помощь, но он чувствовал себя оглушенным, даже парализованным от внезапного потрясения.

— Что это? — проговорил он. — Пластиковая взрывчатка?

Бишоп снова не ответила.

Корбетт растерялся. Ведь несмотря на то, что они проработали столько месяцев бок о бок, он знал о Мишель Бишоп очень мало. И все равно не верил своим глазам. «Не может быть, не может. Наверное, это ошибка».

— Что вы делаете? — спросил он.

И она наконец заговорила:

— Я думала, и так понятно. Южная разгрузочная труба проходит как раз по другую сторону этой переборки.

Услышав ее голос, признание предательства из ее собственных уст, Корбетт освободился от умственного ступора.

— Но ведь разгрузочные трубы наполнены морской водой. Вы хотите взорвать корпус! Затопить станцию!

Он сделал шаг назад.

— Стоять!

Ее тон заставил Корбетта замереть на месте.

— Зачем вам это?

Он словно невзначай завел руки за спину.

Бишоп не ответила. Похоже, она обдумывала свой следующий шаг.

Стараясь действовать медленно и незаметно, Корбетт вытащил из заднего кармана мобильный телефон, осторожно открыл его и кончиком большого пальца нажал 1231. Это был номер Брайса, интерна, и его можно было легко набрать не глядя. Корбетт поискал на ощупь кнопку отключения звука, не нашел и прикрыл большим пальцем динамик телефона, чтобы заглушить звук.

— У нас в этой части станции, за барьером, нет «Си-четыре», — сказал он. — Где вы ее достали?

С лица Бишоп исчезла всякая нерешительность. Она зло рассмеялась.

— Масса всяких медицинских препаратов путешествует то вниз, то вверх. Вы и сами хорошо это знаете. И охрана не очень-то хочет шарить по всем мешкам с лекарствами. Так можно много чего завезти. Вот это, например.

Она опустила руку в карман халата и достала пистолет.

Корбетт, все еще не пришедший в себя от изумления, несколько отстраненно посмотрел на оружие. Это был жуткого вида пистолет, необычно блестевший, с массивным глушителем на стволе. Корбетт уже собрался спросить, как ей удалось протащить оружие через металлодетекторы, когда блеск пистолета навел на ответ: оружие было сделано из керамополимера, дорогого и запрещенного к использованию материала.

— Если вы затопите станцию, то и сами погибнете, — сказал он.

— Я ставлю детонаторы на десять минут. К этому времени я уже буду на двенадцатом уровне, у входа в спасательную капсулу.

Он покачал головой.

— Мишель, не делайте этого. Не предавайте свою страну. Не знаю, чей вы агент, но оно того не стоит. Так нельзя.

Лицо Бишоп помрачнело.

— Почему вы решили, что я служу иностранному правительству? — свирепо спросила она. — С чего вы взяли, что я вообще работаю на какое-нибудь правительство?

— Я… — начал Корбетт и замолчал, обескураженный такой вспышкой.

— Нельзя позволить Соединенным Штатам наложить лапу на то, что здесь лежит. Америка уже не раз показала, что власть и силу, которые ей достаются, она использует в дурных целях. У нас была атомная бомба, и что мы с ней сделали? Сразу взорвали два города.

— Вы не можете сравнивать…

— Что, как вы думаете, сделает Америка с технологиями, которые здесь спрятаны? Соединенным Штатам нельзя доверять такую мощь.

— Технологии? — Корбетт искренне удивился. — О чем мы говорим?

Но вспышка, быстро начавшись, так же быстро закончилась. Бишоп не ответила, просто гневно покачала головой.

И тут в тишине прозвучал голос из динамика.

Впервые Корбетт ощутил, как ужас сковывает все его тело. Во время разговора он забыл, что нужно держать палец на динамике телефона.

Лицо Бишоп окаменело.

— Покажите мне руки.

Корбетт медленно поднял руки вверх. Мобильный был в правой.

— Ах ты…

Резким движением, словно нападающая змея, Бишоп навела на него пистолет и нажала на спусковой крючок.

Вылетело облачко дыма, раздался звук, очень похожий на чиханье, и в груди Корбетта взорвалась обжигающая боль. Могучая невидимая сила толкнула его назад, спиной на корпус вентилятора. Он упал на пол, задыхаясь и булькая кровью. И прежде чем вокруг сомкнулась неодолимая тьма, он в неясном свете увидел, как Бишоп резко наступила каблуком на телефон, а потом снова опустилась на колени и стала поспешно крепить брусок пластида на внешнюю переборку.

## 48

Крейн вошел в лифт и нажал кнопку с цифрой «1». Двери еще не успели закрыться, а он уже нетерпеливо шагал из угла в угол.

Чем так долго занята Мишель Бишоп?

Он говорил с ней около полутора часов назад. Она сказала, что ей потребуется не более получаса, чтобы собрать ученых.

Что-то идет не так?

Наконец ему надоело прохлаждаться во временном госпитале, и он решил попытаться убедить адмирала Спартана еще раз. Это необходимо сделать, ведь ставки слишком высоки. И любой вариант, даже перебранка, лучше, чем просто сидение на одном месте.

Когда двери лифта открылись, Крейну пришла в голову одна идея. Он вышел, вытащил из кармана телефон и набрал центральную справочную службу.

— Чем могу вам помочь? — вежливо спросил женский голос.

— Мне нужен человек по фамилии Вандербильт. Джин Вандербильт, в отделе океанографических исследований. У меня нет под рукой справочника.

— Минуточку, соединяю.

Крейн быстро шагал по бледно-красному коридору, а в трубке в этот момент что-то несколько раз щелкнуло. Потом раздался мужской голос:

— Океанография, Вандербильт.

— Доктор Вандербильт? Это Питер Крейн.

Наступила недолгая пауза — видимо, Вандербильт пытался вспомнить, кто это ему звонит.

— А, доктор Крейн? Человек Ашера…

— Верно.

— Мы очень огорчены его гибелью.

— Мишель Бишоп с вами не говорила?

— Доктор Бишоп? Нет, сегодня — нет.

Крейн остановился.

— Нет?! И вы у себя в лаборатории?

— Да, уже несколько часов.

Крейн двинулся вперед, на этот раз медленнее.

— Послушайте, доктор Вандербильт, тут кое-что происходит, но по телефону я говорить об этом не могу. Мне понадобится ваша помощь, а также помощь других ведущих ученых.

— Что случилось? Что-то связанное с медициной?

— В частности. Подробности я сообщу вам лично. А сейчас я могу сказать только, что это касается безопасности всей станции, а может быть, и более того.

Пауза.

— Хорошо. Чем я могу быть полезен?

— Соберите ваших коллег как можно скорее, но так, чтобы об этом никто не узнал. Когда вы это сделаете, позвоните мне.

— Мне может потребоваться какое-то время. Некоторые из них сейчас в закрытой зоне.

— Тогда свяжитесь с ними прямо сейчас. Попросите, чтобы они никому ничего не говорили. Поверьте, это чрезвычайно важно, доктор Вандербильт. Я все вам объясню при встрече.

— Хорошо, доктор. — Голос Вандербильта звучал медленно, задумчиво. — Постараюсь собрать людей в конференц-зале на двенадцатом уровне.

— Позвоните мне на мобильный, он есть в справочнике. Я скоро буду.

Он прервал связь и сунул телефон в карман халата. «Если Спартан согласится, я скажу Вандербильту, что проблема разрешилась, и все», — подумал он.

Впереди виднелись двойные двери бурового комплекса. К своему удивлению, Крейн обнаружил, что вход охраняют не морские пехотинцы, а два солдата в черной форме отряда особого назначения, вооруженные винтовками М-16. Когда он подошел, один из них жестом остановил доктора. Солдат внимательно посмотрел на бейдж Крейна, а потом наконец отошел в сторону и открыл одну створку двери.

В комплексе кипела деятельность. Крейн постоял у входа, оглядываясь. Наиболее важные посты охраняли морские пехотинцы и солдаты в черном. По переполненному ангару сновали лаборанты и механики. Наибольшая активность наблюдалась в центре, где к механической руке была подвешена Сфера, одна из двух оставшихся. Рядом помещалась лазерная установка. Увидев Сферу, Крейн помрачнел.

В динамиках по углам ангара затрещали статические разряды.

— Внимание, — прерывисто произнес голос. — Спуск Сферы-три начинается через десять минут. Дежурные на пультах, доложите состояние.

Крейн сделал глубокий вдох и пошел к сфере, где в окружении толпы лаборантов стояли три человека в хорошо заметных белых комбинезонах. Если Спартана поблизости нет, то там хотя бы скажут, где его искать.

Когда Крейн подошел поближе, один из членов экипажа обернулся к нему. Крейн в удивлении остановился. Одетый в белый комбинезон человек с морщинистым лицом и лохматыми седыми волосами оказался доктором Флайтом.

Увидев доктора, он широко раскрыл глаза и, отделившись от группы, подошел к Крейну.

— Доктор Флайт, — сказал Крейн. — Почему вы в форме экипажа Сферы?

Старик молча посмотрел на него. Его лицо с мелкими чертами казалось изможденным, словно он нервничал.

— Я не хочу ее носить, нет! Мое дело — чинить манипулятор, улучшать его, обучать других, но не работать самому. Но он настоял. Олимпийцу трудно противостоять. — Он оглянулся через плечо и заговорил тише: — Мне надо здесь быть, а вот вам — нет, вы должны уйти. Я же говорил — все сломалось.

— Мне нужен… — начал Крейн.

И резко оборвал себя, потому что к нему подходил еще один человек — коммандер Королис. Крейн с еще большим удивлением заметил, что и сам офицер одет в такой же белый комбинезон.

— Идите в Сферу, — велел Королис Флайту и обратил свое бледное вытянутое лицо к Крейну. — Что вы здесь делаете?

— Я ищу адмирала Спартана.

— Он никого не принимает.

Королис отбросил свою прежнюю лицемерную вежливость. Теперь его голос, мимика да и все манеры излучали враждебность и подозрение.

— Мне нужно с ним поговорить, — сказал Крейн.

— Это невозможно, — отрезал Королис.

— Почему, коммандер?

— У него срыв. Командование принял я.

— Срыв?

«Может быть, поэтому Бишоп задерживается?» Но эту мысль он тут же отбросил: если руководитель станции перенес удар или приступ, Корбетт, кто-нибудь из интернов или сама Бишоп уже сообщили бы ему об этом.

Это означало только одно: никого из медицинского персонала в известность не поставили.

В душе Крейна взвыл сигнал тревоги. Он вдруг осознал, насколько ненадежно стало его положение на станции.

— Внимание, — раздался голос из динамика. — Начинается посадка экипажа. Группа герметизации, подготовиться к восстановлению и проверке целостности корпуса.

— Не делайте этого, — услышал Крейн собственные слова.

Королис нахмурился.

— Не делать что?

Его глаза были красными, а обычно тихий голос звучал громко и нервно.

— Не спускайтесь в шахту.

— Сэр! — окликнул Королиса кто-то из персонала поста наблюдения.

Коммандер повернулся к нему.

— Что такое?

— С вами хочет поговорить один из сотрудников. Брайс, интерн из медицинского пункта.

— Передайте ему, что я занят.

— Сэр, он говорит, что это крайне важно…

— Вот, — Королис резко выбросил руку в сторону, словно ударил кинжалом в направлении Сферы-три, — единственное, что сейчас важно.

— Так точно, сэр.

Человек повесил трубку телефона и снова занялся своими измерительными приборами. Королис снова обратился к Крейну:

— Почему я не должен спускаться в шахту?

— Это слишком опасно. Вся затея бессмысленна.

Коммандер сделал шаг к нему. На его лбу и на бледной коже висков виднелись капельки пота.

— Я слышал вашу теорийку. Знаете, доктор, что я об этом думаю? Я думаю, что это вы опасны. Опасны для настроений на станции, а значит, и для всего дела.

Королис смотрел на Крейна еще несколько мгновений. Потом резко повернулся в сторону морских пехотинцев.

— Хоскинс! Менендес!

Они встали по стойке «смирно».

— Да, сэр!

Коммандер Королис указал большим пальцем на Крейна.

— Этот человек под военным арестом. После того как Сферу спустят и прозвучит сигнал об окончании работ, отправьте его на гауптвахту и поставьте у дверей вооруженную охрану.

Прежде чем Крейн успел возразить, коммандер вернулся к Сфере-три; Флайт с несчастным видом и еще один член экипажа уже забирались в ее серебристую пасть.

## 49

Роджер Корбетт лежал на боку в растекающейся луже собственной теплой крови, и сознание его туманила боль. Временами ему казалось, что он спит, а порой — уже умер и плывет в бесконечном черном забвении. Мысли, чувства, ассоциации приходили и уходили, и он не мог ими управлять. Минута прошла или десять — он не помнил. Знал он только одно: нельзя, чтобы затаившаяся диверсантка с пистолетом поняла, что он еще жив.

Боль стала сильнее, но это хорошо: она помогает бороться с жуткой слабостью, которая пытается завладеть им, подмять под себя навсегда.

Он лежал и чувствовал досаду. Обидно, что он не смог прийти на прием, назначенный на три часа. Девушка, наверное, уже на месте, притопывает ножкой и то и дело смотрит на часы. А ведь она добилась изрядных успехов в управлении своим гневом. И жалко будет, если...

Слабость вернулась, нахлынула, и он погрузился в темные видения. Во сне он оказался водолазом, который нырнул слишком глубоко. И поверхность воды представлялась теперь едва заметным светлым пятнышком далеко-далеко над головой, легкие уже горели огнем, и он,

изо всех сил работая ногами, плыл вверх со всей возможной скоростью, а путь впереди был еще такой длинный...

Он усилием воли привел себя в сознание. Диверсантка в углу закончила работу.

В темноте она выпрямилась и повернулась к нему — глаза едва заметно блестели от света, падавшего из соседнего помещения. Корбетт задержал дыхание и лежал неподвижно, сощурив глаза в щелки. Оставив мешок, Бишоп сделала к нему шаг, потом еще. Снова остановилась. Мигнул тусклый блик — в сторону Корбетта поднялось дуло пистолета.

И вдруг она резко обернулась. Через миг Корбетт тоже услышал — за жужжанием компрессоров можно было различить неясные голоса.

Какие-то люди, как минимум двое, наверное, вошли в первый отсек. Внезапная надежда частично вернула ему ясность сознания, помогла оживить притупляющиеся чувства. Его затея сработала. Брайс прислал помощь.

Голоса послышались ближе.

Бишоп перешагнула через него и, держа пистолет наготове, неслышно скользнула к люку, ведущему во второе помещение. Чуть приоткрыв глаза, Корбетт заметил, как она отступила в тень и осторожно выглянула из-за угла. Волна волос и ствол пистолета ясно обрисовывались в желтом световом луче. Потом Бишоп осторожно пробралась во второй отсек, присела за турбиной и пропала из виду.

Люди продолжали разговаривать. Кажется, они больше не приближались. Корбетт решил, что они по-прежнему в первом помещении, где-то между Бишоп и главным выходом из отсека. Из тех слов, которые он мог разобрать, становилось ясно, что это рабочие, которые занимались рутинной проверкой бесчисленного оборудования.

Это означало, что помощь не пришла, по крайней мере пока. Может, ее и не будет.

Корбетт протянул руку, пытаясь сесть. Ладонь скользнула по натекшей на пол крови. В грудь вонзилось раскаленное копье боли, и он крепко прикусил верхнюю губу, чтобы удержаться от крика.

Он полежал, часто и неглубоко дыша, стараясь хоть немного успокоить спазм. Потом, упершись руками в железный пол, медленно пополз к дальней переборке.

Мучительно медленно. Фут, два фута, ярд. В горле клокотали кровавые пузыри. Рубашка и куртка промокли от крови и цеплялись за

неровности пола, еще больше замедляя продвижение. На полпути к стене он отдохнул, чтобы слабость не одолела его. Но надолго он останавливаться не мог, потому что знал: больше ему с места будет не стронуться. Крепко цепляясь руками, он потащил свое тело по полу дальше.

Наконец Корбетт стукнулся головой в стену и заставил себя поднять взгляд. Прямо над ним висели толстые жгуты пластиковой взрывчатки, числом четыре, параллельными линиями прилепленные к металлической переборке. В каждый был вставлен детонатор.

Собрав все силы, Корбетт поднял руку, нащупал ближайший детонатор и вытащил из заряда. Жуткая боль пронзила грудь, и он опрокинулся назад, хватая ртом воздух. Он чувствовал, как с локтя и кисти капает на пол кровь. В полулежачем положении он рассмотрел взрыватель. В темноте он мог разглядеть только батарейку, ручной таймер, две металлические пластинки, разделенные фольгой, и обмотку из оптического кабеля; все было очень маленьким. Он не много знал о взрывном деле, но похоже, что это был детонатор замедленного действия. Когда сработает таймер, фольгу разорвет электрическим током и пластины передадут начальный импульс на заряд.

Корбетт, как мог, осторожно положил взрыватель на пол. Десять минут, сказала она, и он решил, что осталось, наверное, минуты четыре-пять.

И три детонатора.

Собрав силы, он опять поднял руку, потянулся к следующему, выдернул его из жгута взрывчатки, стараясь не сбить таймер, и опять повалился на пол.

На этот раз боль была гораздо сильнее, и Корбетт чуть не потерял сознание. Кровь булькала в горле, он кашлял и задыхался. Прошла минута, пока он собрался с силами, чтобы продолжить.

До третьего заряда было не дотянуться. Упираясь ногами, Корбетт подполз к стене. Потом в третий раз ухватился, выдернул детонатор и уронил руку.

Боль оказалась очень сильной, и он даже подумал, что четвертый детонатор ему не достать. Корбетт лежал в темноте, пытаясь не потерять сознание, прислушивался к тихому бормотанию голосов. Они, кажется, погрузились в бесконечный спор по поводу каких-то инженерных тонкостей.

Сколько у него времени? Минута? Две?

«Где же Бишоп?» — подумал он. Саботажница, конечно, прячется где-то за оборудованием, нетерпеливо прислушиваясь к болтовне, дожидаясь, пока рабочие уйдут, а она сможет выйти незамеченной.

Почему она просто не пристрелит их? Пистолет у нее с глушителем. Причина может быть только одна: в пистолетике из композитного материала, наверное, совсем немного патронов, скорее всего, два. И пробежать мимо рабочих Бишоп не может — она себя выдаст. Так у нее еще есть шанс спастись, но если два человека начнут кричать...

Нет. Она не пойдет мимо них. Бишоп вернется к зарядам и переставит таймеры, чтобы обеспечить себе еще немного времени.

Он понял, что был слишком занят своим делом, болью и потерей крови и совсем об этом не подумал. Диверсантка вернется — и теперь уже в любой момент.

Корбетта поддерживало отчаяние. Собрав последние силы, он выбросил руку вверх в последний раз и схватил четвертый детонатор.

В этот момент в проеме люка появилась тень, четко обрисованная падающим из соседнего помещения светом. Заметив Корбетта, Бишоп тихо чертыхнулась и бросилась к нему.

От неожиданности он отшатнулся. Его пальцы невольно сжались, раздался едва слышный хруст, от детонатора потянулся дымок, прошла жуткая, бесконечная миллисекунда, которая, как показалось Корбетту, все тянулась и тянулась, а потом мир, невообразимо громко затрещав, распался на части во взрыве огня и стали.

И воды.

## 50

— Наружный люк задраен, — прогудел голос в динамике. — Герметизация активирована. Сфера-три на старте. Расчетное время погружения до рабочего участка — девятнадцать минут тридцать секунд.

Питер Крейн в бессильной ярости смотрел из дальнего угла, как огромная механическая рука, уже свободная от груза, отъехала от шлюза и вернулась на свое место. Пока Сферу долго и тщательно закрывали и полировали, а потом опускали вниз, Крейн оглядывал персонал бурового комплекса, пытаясь поймать сочувствующий взгляд, ободряющий кивок — все, что могло бы указать на возможного союзника. Но ничего не увидел: инженеры, лаборанты, обслуживающий персонал уже возвращались к своим обычным обязанностям, требующим их полного внимания, пока внизу шла проходка. Кажется, никто и не замечал, что Крейн еще здесь.

Кроме двух охранников, стоявших у него за спиной. Прозвучал сигнал отбоя, и один из конвоиров подтолкнул его.

— Ну все, доктор, идем.

Они зашагали к дверям, ведущим в коридор первой палубы, и Крейна охватило ощущение нереальности происходящего. Конечно, это все сон. И логика у него такая же ненормальная, искаженная. Неужели и впрямь двое вооруженных военных ведут его на гауптвахту? Неужели Королис захватил управление станцией?

Королис...

— Не надо вам этого делать, — тихо сказал Крейн военным.

В ответ они распахнули створки двери и вывели его в коридор.

— Кто неспособен к командованию, так это не адмирал, — продолжал Крейн уже в коридоре, — а коммандер Королис.

Молчание.

— Вы видели, какого цвета у него лицо? У него гипергидроз, он жутко потеет. Он нездоров, и болезнь прогрессирует. Я врач, меня учили распознавать такие вещи.

Коридор впереди раздваивался. Один из конвоиров ткнул Крейна прикладом в плечо.

— Направо.

— Здесь, на станции, я уже видел много таких больных. У Королиса классический случай.

— Вы бы лучше помолчали, — буркнул конвоир.

Крейн посмотрел на светло-красные стены, на закрытые двери лабораторий. Мысленно он вернулся к другому своему марш-броску — тогда, со Спартаном, который провел его в закрытую зону и приказал пропустить через пост. Тогда Крейн не знал, куда они идут. В этот раз — знает. Ощущение нереальности стало еще сильнее.

— Я сам был военным, — снова заговорил Крейн. — Вы тоже военные. Вы давали присягу служить своей стране. Королис — человек опасный и ненадежный. Исполняя его приказы, вы поступаете не лучше, чем...

Прикладом винтовки его снова ударили в плечо, на этот раз намного сильнее. Крейн упал на колени, голова его болезненно дернулась.

— Полегче, Хоскинс, — сурово сказал второй конвоир.

— Я устал от его болтовни, — ответил моряк по фамилии Хоскинс.

Крейн поднялся и вытер руки, вприщур глядя на Хоскинса. Лопатка ныла от удара. Хоскинс повел дулом винтовки.

— Вперед.

Они продолжили путь по коридору, свернули налево. Впереди располагались лифты. Крейна подвели к ним, Хоскинс нажал кнопку «наверх». Крейн открыл рот, собираясь препираться с ними и дальше, но передумал. Может быть, охрана гауптвахты его послушает…

С тихим звоном двери открылись.

В этот момент откуда-то сверху раздался жуткий грохот. Кажется, вся станция подпрыгнула. Свет потускнел, вспыхнул ярче и снова померк. Прозвучал новый взрыв, и станцию еще раз свирепо тряхнуло, словно крысу, которую треплет собака. От трубопровода на потолке оторвался кусок металлической обшивки и с режущим слух визгом полетел вниз, пригвоздив Хоскинса к полу.

Крейн действовал не размышляя. Он жестко и очень больно пнул второго морского пехотинца в колено, а сам кинулся в кабину лифта, нажав на кнопку. Его халат зацепился за решетку, закрепленный на клипсе телефон соскочил и поехал по полу.

Загорелись лампы аварийного освещения, и в их оранжевом свете было видно, как Хоскинс пытается сесть. Кровь из раны на голове текла у него по губам и носу, но он уже встал, и лицо его выражало мрачную решительность. Вдали завыли сирены, а Хоскинс поднял винтовку и прицелился. Крейн прижался к смыкающейся створке лифта, пуля просвистела мимо него… но тут двери закрылись, и кабина поехала вверх.

**51**

Специалист первого класса Гордон Стампер несся с девятой палубы вниз по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. Желтый кейс с инструментами тяжело давил на спину и плечи, а крючья, рация и прочая мелочь, прицепленные к поясному ремню, бренчали при каждом шаге. Остальные члены аварийно-спасательной команды бежали следом, они несли баллоны с кислородом, раздвижные крепежные стойки, штурмовые топоры и другие вспомогательные приспособления.

Вызов поступил на аварийной частоте — значит, это не учения. Впрочем, Стампер сомневался. Что-то, конечно, случилось: они слышали жуткий взрыв, на миг погас свет. Но подача электричества восстановилась, а со станцией вроде все в порядке. С начальства станется устроить проблемы, просто чтобы проверить, как спасатели ловят мышей. Эти шишки вечно норовят прижучить тех, кто у них в подчинении.

Он распахнул люк на восьмую палубу. Ему открылся пустой коридор; двери по обеим сторонам были закрыты. Ничего удивительного — приближается конец смены; персонал и ученые, работающие на этом этаже, как всегда, разбрелись, либо перекусывая наверху, либо, что вернее, болтая о чем-то на своих совещаниях в конференц-залах седьмого этажа.

Микрофон рации был прицеплен к погону куртки. Нажатием большого пальца Стампер включил его и склонил голову к плечу.

— Стампер — Первому.

В ответ раздалось потрескивание.

— Я Первый, слышу вас, прием.

— Мы на восьмой палубе.

— Вас понял.

Стампер с каким-то мрачным удовольствием выключил радио. Черта с два ему что-нибудь предъявишь — сигнал поступил только четыре минуты назад, а они уже на месте происшествия.

Их целью было помещение климатической установки на другом конце станции. Стампер оглядел свою команду, убедился, что все собрались и готовы действовать, и дал знак двигаться.

Чем больше он об этом думал, тем больше уверялся, что все это пустышка, ложная тревога. Вызов, как он понял, был только один, какой-то отчаянный, неразборчивый, прерванный на середине; сообщалось о пробоине, о затоплении. Все это чушь, полная и несусветная. Ведь всякий знает, что станцию от Северного моря отделяет защитный купол, а пространство между оболочкой и внутренней частью герметизировано и воды там нет. Его губы изогнулись в ухмылке. Ну, если это не учения, значит, просто какую-то трубу прорвало — ведь на этом этаже заправляют ученые с тонкими шейками и всякие начальнички, а они горазды падать в обморок или вопить, как только увидят каплю воды.

Позвякивая инструментами, они двигались по коридору, пока не остановились на Т-образном пересечении. Спасатель поскреб подбородок. Налево путь шел в административный сектор — запутанный лабиринт кабинетиков и узких коридоров. Повернув направо и пройдя через исследовательские помещения, они доберутся до климатической установки быстрее и…

Со стороны лабораторий послышался лязг железа, а за ним — тревожные голоса. Стампер замер, прислушиваясь. Разговаривали тихо, но, кажется, люди приближались.

Стампер приложил ко рту согнутую ладонь.

— Эй!

Голоса замолчали.

— Это спасатели!

Восклицания возобновились, Стампер услышал, что кто-то бежит. Он обернулся к команде, мотнув головой в том направлении, откуда раздавались звуки.

Повернув за угол в исследовательском секторе, Стампер увидел, что к нему спешит небольшая группа ученых, человек пять или шесть. Все с безумными взглядами, одежда в беспорядке. Среди них находилась женщина средних лет, она тихо всхлипывала. Мужчина впереди, высокий и худой, со светлыми курчавыми волосами, был в намокшей одежде.

Примерно в пятидесяти футах по коридору за ними виднелся задраенный люк.

Стампер шагнул навстречу бегущей группе.

— Гордон Стампер, командир спасателей, — сказал он самым строгим голосом, на который был способен. — Что случилось?

— Надо срочно уходить отсюда! Всем! — тяжело дыша, ответил высокий мужчина.

Женщина заплакала громче.

— Так что же все-таки…

— Нет времени на объяснения! — перебил его ученый. Голос его звучал высоко и неровно — человек был на грани истерики. — Мы задраили все люки, какие могли, но давление слишком высокое. В любую секунду они могут не выдержать и слетят…

— Погодите! — воскликнул Стампер. — Возьмите себя в руки, успокойтесь и расскажите, что произошло.

Мужчина повернулся к остальным.

— Бегите на девятую палубу как можно скорее.

Находившимся в панике людям других советов не требовалось. Ничего больше не сказав, они поспешили мимо спасательной команды и исчезли за поворотом, направляясь к лестнице.

Стампер проводил их бесстрастным взглядом. Потом повернулся к блондину.

— Слушаю вас.

Мужчина сглотнул, с видимым усилием заставил себя успокоиться.

— Я находился в коридоре, у лаборатории сейсмо-акустической гидролокации. Мне пора было на заключительное совещание, и я как раз смотрел на свой наладонник, хотел уточнить, в какой зал идти на седьмой палубе. И тут этот… — Его голос сорвался; рукавом рубашки он вытер рот. — Этот жуткий взрыв. Я упал на пол. А когда встал, то увидел… увидел стену воды, которая заливала помещения отсека климатической установки в конце коридора. В воде была кровь и части тел. Много.

Он еще раз болезненно сглотнул.

— Мы с коллегой кинулись к наружному люку отсека и задраили его. Потом побежали по коридору, заглядывая в помещения и собирая всех, кого могли найти. Когда мы уже уходили, люк, который мы закрыли, не выдержал, полилась вода, она начала затапливать исследовательские лаборатории. Отступая, мы задраили внутренние люки в научном секторе. Но давление слишком большое, они могут сорваться в любую минуту и…

Внезапно его голос потонул в жутком громе, раздавшемся из помещений перед ними.

Ученый вздрогнул и испуганно вскрикнул:

— Слышите?! Это прорвало внутренний люк! Надо бежать, скорее!

Он повернулся и бросился к дальней лестнице.

Стампер посмотрел ему вслед. Потом с преувеличенной аккуратностью нажал кнопку на плече, включая микрофон.

— Стампер — Первому. Прием!

— Первый, слышу вас хорошо.

— Докладываю: мы встретили сотрудников станции, покидающих исследовательский сектор. Они ушли по лестнице Б-два. По имеющейся информации, на восьмой палубе крупная пробоина в районе отсека климатической установки.

Последовало молчание.

— Повторите, пожалуйста, еще раз.

— Крупная пробоина. Рекомендую задраить все люки смежных секторов и выслать аварийные партии для ликвидации прорыва и обеспечения живучести восьмой палубы.

Опять молчание.

— Вы сами проверяли?

— Нет.

— Пожалуйста, проведите визуальное наблюдение и доложите. Конец связи.

— Вас понял. Конец связи.

Вот черт! Стампер смотрел в дальний конец коридора, в сторону задраенного люка. Не то чтобы он нервничал — нет, пожалуй, ведь он столько раз уже проходил все на учениях, что даже сейчас работа будет не чем иным, как унылой рутиной. Однако этот страх, который исходил от ученых, неприкрытый ужас в глазах того блондина... Спасатель облизнул губы и повернулся к своей команде.

— Идем.

Но не успел он договорить, как услышал другие звуки, которые доносились сейчас из исследовательского сектора: низкий стон, бульканье, шелест, не похожие ни на что из того, с чем он сталкивался раньше. Шум вдруг усилился, и у Стампера на голове шевельнулись волосы.

Почти не осознавая этого, он попятился.

— Стампер... — окликнул его кто-то из спасателей позади.

И тут болты, запиравшие люк перед ними, один за другим вылетели из креплений с ужасным скрежетом и с хлопками, напоминающими пистолетные выстрелы. Люк выскочил из проема, будто пробка из бутылки с шампанским. И, словно живая, хлынула бурлящая вода.

Стампер на миг застыл от потрясения и ужаса.

Поток рванул к ним, словно оголодавший хищник. Он пожирал все на своем пути с чудовищным, шипящим, засасывающим звуком. Стампер и не представлял, что вода может издавать такой шум. Она была окрашена в жуткий цвет, переливающийся черно-красный, с клочьями кровавой пены, и разбрасывала мелкие брызги и влажную пыль. В воде всплывали разные предметы — стулья, лабораторные столы, приборы,

компьютеры и еще что-то, на что он не стал смотреть. В нос ударил запах — холодный, соленый, с оттенком меди, который, намекая на чернильный мрак глубин, пугал еще больше, чем вид...

Но тут чары рассеялись. Стампер попятился, спотыкаясь и налетая на членов своей команды, ругаясь, оскальзываясь в безумном стремлении добраться до лестницы и убежать от жути, которая их догоняла.

Рация что-то каркала, но Стампер уже не обращал на это никакого внимания. У него за спиной раздался громкий лязг — это кто-то из спасателей захлопнул и задраил люк, ведущий в коридор. Стампер даже не потрудился оглянуться. Кто хочет, может закрыть полдюжины люков — разницы никакой. Стамперу было абсолютно ясно: такую пробоину ничем не заделать и живучесть восьмой палубы никак не обеспечить.

**52**

Крейн во весь дух несся по коридорам шестой палубы. У каждого перекрестка он переходил на шаг, а миновав его, снова пускался бегом. В коридорах и залах было тихо — он встретил рабочего, катившего тележку, да двоих ученых, которые переговаривались шепотом. Громкий звук, от которого несколько минут назад сотряслась вся станция, похоже, особой тревоги не вызвал, аварийные сирены замолчали, а на лицах встреченных людей никакой озабоченности он не видел.

Впереди был тупик, где располагалась лаборатория прикладной физики. Крейн остановился у входа, оглянулся, чтобы осмотреть коридор, — по-прежнему пусто. Кажется, и в самом помещении тишина. Взявшись за ручку, он открыл дверь и поспешно проскользнул внутрь. Хьюи Пинг оказалась на месте; она стояла у лабораторного стола.

— Где вы пропадали? — с тревогой спросила она. — Я решила, что с вами что-то случилось. А потом, этот взрыв...

— Извините, Хьюи. Меня задержали. Как тут дела?

— Все было тихо. До последней минуты. — Она невесело улыбнулась. — Хочу сказать, что я не теряла времени зря. Дожидаясь вас, я расшифровала длинное послание — то, которое передается из-под Мохо. Ну или это я так решила, что оттуда. Когда вы посмотрите...

— Сейчас на это нет времени. Надо немедленно отсюда выбираться. Камеры слежения уже, наверное, меня заметили.

Хьюи посмотрела на него округлившимися глазами.

— Камеры? Что случилось?

— Это все Королис. Он взял на себя командование станцией.

— Коммандер Королис? А Спартан?

— Один бог ведает, что с ним стало. Нам же только хуже — Королис настаивает, чтобы проходка шахты велась по плану. Кажется, у него это навязчивая идея — он даже в Сферу сам сел. Похоже, он тоже болен. Когда я попытался остановить его, коммандер велел меня арестовать.

— Что?

Крейн кивнул.

— Мне удалось бежать, прежде чем меня посадили на гауптвахту. Мы должны попасть на двенадцатую палубу. Я созвал ведущих ученых, они соберутся в конференц-зале. Я хочу все им рассказать: о шахте, и об открытиях Ашера, и о Королисе, — все. Нам надо передать сообщение на поверхность, привлечь внимание тех людей, которые могут положить конец этому безумию...

Крейн вдруг замолчал.

— Проклятье! — пробормотал он, обращаясь скорее сам к себе, чем к Хьюи.

Она вопросительно посмотрела на него.

— Барьер, — пояснил Крейн.

В спешке он забыл про границу, разделяющую закрытую и открытую зоны. Охрана на пропускном пункте, наверное, все еще караулит Хьюи. А теперь и его, черт возьми, тоже.

— Ах дьявол! — Развернувшись, он изо всех сил ударил кулаком по лабораторному столу. — Нам не выйти за барьер!

Крейн повернулся, чтобы глянуть на Пинг, и испугался. Она слегка побледнела. Конечно, она про барьер не забыла. Или...

— Что такое? — забеспокоился врач.

Хьюи наконец заговорила очень тихо:

— Есть другой путь. Возможный.

Крейн жестом попросил ее продолжать.

— На второй палубе находится люк аварийного выхода.

— Аварийного выхода? Со станции?

Пинг кивнула.

Крейн представил открытую лестницу, прикрепленную к наружному корпусу станции, вспомнил, что говорил ему Конрад, офицер службы снабжения, когда они поднимались на разгрузочную площадку, куда швартовалось судно обеспечения: «Наверное, трапы предназначены для водолазов, чтобы они могли передвигаться по поверхности стены для ремонта или еще для чего».

— За ним наблюдают? — спросил Крейн.

— Не думаю. Выход запирается только с одной стороны — попасть снаружи в него нельзя, следовательно, нет нужды его охранять. Да и знают о нем не многие. Мне это известно только потому, что он находится в технических помещениях моей родной лаборатории.

Крейн колебался недолго.

— Идем.

* * *

Врач последовал за Хьюи Пинг. Она повела его обратно тем же путем, которым они уже шли сегодня. «Неужели это было всего четыре часа назад?» — с горечью думал Крейн. За это время они столько всего узнали, события на станции развивались так стремительно, что ему казалось, будто прошли века.

Выйдя на лестницу, они начали тихий осторожный спуск, замирая перед каждой площадкой, чтобы убедиться, что она пуста, а их пока не обнаружили. Хьюи и Крейн миновали третью палубу — на лестнице отчетливо слышалось бряканье кастрюль нижней кухни — и спустились еще на один уровень. Услышав, что открывается дверь на площадку, оба повернулись. Крейн почувствовал, что Хьюи растерялась.

— Вперед, — сказал он тихо. — Просто иди мимо.

Распахнув дверь, Пинг шагнула в коридор. Крейн, приняв, насколько мог, беззаботный вид, последовал за ней, на ходу кивнув группе людей. Лица были ему незнакомы, и он отчаянно надеялся, что никто из них не присутствовал при его аресте в буровом комплексе. Крейну пришлось заставить себя не оглядываться. Впрочем, их не преследовали и не пытались остановить. Крейн с облегчением выдохнул.

На пересечении коридоров Хьюи повернула налево, прошла мимо нескольких пустых лабораторий и офисов. Потом вдруг резко остановилась.

— В чем дело? — спросил Крейн.

Она молча указала вперед. Примерно в десяти ярдах от них на потолочной переборке висела камера наблюдения.

— А другой путь есть? — осведомился он.

— Намного длиннее. А потом, там тоже, наверное, камеры.

Крейн на секунду задумался.

— Далеко еще?

— За следующим поворотом.

— Тогда идем. Только быстро.

Крейн и Хьюи поспешили вперед, опустив головы, когда проходили мимо камеры. Пинг повернула за угол, остановилась у серой двери и потянула ее на себя. Они нырнули внутрь. Крейн обнаружил, что они оказались в кладовой для хранения оборудования — на поднимающихся до самого потолка широких полках по обеим сторонам от входа лежали инструменты и стояли какие-то небольшие механизмы. Как и повсюду на станции, места не хватало и его использовали очень экономно. Пинг повела Крейна к задней стене, где находился тяжелый люк без маркировки; он был задраен.

— Помоги мне, — попросила она.

Они с трудом повернули четыре массивных откидных болта и открыли люк. За ним оказалось небольшое помещение, тускло освещенное только красным фонарем в проволочной сетке. Там находился еще один люк, круглой формы, он был гораздо меньше и толще и управлялся сервоприводом. Табличка над люком гласила: «ВНИМАНИЕ! Только аварийный выход! Вход на этом уровне запрещен».

Крейн вошел и коснулся люка. Он был холодным и сырым на ощупь. Из-за него раздался приглушенный рокочущий звук — Крейн не понял, что это.

Пинг у него за спиной часто дышала. Крейн обернулся к ней.

— Готова?

Она покачала головой.

— Не знаю, получится ли у меня.

— Хьюи, надо постараться. Только так мы попадем за барьер. Ты будешь в большей безопасности на двенадцатой палубе, среди ученых, вдали от закрытой зоны. Если останешься здесь, рано или поздно молодчики Королиса тебя отыщут и посадят под арест.

Хьюи Пинг глубоко вдохнула, стараясь успокоиться.

— Хорошо. Идем.

Она закрыла внутренний люк у себя за спиной, а тем временем Крейн отдраил болты и, взявшись за кремальеру в центре крышки, повернул ее против часовой стрелки. Один оборот, два, три — и вот, пыхнув воздухом, маховик выпрыгнул из рук. Рядом оказался небольшой пульт управления с единственной красной кнопкой, помеченной «ВКЛ.» Крейн глянул на Пинг, она кивнула. Тогда он нажал клавишу, и сервомеханизмы, ожив, зажужжали, выталкивая крышку внутрь, в помещение.

Рокочущий звук стал гораздо громче. Холодный ветерок принес запах соли и стоялой воды.

По ту сторону люка, в тусклом подкупольном освещении, они разглядели крошечную, не больше четырех квадратных футов, металлическую площадку. Крейн поспешно вылез спиной вперед и помог выбраться Хьюи. Убедившись, что она прочно стоит на пандусе, он повернулся.

И замер, не веря своим глазам.

— О боже, — прошептал он.

## 53

— Сэр, до участка осталось шесть минут.

— Благодарю вас, доктор Рафферти.

Коммандер Королис поерзал на маленьком кресле рулевого и кивнул в знак благодарности. Он с одобрением посмотрел на инженера, управлявшего Сферой. Этот человек, физик по образованию, не только был полностью благонадежен, но и занимал один из самых высоких постов среди военных ученых. Королис сам его выбирал и на сто процентов мог ему доверять. Для этого спуска нужны самые лучшие люди.

Погружение номер тысяча двести сорок один идет полным ходом, и на этот раз никаких неполадок не ожидается.

Королис еще раз посмотрел на панель управления. Он раз десять занимался на тренажере, да и вообще все тут очень похоже на подводную лодку. Так что сюрпризов не будет.

Пробегая взглядом по манометрам, он почувствовал, как закололо в висках. Королис поморщился. Надо было раньше об этом подумать и взять с собой тайленол перед посадкой. Коммандер выпрямился, усилием воли прогоняя боль, — ничто не должно отвлекать от предстоящего события.

Он повернулся к Рафферти.

— Состояние снаряда?

— В норме по всем показателям, сэр.

— Отлично.

Спуск шел безукоризненно. Через несколько минут они будут на участке. А там, если повезет, скоро, очень скоро...

Королис снова заговорил с Рафферти:

— Информацию подтвердили?

— Да, сэр. По показаниям датчиков Сферы-два при последнем погружении выявлено, что океанский слой пройден на максимальную глубину.

На максимальную глубину. Они добились своего! Преодолели третий, самый нижний уровень земной коры.

«Нет, — еще раз подумал Королис, — сюрпризов не будет». Кроме одного — богатств, которые ожидают прямо внизу, в слое границы раздела.

Тот, кто сказал, что цена свободы — вечная бдительность, был прав, во всяком случае в том, что касается коммандера. Но Королис понимал, что этого недостаточно: надо идти гораздо дальше. Мало быть просто бдительным, необходимо действовать решительно, браться за самые трудные дела. Если появляется шанс, то его нельзя упускать, и неважно, какой ценой. Америка оказалась единственной сверхдержавой, а весь остальной мир из зависти или по злобе ополчился против нее, надеясь свалить. Враждебные иностранные правительства пытаются ее обескровить, нарушают торговый баланс, раздувая при этом собственные армии и совершенствуя оружие массового уничтожения. При таком отчаянном положении его долг, долг всех граждан — сделать все от них зависящее, чтобы Америка оставалась сильной.

Стран, владеющих ядерными технологиями, много, и с каждым днем становится все больше. Одних атомных бомб уже недостаточно, чтобы запугать, или произвести впечатление, или сдержать противника. Необходимо новое, еще не известное оружие такой устрашающей мощности, какая позволит на веки вечные обеспечить ведущее положение Америки.

А это означает, что всеми возможными способами нужно приобретать технологии, которые удержали бы страну впереди всего этого стада. И такие сокровища лежат прямо внизу под ними. Технологии, позволяющие передавать сообщения из-под земной коры. Технологии,

позволяющие хранить почти неисчерпаемые запасы энергии в крошечном сияющем кристаллике.

Сама мысль о получении такого секрета кажется невероятной, но даже предположить, что им может воспользоваться кто-то другой, совершенно недопустимо.

— Осталось четыре минуты, — произнес Рафферти.

— Очень хорошо.

Королис перевел взгляд с инженера на третьего члена их экипажа — жилистого старика с беспорядочной копной седых волос на голове. Доктор Флайт в кои-то веки молчит. Офицер нахмурился. Терпеть этого человека на станции — вынужденная необходимость, потому что это лучший специалист по кибернетике и микроаппаратуре, и только он мог сконструировать сложную механическую руку-манипулятор, которую используют Сферы. Старик этот, возможно, гений, но он всем известен своей эксцентричностью, а по мнению Королиса — еще и ненадежностью с точки зрения сохранения безопасности. Поэтому его держали на станции, даже отчасти против воли. Похоже, это было лучшее решение — пребывание Флайта на станции не только удерживает слишком разговорчивого старичка от бесед не с теми людьми, но и обеспечивает быстрое обслуживание манипуляторов, а он к тому же может и других научить, как пользоваться этими безумно сложными штуковинами.

Королис повертелся на сиденье. Для этого погружения он сам выбрал Флайта, потому что, как и в случае с Рафферти, ему нужны ведущие специалисты. А кто может управлять манипулятором лучше, чем его создатель?

Виски обжег еще один спазм, но Королис заставил себя не обращать на это внимания. Ничто не помешает ему закончить это погружение, он не позволит, чтобы работа задерживалась из-за человеческого фактора. Вот-вот должно случиться что-то очень важное.

Поэтому хорошо, что он сам тоже на борту и сам сделает это открытие. В конце концов, такое задание никому больше и не доверишь. Адмирал Спартан доказал свою слабость, преступное безволие. Времени не осталось ни на мягкость, ни на альтернативные варианты. Спартан же в последнее время слишком много отвлекался по пустякам, и нельзя допускать, чтобы он оставался руководителем такой ответственной операции, как эта.

В последние дни Королису становилось все более понятно, что адмирал для командования непригоден. Удивление, даже негодование, которое он проявил, когда узнал о гибели Ашера, главного препятствия их

операции, оказалось только первым признаком. Впоследствии открылись и другие факты, например, неподобающее мужчине горе в случае с аварией Сферы-один, хотя это всего лишь военные потери. А стремление адмирала слушать вредные, предательские речи Питера Крейна… Нет, человеку в здравом уме такое терпеть нельзя.

Вспомнив о докторе, Королис помрачнел. С самого начала, когда коммандер встретил Крейна в медпункте, он понял: жди проблем. Слежение за каютой доктора, прослушивание долгих бесед с Ашером только убедили Королиса в его правоте. Эти трусливые разговоры про опасность, о том, что надо сворачивать работы… Королис сам стер информацию с винчестера Ашера, чтобы покончить с безумными идеями старого маразматика, его надуманной теорийкой о том, что раскопки опасны. Откуда ему было знать, что сукин сын Крейн ухитрится восстановить данные? Если это так и он не соврал, значит, этот человек действительно способен на все…

Королис успокоил себя тем, что Крейн сейчас сидит на гауптвахте. Времени разобраться с ним будет потом предостаточно.

Из динамика рации раздался треск.

— Диспетчерская — Сфере-три.

Королис взял микрофон.

— Сфера-три — диспетчеру. Прием.

— Сэр, разрешите доложить о происшествии.

— Слушаю.

— Несколько секунд назад на станции, по всем признакам, произошел взрыв.

— Взрыв?

— Да, сэр.

— Давайте подробнее. Что конкретно случилось? Неисправность оборудования? Детонация?

— В настоящее время неизвестно, сэр.

— Место?

— Восьмая палуба, сэр.

— Какова обстановка на станции?

— Пока информации о повреждениях не поступало, сэр, ситуация достаточно неопределенная. Энергоснабжение полностью

восстановлено. Похоже, проблемы с климатической установкой. Аварийные команды и группа спасателей отправлены на место. Ждем от них доклада.

— Хорошо, как только получите, сообщите мне. А пока прикажите старшине Вобурну провести собственную рекогносцировку.

— Так точно, сэр.

— «В обители мрачной Аида, в глубинах подземных»,[13] — вдруг произнес Флайт себе под нос и тихонько начал цитировать что-то мелодичное, похожее на песню.

Королис решил, что это древнегреческий язык.

— Конец связи.

Королис поставил микрофон на место. На Вобурна можно положиться — он поступит правильно в критической ситуации, ведь и старшину, и его группу Королис выбрал за надежность и преданность ему лично, не раз за последние годы проверенные в секретных операциях.

Сейчас Королис понял то, что подсознательно знал уже давно: ему потребуется лояльность и поддержка Черной команды, ведь в самый важный момент он будет здесь, в Сфере, в походе за желанной добычей.

Инженер поднял голову от своего пульта.

— Две минуты до участка.

— Запустите тоннелепроходчик. — Королис повернулся к старику. — Доктор Флайт…

Кибернетик замолчал и посмотрел на Королиса своими горящими черными глазами.

— Пожалуйста, начинайте предпусковую проверку манипулятора.

Ответом ему была очередная цитата:

— «Что ты об этом, Атрид, выспрашивать вздумал?»[14]

Но все же, пусть и неохотно, Флайт занялся своим сложным пультом.

Отворачиваясь, Королис позволил себе мрачно усмехнуться. Пусть старшина Вобурн приведет там наверху все в порядок. Его собственная главная задача ждет внизу — в трех сотнях метров под ногами.

**54**

Крейн невольно попятился и сильно ударился плечом о металлический бок станции. И продолжал смотреть, все еще не веря своим глазам.

Площадка, где они стояли, выдавалась из стены футах в тридцати над поверхностью, куда было заглублено основание станции. До самого купола простирался странный, почти лунный пейзаж — голое морское дно. Его рельеф поднимался и опускался, образуя небольшие, непривычные глазу холмы и долины, а где-то лежал пологими волнами. Он был темного шоколадного цвета и зловеще поблескивал в неверном свете, идущем от купола. Видимо, дно покрывал тонкий слой вязкого вонючего ила.

Но полный ужаса взгляд Крейна привлекло то, что он увидел выше.

Купол, окружавший и защищавший станцию, поднимался плавным изгибом и где-то высоко над головой терялся из виду. С одной стороны их маленькой площадки шел вертикальный ряд тяжелых перекладин, прикрепленных болтами к металлической обшивке станции. Ровной непрерывной линией скобы поднимались по голой стальной стене. На самом верху станции Крейн разглядел узкий мостик, который вел к погрузочной платформе «лоханки»; Крейн сам ходил там неделю назад. Между мостовым переходом и их небольшой площадкой виднелся широкий, похожий на трубу разгрузочный тоннель; словно огромная пустотелая шпилька, он скреплял купол и станцию. Крейн и это уже видел раньше.

Но сейчас тоннель выглядел по-иному. Там, где он входил в стену станции, массивными жесткими струями, с брызгами и завихрениями бил фонтан. Это и был источник рокота — чудовищный водопад, с убийственной, пулеметной силой бьющий из пробоины в стенке разгрузочного тоннеля. Пока Крейн смотрел, течь, кажется, стала больше и поток воды увеличился.

Крейн, наполовину оглушенный жутким зрелищем, все же сразу подумал вот о чем: не важно, диверсия или дефект конструкции были причиной, но это и есть результат того взрыва, который они слышали. И, несмотря на атмосферу спокойствия и обыденности на станции, дело плохо; если службы, обеспечивающие борьбу за живучесть, еще этого не поняли, то скоро все станет очевидно.

Один взгляд перечеркнул все надежды, страхи и намерения Крейна.

Он повернулся было в сторону люка, собираясь нырнуть обратно, чтобы предупредить об опасности тех, кто работает в буровом комплексе, но вспомнил, что аварийный выход запирается только с одной стороны и попасть внутрь через него невозможно. Кроме того, морское дно под ними уже почти полностью скрылось под черной водой, которая с возрастающей силой лилась из расширяющейся пробоины над головой. Через несколько минут площадка и люк уже будут затоплены…

Крейн вдруг почувствовал резкую боль в ладони. Хьюи Пинг вцепилась в нее, завороженная зрелищем водной карусели над головой; ее лицо и волосы намокли от мелких брызг.

Крейн осторожно высвободил руку.

— Идем, — сказал он. — Здесь нельзя оставаться.

— Я не могу, — прошептала Хьюи.

То же самое она говорила еще в шлюзе.

— У нас нет выбора, — ответил Крейн.

На миг их глаза встретились. И она тут же опустила взгляд.

— Я боюсь высоты, — произнесла она.

Крейн пристально посмотрел на нее. Вот черт! Черт!

Он сделал глубокий вдох. Потом, стараясь не обращать внимания на бурю над головой и холодный, почти ледяной дождь, лившийся вокруг, Крейн положил руки на плечи Хьюи и ласково заглянул ей в лицо.

— У нас нет выбора, Хьюи. Нам надо подниматься.

— Но…

— Другого пути нет. Я пойду сразу за тобой. Обещаю.

Хьюи подняла глаза; по щекам ее текла вода. Потом она сглотнула и кивнула едва заметно.

Крейн развернул ее к серому металлическому корпусу станции и положил ее правую руку на нижнюю перекладину.

— По одной ступеньке зараз.

Первый миг Хьюи оставалась недвижна, и Крейн подумал, уж не обессилела ли она от страха. Но тут она медленно, осторожно взялась левой рукой за следующую скобу, схватилась покрепче, подтянулась и поставила левую ногу на нижнюю ступеньку.

— Вот так, — сказал он одобрительно, стараясь, чтобы его было слышно в грохоте потока. — Вот так.

Хьюи подтянулась еще на несколько ступенек, и Крейн тоже стал карабкаться следом, стараясь держаться как можно ближе к ней. Холодные скобы оказались предательски скользкими. Сильно пахло стоялой водой.

Они поднимались очень медленно, в полном молчании, только Хьюи тяжело дышала. Шум стал громче, и Крейн отважился глянуть вверх еще раз. Поток теперь извергался из пробоины широкими струями, падая по крутой дуге и завиваясь спиралью. Кругом плавал легкий туман, образовавшийся от многочисленных брызг, его освещали неяркие натриевые лампы — картина казалась неземной, нереальной, обманчиво прекрасной.

Нога Хьюи соскользнула, и ее туфля промелькнула в опасной близости от лица Крейна. Девушка вскрикнула и прижалась к лестнице.

— Не могу, — выдохнула она, — не могу.

— Не волнуйся, — успокаивал ее Крейн. — Медленно и осторожно. Вниз не смотри.

Хьюи кивнула, не поворачивая к нему головы. Перенеся руки, она снова стала карабкаться, тяжело дыша.

Они продолжали свой неспешный путь наверх. Крейн прикинул, что позади уже футов сорок. Струи воды становились все сильнее, крупные брызги попадали на руки и лицо. Крейн понял, что чем ближе они поднимутся к пробоине, тем сильнее будет поток.

Они карабкались еще минуту-другую, после чего Хьюи остановилась, хватая ртом воздух.

— Мне надо отдохнуть.

— Хорошо. Держись крепче, прислонись к скобам. Ты молодец.

Крейн и сам был рад остановке, грудь его ходила ходуном, а пальцы заболели от холода металлических перекладин. По его предположениям, барьер, они, скорее всего, уже миновали. Во все стороны тянулась стальная оболочка станции — унылая, ровная, серая металлическая поверхность. Крейн глянул под ноги. Часть лестницы, которую они уже преодолели, ровной линией уходила вниз — в туман и водяную пыль. Он едва мог разглядеть крохотную площадку, на которую они вышли из люка, — она казалась едва заметным пятнышком далеко внизу. Под ней, насколько хватал взгляд, дно было уже полностью покрыто неспокойной, бурлящей водой.

— Я вот что хотел спросить, — крикнул Крейн, стараясь перекричать шум воды.

Хьюи не отрываясь смотрела на стальные скобы.

— Что?

— А где мы выйдем?

— Не знаю.

Крейн замер.

— То есть как?

— Я помню, что на верхних уровнях есть не то один, не то два входных люка. Но не знаю, на какой они палубе.

— Здорово.

Крейн отер влагу с лица, помотал головой, чтобы стряхнуть воду с волос.

По его представлениям, оставалось преодолеть еще около сотни ступенек. Со своего ненадежного наблюдательного пункта доктор с недобрым предчувствием оглядел поврежденный тоннель. Сейчас он находился на одну-две палубы выше — огромная горизонтальная труба, наполовину скрытая потоками, извергающимися из дыры в обшивке. Струи били так сильно, что Крейн невольно подумал, уж не повреждена ли станция. Он окинул взглядом лестницу над головой. К счастью, она крепилась вдоль угла строения, на некотором расстоянии от разгрузочного терминала. Но все равно череду скоб над ними то и дело обдавало волнами черной морской воды.

Пробраться через них — непростая задача.

Крейн ощутил, как забилось у него сердце, а мускулы ног словно свела судорога. Он отвел взгляд. Вид пугал — если не начать двигаться прямо сейчас, то тронуться с места будет вообще невозможно.

— Идем, — крикнул он Хьюи сквозь шум водопада. И снова они начали потихоньку карабкаться вверх.

На каждой новой ступеньке вода била все с большей силой. Раньше их окатывало словно душем или ливнем, но теперь, когда они оказались вровень с пробоиной, потоки летели почти горизонтально и мощь их росла. В водяном тумане Крейн едва мог видеть ноги Хьюи.

— Осторожно! — предупредил он. — Держись крепче, когда поднимаешься!

Он хотел сказать что-то еще, но в рот ему плеснуло соленой водой, и он отвернулся, кашляя и задыхаясь.

«Подтянуться… поставить ногу… протянуть руку к перекладине… подтянуться». Крейн старался думать только о подъеме, полностью раствориться в ритме действия. Вода лилась прямо на него, заливая глаза и уши, била по пальцам, пыталась оторвать от корпуса станции. Он уже не знал, сколько они прошли, когда все вокруг буквально залито ледяной водой — и руки, и глаза, — и холод пробирает до костей, на

глазок определить невозможно. Казалось, весь мир превратился в воду. Каждый вдох приносил больше воды, чем воздуха. Крейн ощутил, что у него кружится голова и он теряет ориентацию.

Он остановился и помотал головой. Потом уцепился за скобу; рука стала скользить, и он стиснул пальцы, удерживая равновесие. Отвернувшись от струй, он вдохнул глубже и подтянулся на следующую ступеньку. «Мы должны уже пройти тоннель, — подумал он. — Долго так продолжаться не может. Не может».

И вдруг Крейн услышал вопль. Он раздался прямо над головой, но из-за рева потока был едва слышен. Через мгновение что-то с силой обрушилось на голову и плечи Крейна. Удар был столь неожиданный, что Крейн чуть не выпустил скобу. Какая-то тяжесть повисла у него на шее, дергая и мотая из стороны в сторону. Крейн стоял под потоками воды, изо всех сил цепляясь за лестницу, и старался понять, что же случилось.

Раздался еще один крик, прямо у него над ухом, и Крейн все понял. Хьюи не удержалась и сорвалась. В отчаянной попытке спастись она сумела ухватиться за него, прежде чем соскользнуть в бездну.

— Хьюи! — крикнул он, поворачивая к ней голову.

**55**

— Хьюи! — крикнул Крейн еще раз.

Она застонала, прижимаясь к его щеке мокрой и холодной щекой.

— Держись! Держись крепче! Я постараюсь вылезти!

Он закрепился на лестнице; мышцы рук и ног заныли от добавочного веса. Собрав все силы, Крейн отпустил одну руку, нащупывая следующую ступеньку. Хьюи обвила его шею, тянула вниз, и положение было мучительным: кончиками пальцев Крейн дотянулся до ступеньки, но тут рука соскользнула. Зарычав, он рванулся еще раз и теперь уже крепко ухватил перекладину. Он отчасти выпихнул, отчасти выдернул себя вверх, оттолкнулся ногами, вцепился в следующую скобу. Коленки Хьюи упирались ему в бедра, а лодыжки обвили его колено.

Еще подъем на ступеньку, еще один труднейший рывок. И вдруг Крейн ощутил, что жуткий водоворот, бьющий его по вытянутым рукам, немного ослабел. Это прибавило сил его измученным мускулам, и он с усилием поднялся — сначала на одну ступеньку, затем еще на одну. Теперь уже его голова и плечи оказались выше завихряющихся потоков. Он ненадолго остановился, чтобы отдохнуть — грудь его тяжело вздымалась, а каждый мускул ныл и дрожал, — и за короткое время они преодолели еще пару ступенек.

Они оказались над водой, которая мчалась, словно бурная река, всего в нескольких дюймах от их ног. Закрепившись как следует, Крейн взял руку Хьюи в свою и перенес к следующей ступеньке. Потом медленно и осторожно помог ей встать на перекладину ногами.

Они стояли, тяжело дыша и всхлипывая, а прямо под ними бушевал водоворот.

Казалось, минул не один час, пока они висели молча, не шевелясь, уцепившись за лестницу на стене станции. Однако Крейн догадывался, что на самом деле прошло всего минут пять. Наконец он заставил себя сдвинуться с места.

— Вперед! — крикнул он. — Мы почти добрались, идем же!

Хьюи не смотрела на него. Одежда и рабочий халат прилипли к ее худенькой фигурке; девушка сильно дрожала.

Крейн даже не понял, услышала ли она.

— Хьюи! Нам надо двигаться!

Она моргнула и слабо покачала головой. Страх исчез из ее взгляда, уступив место шоку и усталости.

Они продолжили свой путь, двигаясь медленно и с величайшей осторожностью. Крейн окоченел от холода и изнеможения. Он пытался считать ступеньки, но они сливались у него перед глазами, а он, сколько ни старался, никак не мог сфокусировать взгляд. Один раз, всего только один раз Крейн посмотрел вниз. Лестница под ногами уходила в настоящий водяной хаос. Больше ничего не было видно — ни стены станции, ни закругления купола, ни морского дна внизу. Крейн и сам не верил, что им удалось пробраться сквозь этот ад.

Хьюи над ним что-то говорила, но он не мог разобрать что. Вяло, словно во сне, он поднял взгляд. Девушка указывала на небольшое пятно в десяти футах у себя над головой — там к стене станции крепилась еще одна маленькая площадка.

Собрав последние силы, они выбрались наверх. Там тоже находился люк без маркировки. Крейн поднял руку, чтобы отдраить его, но задумался. И понял, что ему чуть ли не страшно. Что, если люк заперт и не откроется? Если не удастся попасть внутрь, они не выживут. Если не утонут в поднимающейся воде, то скоро погибнут от переохлаждения.

Крейн сделал глубокий вдох и взялся за болты. Под его нажимом они плавно повернулись. Тогда он схватился за маховик, крутанул его и навалился всем телом на крышку. Скрипнув уплотнителем, люк

поддался и открылся. Крейн помог Хьюи войти в маленький шлюз, шагнул следом и задраил за собой люк.

Они вернулись на станцию.

## 56

Они очутились в узком темном помещении. Крейн ненадолго остановился, чтобы выровнять дыхание. В крошечной комнатке было слышно, как снаружи завывает аварийная сигнализация.

Крейн открыл дверь; за ней оказался пустой коридор. Звук сирены здесь был гораздо громче.

— Одиннадцатая палуба, — сообщила Хьюи, бросив быстрый взгляд по сторонам. — Жилой блок.

— Нам надо попасть в конференц-зал на двенадцатой, — сказал Крейн. — Там меня ждет доктор Вандербильт.

Крейн наугад заглянул в одну из кают, схватил в ванной полотенце и набросил его Хьюи на плечи. Они побежали к ближайшей лестнице. На этом этаже, похоже, никого не было, только один раз они встретили человека в комбинезоне механика — тот остановился и с удивлением смотрел, как они, мокрые до нитки, промчались мимо.

Добравшись до лестницы, они кинулись вверх, на самый последний уровень станции. В отличие от жилой палубы на двенадцатой было полно народу — люди стояли группами в коридорах и в дверных проемах; их лица были мрачны.

Конференц-зал объединял центральное помещение, похожее на лекционную аудиторию, а вокруг располагались комнаты меньшего размера. Полдесятка человек собрались вместе в главном зале и совещались вполголоса. Когда вошел Крейн, они замолчали. От группы отошел человек. Он был высокий и худой, с рыжими волосами и короткой бородкой. Из кармана лабораторного халата торчали черные очки.

Мужчина шагнул навстречу Крейну и Хьюи.

— Доктор Крейн? — спросил он.

Врач кивнул.

— Я — Джин Вандербильт, — сказал ученый-океанограф и быстро оглядел их. Глаза у него округлились, когда он заметил их растерзанный вид, но ничего не сказал. — Идемте, я познакомлю вас с остальными.

Они подошли к людям в центре зала. Крейн нетерпеливо ждал, когда его представят, потом поспешно пожал всем руки.

— Честно говоря, я очень удивлен, что вы пришли, — сказал ему Вандербильт. — Не думал, что вам удастся.

— Почему? — спросил доктор.

Неужели Вандербильту стало известно о том, что его пытались арестовать, и он не надеялся, что Крейн минует барьер?

— Да ведь восьмая палуба полностью затоплена. Все водонепроницаемые двери герметично закрыты, шахты лифтов тоже.

— Полностью затоплена?

Крейн был потрясен. «Значит, — подумал он, — станция все-таки получила повреждения». Таким образом, из закрытой зоны никто не может попасть на верхние уровни станции.

— Да, и несколько отсеков на седьмом уровне тоже. Верно?

Вандербильт повернулся к невысокому смуглому человеку в комбинезоне механика, которого Крейну представили как Гордона Стампера.

Он энергично закивал.

— На данный момент водой заполнено примерно шестьдесят процентов помещений седьмой палубы. Отсеки с двенадцатого по четырнадцатый затопило в последние пять минут.

— Кажется, вы нашли другой путь, — обратился Вандербильт к Крейну, бросив на него проницательный взгляд.

— Сейчас и им нельзя воспользоваться, — ответил Крейн. — Один из разгрузочных тоннелей получил пробоину, и вода поступает в полость между станцией и куполом. Аварийный выход на второй палубе уже под водой.

— Да, мы знаем об этом, — произнес Вандербильт. — Ремонтные команды уже высланы.

— Течь очень большая, — с сомнением заметил Крейн.

— Уж я-то знаю, — отозвался Стампер. — Прошу прощения, но мне надо вернуться к своим ребятам.

— Жду вас в пятнадцать часов с рапортом, — сказал ему Вандербильт.

— Он подчиняется вам? — удивился Крейн.

Вандербильт кивнул.

— На палубах выше восьмой я самый старший по званию среди военных ученых.

— А офицеры?

— Их мало. Они заняты борьбой за живучесть — пытаются локализовать затопление и ликвидировать прорыв.

Крейн посмотрел вслед уходящему Стамперу.

— Вы сказали, что знаете о пробоине. А откуда она?

Он заметил, как ученые переглянулись. Вандербильт кивнул:

— Это диверсия.

Крейн повернулся к нему.

— Вы уверены?

Снова неловкое молчание.

— Похоже, Роджер Корбетт застал ее, когда она устанавливала заряд.

— Ее? Вы хотите сказать, что диверсию совершила женщина?

— Мишель Бишоп.

Хьюи Пинг ахнула.

— Нет, — сказал Крейн. — Это невозможно!

— Корбетту удалось набрать номер на своем мобильном телефоне, пока он разговаривал с Бишоп. Он позвонил своему интерну, Брайсу, и тот все слышал своими ушами.

Слишком многое произошло — и слишком быстро, так что Крейн даже не мог все это осознать. Озноб, который он ощутил, был вызван вовсе не мокрой одеждой. Мишель! Нет, этого не может быть.

— Где они теперь? — спросил он тусклым голосом.

— Никто не вышел с восьмой палубы. Мы решили, что они оба погибли при взрыве.

Крейн отстраненно подумал, что он неспособен думать об этом. Не сейчас. Он с усилием отогнал от себя мысли и глубоко вздохнул.

— Пробоина — не единственная наша проблема, — начал он. — Если честно, то, может, и не самая главная.

— Я понял, что вы за этим нас и собрали.

Крейн оглядел собравшихся ученых.

— Сколько человек среди вас имеют допуск в закрытую зону?

Руки подняли двое, включая Вандербильта.

Измученный, истерзанный переживаниями Крейн подумал, что сейчас нарушит все секретные соглашения, которые обязался соблюдать. И понял, что его это ничуть не беспокоит.

Он быстро обрисовал текущую ситуацию: истинную цель раскопок, подозрения Ашера, медицинскую проблему и ее решение, расшифрованные сообщения, ОУУО. Хьюи то и дело вставляла свои замечания, что-то поясняла или добавляла от себя. Во время рассказа Крейн смотрел на лица ученых. Некоторые, включая тех, у кого был допуск, кивали, словно подтверждались их подозрения. Лица других выражали удивление, даже потрясение, а в паре эпизодов — и недоверие.

— Королис принял военное командование станцией, — закончил Крейн. — Не знаю, что с адмиралом Спартаном. Но сейчас Королис — в Сфере-три, стремится скорее проникнуть в Мохо. Насколько я понял, это может произойти при сегодняшнем погружении, в любой момент.

— И что вы предлагаете? — спросил Вандербильт.

— Надо выйти на связь с поверхностью. Сообщить в «Амшейл», а еще лучше — в Пентагон. Связаться с людьми, которые в силах прекратить это безумие.

— Это нелегко будет сделать.

Крейн посмотрел на океанографа.

— Почему?

— Мы не можем связаться с внешним миром прямо сейчас. Я уже пытался.

— А что случилось?

— Радиорубка находится в седьмом отсеке. Ее затопило.

— Проклятье, — пробормотал Крейн.

На какое-то время воцарилось молчание.

— Спасательная капсула, — сказала Хьюи Пинг.

Все посмотрели на нее.

— И что? — спросил один из ученых.

— Если мы не можем передать информацию, тогда нам придется самим доставить сообщение.

Опять наступила тишина; на этот раз она продолжалась недолго.

— Она права, — подвел итог кто-то. — Нам нельзя здесь оставаться, особенно если то, что рассказал доктор Крейн, — правда.

— И вот еще что, — прибавила Пинг. — Если мы не сможем заделать пробоину в разгрузочном тоннеле, вода будет по-прежнему поступать в купол.

— Станция не рассчитана на давление на этой глубине, — произнес кто-то еще. — Ее раздавит.

— Капсула вмещает примерно сто человек, — сказал Вандербильт. — Мы легко заберем всех, кто остался на верхних этажах.

— А как же те, кто остался внизу, в закрытой зоне? — спросил Крейн.

— Еще и поэтому мы должны как можно скорее подняться на поверхность, — ответил Вандербильт. — Связи у нас нет. Чем быстрее мы всплывем, тем быстрее спасатели смогут вернуться на станцию, чтобы организовать эвакуацию.

Крейн оглядел собравшихся. Люди кивали, выражая согласие.

— Значит, решено, — сказал Вандербильт. — Давайте выводить персонал к капсуле. Мне нужны добровольцы, которые прошли бы по девятой, десятой и одиннадцатой палубам и собрали всех, кто может там оставаться.

— Я возьму девятую, — вызвался Крейн. — Я знаю ее лучше, чем остальные.

— Хорошо. Возвращайтесь как можно скорее, — согласился Вандербильт.

Крейн повернулся к Пинг.

— Ты поможешь на посадке?

Она кивнула.

— Я скоро вернусь.

Он ободряюще пожал ей руку. Потом повернулся и выбежал из зала.

В тесном, пропахшем потом пространстве Сферы-три Рафферти склонил к плечу лохматую голову.

— Сэр…

Королис отвернулся от пульта и посмотрел на инженера.

— Датчики зарегистрировали аномалию в материнской породе.

— Где?

— Менее чем в двух метрах ниже данного участка.

— А с тоннелепроходческой машиной?

— Отвечает на команды с небольшой задержкой, сэр. Мы теперь сверяем контрольные суммы по каждому пакету данных.

Королис кивнул с отсутствующим видом.

— Поставьте на средний ход. Поломок нам не надо.

— Средний ход, так точно.

— Что именно показывают датчики?

— Пока непонятно. Вода очень мутная, надо подойти ближе.

— А ультразвук?

— По-прежнему сильные помехи снизу, сэр.

Королис потер виски, про себя ругая несовершенное оборудование. Похоже, чем ближе они подходят к аномалии, тем хуже работают все их приборы.

В Сфере было жарко, и Королису, прежде чем прижать лицо к резиновой рамке экрана наружного обзора, пришлось вытереть со лба пот. Нажав кнопку на центральной панели, он включил прожектор под Сферой. На крохотном экранчике тут же возник ураган ила и скальных обломков — машина впереди разрывала породу, а вакуумная труба тут же откачивала ее, чтобы рассеять по дну, и поэтому вода вокруг механизмов была совершенно непрозрачной. «Черт, слишком много мусора». Королис выключил прожектор и откинулся на стуле, нетерпеливо барабаня пальцами по ручкам настройки экрана.

Снаружи раздался приглушенный гул — словно откуда-то издалека. Это доктор Флайт установил еще одну секцию обшивки.

Пискнуло радио.

— Сфера-три, вызывает диспетчер.

Королис выдернул микрофон из подставки.

— Прием.

— Докладываю о взрыве, сэр.

— Слушаю.

— Похоже, в северном компенсационном тоннеле пробоина.

— А станция?

— Восьмая палуба затоплена, через нее не пройти. Также затоплено почти пятьдесят процентов седьмой палубы.

— Седьмой? Этого не может быть, она спроектирована на абсолютную герметичность.

— Да, сэр, но пробоина расположена так, что вода попадает вниз по вентиляционным шахтам. Согласно сообщениям, причиной взрыва послужила...

— А аварийные партии? Они работают?

— Водонепроницаемые люки на палубах непосредственно над и под пробоиной закрыты. Поступление воды прекращено.

— Хорошо.

— Но вода поднимается и в полости под куполом, сэр. И если затопление седьмой палубы будет продолжаться, то барьер окажется под давлением.

Резкая боль пронзила голову Королиса.

— Значит, надо как можно скорее заделать брешь в компенсационном тоннеле.

— Но, сэр...

— Не хочу слушать ваши оправдания. Соберите столько аварийных команд, сколько вам нужно. Выполняйте.

— Сэр, — прошептал Рафферти у него над ухом.

— Погодите, — рявкнул Королис в микрофон. — Да, доктор Рафферти?

— Датчики показывают встречное движение.

— Откуда?

— Пока не знаю, сэр. Еще минуту назад ничего не было. Они только что появились.

Королис моргнул.

— Подводные стражи?

— Непонятно. Если да, то они гораздо больше, чем прежние, сэр. И приближаются очень быстро.

Королис еще раз прижался к окуляру и включил внешнее освещение.

— Остановите машину. Я в этом супе ничего не вижу.

— Так точно, сэр. Останавливаю тоннелепроходческую машину.

Королис смотрел на экран. Серая буря из песка и ила медленно стихала. И вот, словно призраки из тумана, появились они.

Их было два. Выглядели они столь же неописуемо, как и их младшие братишки, обретавшиеся сейчас на станции: сияющие, переливающиеся неземными красками, янтарными, алыми, лиловыми, и тысячами других оттенков, такими яркими в черных глубинах, что чувствительные элементы камеры работали на пределе возможности. Но эти подводные стражи были гораздо больше — в длину имели три, а то и четыре фута, за каждым вился сияющий прозрачный шлейф, а во все стороны расходились радужные усики. Странные объекты подплыли и остановились под Сферой, по бокам от нее. Королис глядел на них, не веря своим глазам, а они тихо покачивались на одном месте, словно ждали чего-то.

Никогда еще он не видел ничего столь же прекрасного. Королис ощутил, как ломота в висках, неприятный колючий жар, который обволакивал его, — все исчезает под их очарованием.

— Они вышли приветствовать нас, — прошептал он.

— Сэр? — пискнуло радио.

Королис заставил себя оторваться от экрана. При этом боль вернулась — в полную силу, да такая, что он ощутил спазм тошноты. Он стиснул микрофон.

— Что такое? — злобно спросил он.

— Сэр, мы вот еще что хотели сообщить. Получено сообщение с верхних палуб. Кажется, ученые объявили мобилизацию.

— Мобилизацию?

— Да, сэр. Они собирают персонал и экипаж и отправляют всех на посадку в спасательную капсулу. Готовится массовая эвакуация.

Доктор Флайт издал торжествующий смешок.

— «Благоприятный им ветер послала Паллада Афина»,[15] — тихо процитировал он.

Королис пропустил его выступление мимо ушей. Он придвинул микрофон к губам и заговорил ровным голосом:

— Пока я командую, никто станцию не покинет. Разве у старшины Вобурна нет людей на верхних палубах?

— Есть, сэр. Они на лестницах, ведущих к восьмой палубе, заняты борьбой за живучесть.

— Разберитесь там! Конец связи.

— Так точно, сэр, — чирикнуло радио и отключилось.

Королис повернулся к Рафферти.

— Какое расстояние до аномалии?

— Один метр прямо под участком.

— Можете сделать анализ?

— Сейчас проверю. — Инженер склонился над приборами. — Похоже, это какой-то сверхплотный материал.

— Размер?

— Неизвестен. Она протянулась во всех направлениях.

— Это новый слой породы?

— Не похоже, сэр. Поверхность абсолютно ровная.

«Абсолютно ровная поверхность. В метре под нами».

От этих слов сердце у Королиса забилось сильнее. Он рассеянно провел ладонью по лбу, облизал губы.

— Как работает система подачи сжатого воздуха?

— Сто процентов мощности.

— Очень хорошо. Измените задание тоннелепроходческой машине — пусть начнет рыть боковую шахту. Потом отведите ее и снаряд туда и активируйте стабилизатор.

— Есть, сэр.

Королис перевел взгляд с инженера на доктора Флайта, потом обратно. Не говоря больше ни слова, он повернулся к окуляру и снова приник к обзорному экрану.

## 58

Чтобы обойти девятый уровень, Крейну понадобилось двадцать минут. Палуба снабжения, в любое время суток обычно полная народа, сейчас походила на город-призрак. Театр — словно кладбище забытых кресел, в библиотеке никого. Магазины не работают, свет в витринах не горит, на проходе одиноко стоят пустые столики уличного кафе. В кабинке мультимедийного центра спал рабочий, а когда Крейн зашел к себе в медпункт, чтобы взять аптечку, встретил там какого-то ремонтника. Оба были отправлены на двенадцатую палубу.

Крейн заглянул в прачечную — пусто. Он взял еще одно сухое полотенце. Потом вернулся на Таймс-сквер, чтобы бросить последний взгляд на витрины закрытых магазинов. Стояла мрачная тишина. В воздухе еще висел запах жареного кофе, и из кафе доносилась музыка. Слышались и другие звуки — тихое потрескивание и шорох с восьмой палубы под ногами. Крейну тут же вспомнилась служба на подводной лодке и почти зловещий скрежет балластных цистерн, наполняемых забортной водой.

Взбегая по лестнице, Крейн снова вспомнил о Мишель Бишоп. Ему не хотелось верить. И все же он понимал, что это, наверное, единственное объяснение, почему она сама не собрала ученых и не перезвонила Крейну, хотя обещала. Когда-нибудь он, наверное, попытается разобраться, зачем она так поступила. Сейчас он не мог об этом думать.

Крейну вспомнился их последний короткий разговор по телефону: «Значит, Спартан не собирается останавливать работы?» — спросила она. По крайней мере, ясно одно: она задала этот вопрос вовсе не из праздного любопытства.

Поднявшись на двенадцатый уровень, Крейн поспешил скорее обойти опустевшие коридоры. Зона посадки в аварийную капсулу представляла собой большое помещение рядом с гипербарическим комплексом. Войдя, Крейн увидел, что перед металлической лестницей у дальней стены собрались два десятка человек. Ступеньки вели к большому тяжелому люку в потолке. Сверху пробивался слабый синий свет, придавая месту несколько театральный вид. Рядом стоял Вандербильт, наблюдая за посадкой, тут же была и Хьюи Пинг. Заметив Крейна, оба подошли к нему.

— Нашли кого-нибудь? — спросил Вандербильт.

— Только двоих.

Ученый кивнул.

— Значит, все. Осмотр остальных палуб закончен.

— Сколько всего человек? — спросил Крейн.

— Сто двенадцать. — Вандербильт кинул в сторону очереди, медленно продвигавшейся вверх по ступеням. — Как только эти поднимутся, можем начинать всплытие.

— А где Стампер?

— Он и его люди уже на борту. С этой стороны пробоины они ничего больше сделать не могут.

Вандербильт пошел к лестнице, а Крейн повернулся к Хьюи Пинг.

— А ты почему не в капсуле? — спросил он, убирая с ее плеч мокрое полотенце и заменяя его сухим.

— Я ждала тебя.

Они молча встали за людьми, идущими на посадку. Дожидаясь своей очереди, Крейн опять вспомнил о Мишель Бишоп. Но сейчас ему меньше всего хотелось думать о ней. Чтобы отвлечься, он обратился к Хьюи.

— Что ты хотела мне рассказать? — спросил он.

Хьюи, о чем-то задумавшись, с рассеянным видом куталась в полотенце.

— Что?

— Ты сказала тогда, что расшифровала запись. Ту, длинную, которую первой получили из-под Мохо.

Хьюи кинула.

— Да. Ну, это пока гипотеза. Я не могу ее подтвердить, но вообще все сходится.

Она запустила руку в карман своего лабораторного халата и вынула наладонный компьютер, с которого текла вода.

— Промок. Не знаю, может, и работать не будет.

Но когда Хьюи нажала кнопку, дисплей мигнул и засветился. Вытащив перо, она стала нажимать иконки, пробираясь по многочисленным меню. На экране появилась запись в двоичном коде:

1000000111000000000000000000110000000100000000000000000000110
0000000000000000000000000011000000000000000000000011000001 1000
0000000000000000000000001100000000000000000000000000000001100000
0000000100000000000000110000000000001110000000000000011000000
0000001000000000000000110000000000000000000000000000001100000000
0000000010000000001100000000000000000000000000000001100000110000
0000000000000000110000000000000000000000001100011000000000000
0000000000000100000100100000000000000111000100100000000000000
0000100000000000000000000001001000010000000000001010000000000000
0000010001000000000000000000000000000000001000000001000000000
0100001000000000000000001000010001000000100001000000000000010000
0000100010000000100000000000000000100000000000000000000001000000
0000100001000000000000100001000000000100000001000010000000000
0000000010000000000010000100000000000100000000000000000000000
000000000101100000000000010000010

— Вот, — сказала она. — Этот текст доктор Ашер сохранил в файле initial.txt и так и не попытался прочесть его. Дожидаясь тебя, я применила несколько подходов, но все впустую. Кажется, у этого сообщения не было ничего общего с теми математическими выражениями, которые расшифровал доктор Ашер.

Очередь перед лестницей потихоньку уменьшалась, перед ними оставалось человек десять.

— Продолжай, — попросил Крейн.

— Я уже хотела сдаться. Потом вспомнила, что ты говорил про ОУУО и что обычно применяются разные виды предупреждений. «Рисунки, символы, тексты», сказал тогда ты. И я стала размышлять. Кто бы ни оставил что-то там, под Мохо, скорее всего, они тоже использовали несколько типов предостережений. Может, не только запрещенные математические действия. И я взялась экспериментировать. Сначала я попробовала воспроизвести это сообщение как звуковую запись. Не получилось. Тогда я подумала, что это, может быть, графическое изображение или даже несколько. Я стала делить его различными способами. Меня заинтересовали повторяющиеся пары единиц в первой части кода. И я разложила его надвое. Ты заметишь, что первая половина ограничивается единицами. И соотношение между единицами и нулями везде одинаковое. То есть, похоже, так и надо было сделать — поделить одно сообщение на два.

Она постучала пером по экрану. Та же самая двоичная запись теперь распалась на две части:

```
1000000111000000000000000000001
1000000010000000000000000000001
1000000000000000000000000000001
1000000000000000000000011000001
1000000000000000000000000000001
1000000000000000000000000000001
1000000000000001000000000000001
1000000000000011100000000000001
1000000000000001000000000000001
1000000000000000000000000000001
1000000000000000000010000000001
1000000000000000000000000000001
1000000110000000000000000000001
1000000000000000000000000110001
1000000000000000000000000000001
```

```
0000010010000000000000001110001
0010000000000000000001000000000
0000000000010010000100000000000
0010100000000000000000001000100
0000000000000000000000000000000
1000000001000000000000100001000
1000000000000010000100010000001
0000100000000000001000000001000
1000000010000000000000000000100
0000000000000000001000000000010
0001000000000000010000100000000
0100000000100001000000000000000
0000010000000000001000010000000
0000010000000000000000000000000
0000000101100000000000010000010
```

Хьюи посмотрела на Крейна.

— Видишь что-нибудь необычное в первом случае?

Крейн вгляделся в экран.

— Единицы собраны вместе.

— Точно. — Хьюи обвела пером группы единиц.

```
100000011100000000000000000001
100000001000000000000000000001
100000000000000000000000000001
100000000000000000000011000001
100000000000000000000000000001
100000000000000000000000000001
100000000000000100000000000001
100000000000011100000000000001
100000000000000100000000000001
100000000000000000000000000001
100000000000000000010000000001
100000000000000000000000000001
100000110000000000000000000001
100000000000000000000000011001
100000000000000000000000000001
```

— Тебе это о чем-нибудь говорит? — спросила Хьюи.

Крейн покачал головой.

— Да нет вообще-то.

— А мне — да. Мне кажется, это схема Солнечной системы — ближайших к Солнцу планет. — Хьюи указала на самую большую группу: — Здесь, в центре, — Солнце. А вокруг — шесть внутренних планет. Могу спорить, что если взять сейчас карты звездного неба, то мы увидим: именно так располагались планеты шестьсот лет назад.

— То есть тогда, когда произошло захоронение.

— Верно.

— А второй отрывок? — спросил Крейн. — Он ни на что не похож. Разве что на шум.

— Это и есть шум. Я проверила несколько раз. Хаос, и все.

Крейн хмурился, глядя на мешанину единиц и нулей. И вдруг ему в голову пришла жуткая мысль.

— Ты хочешь сказать, что речь идет о… конце света?

Хьюи кивнула.

— Думаю, это еще одно предупреждение. Если мы доберемся до того, что там зарыто…

Она умолкла.

Крейн поднял голову и посмотрел на нее.

— Солнечная система разлетится на кусочки.

— Буквально и фигурально.

Вандербильт уже помогал женщине, стоявшей перед ними, взобраться по лестнице в спасательную капсулу. Хьюи шагнула вперед и взялась за перекладину. Крейн остановил ее.

— Вот это да! Потрясающе!

Она повернулась к нему.

— Что именно?

— Прячась в лаборатории, ты находишь мужество не только думать над задачей, но и решить ее…

Крейн покачал головой.

В этот миг дверь в зону посадки распахнулась. В помещение вошел солдат в черной форме с винтовкой AR-15 в руках. Он оглядел Крейна, Хьюи, Вандербильта и последних ученых, взбиравшихся по ступенькам.

— Отойдите от лестницы! — рявкнул он.

Крейн повернулся к нему.

— Мы эвакуируем персонал, пришлем помощь.

— Никакой эвакуации. Всем покинуть спасательный аппарат и вернуться на свои места. Капсулу привести в исходное состояние.

— По чьему распоряжению? — спросил Вандербильт.

— Коммандера Королиса.

— Королис нездоров, — ответил Крейн.

— Я здесь старший по званию, — произнес Вандербильт. — Нижние палубы недоступны, поэтому тут командую я. Эвакуация будет продолжена.

Солдат направил на них винтовку.

— У меня приказ, — заявил он спокойным негромким голосом. — Всем придется выйти из капсулы. Так или иначе.

Крейн перевел взгляд с дула винтовки на лицо человека в черной форме. Его глаза ничего не выражали. Крейн нисколько не усомнился, что сказанные слова — не пустая угроза.

Женщина на лестнице замерла. А потом, тихонько всхлипнув, начала медленно спускаться.

## 59

Крейн смотрел на солдата. Тот стоял в дверном проеме, футах в пятнадцати от него.

Кулаки врача сжались. У него начал формироваться пока еще неясный план. Он понимал, что никак не сможет добраться до противника первым — тот успеет выстрелить. Но если чем-нибудь отвлечь его, это даст Вандербильту время...

Крейн шагнул вперед.

Военный быстро повернулся к нему. Он глянул на Крейна широко раскрытыми глазами, словно угадав его план. И быстро нацелил винтовку.

В этот момент в коридоре за дверью в зону посадки появилась какая-то фигура.

— Отставить, — прогремел знакомый голос.

Солдат обернулся. Позади в проеме стоял адмирал Спартан. Огромная ссадина поперек лба сильно кровоточила, и вся верхняя часть мундира схватилась коркой запекшейся крови. В правой руке он держал тяжелый серый пистолет. Адмирал был бледен, но вел себя решительно.

— Я сказал, отставить, солдат, — тихо повторил он.

Какой-то миг все стояли неподвижно. Потом мужчина в черном резко перевел винтовку, нацелив ее на Спартана.

Одним плавным движением адмирал поднял пистолет и спустил курок. В замкнутом помещении выстрел прозвучал оглушительно. Солдат отлетел назад, оружие с грохотом покатилось по полу. Женщина на лестнице закричала.

Спартан еще некоторое время стоял, наведя пистолет на недвижное тело. Потом сделал шаг вперед, поднял винтовку и повернулся к Крейну. Вандербильт молча помог женщине, которая только что спустилась, снова подняться на лестницу, а за ней — и Хьюи Пинг.

Крейн открыл свою медицинскую сумку, собираясь достать набор для перевязки, но адмирал махнул рукой.

— Где вы были? — спросил Крейн.

— Меня заперли в собственной каюте.

— Как же вы вышли?

Адмирал с холодной улыбкой поднял пистолет.

— Вы знаете, что произошло?

— Я знаю достаточно. В спасательной капсуле все?

— Те, кто был на палубах с девятой по двенадцатую. Всего сто двенадцать человек. Восьмая полностью затоплена. С уровней, расположенных ниже, никто не может выбраться.

Лицо Спартана болезненно скривилось.

— Очень важно, чтобы вы как можно скорее эвакуировали отсюда людей.

— Несомненно. Давайте поднимемся в капсулу.

Адмирал покачал головой.

— Я остаюсь.

— Не делайте этого! Нет никакой гарантии, что помощь прибудет вовремя. Кроме того, Королис — там, внизу, в Сфере-три. В любой момент он может добраться до Мохо. Один бог ведает, что тогда будет.

Спартан указал пистолетом на солдата.

— Другие скоро будут здесь. Они прервут расстыковку капсулы и не дадут вам всплыть. Я останусь, чтобы не допустить этого.

Крейн нахмурился.

— Но...

— Это приказ, доктор Крейн. Вы должны спасти как можно больше людей. А теперь, пожалуйста, идите в капсулу.

Крейн помедлил еще немного. Потом встал по стойке «смирно» и отдал адмиралу честь. Адмирал ответил, едва заметно улыбнувшись. Крейн повернулся к лестнице, чтобы последовать за Вандербильтом.

— Доктор, — окликнул его Спартан.

Крейн оглянулся. Адмирал достал из кармана визитку и протянул ее Крейну.

— Когда окажетесь на «Сторм кинг», позвоните этому человеку. И все ему расскажите.

Крейн взглянул на карточку. На ней стоял герб Министерства обороны и было написано:

«Колин Макферсон, (203) 111-1011».

Имя и номер, больше ничего.

— Есть, сэр, — ответил он.

— Удачи.

Крейн кивнул адмиралу. Потом быстро поднялся по лестнице и влез в люк в потолке.

Он оказался в узкой вертикальной шахте, освещенной утопленными в стенах синими светодиодами. Лестница шла дальше вверх по узкому тоннелю.

Взобравшись еще на два с лишним десятка ступенек, Крейн прошел через очень толстый, похожий на ворот свитера люк и оказался в низком, круглом, похожем на каплю помещении. Как и входная шахта, оно было тускло освещено синим светом. Остановившись на лестнице, чтобы глаза привыкли к освещению, Крейн заметил, что вокруг него, по периметру всей капсулы, концентрическими кругами приварены, один над другим, два ряда скамеек и перед каждым проходит ограждающий поручень. Оба ряда оказались набиты битком. Кое-кто держался за руки. Стояла необычная тишина; люди если и разговаривали друг с другом, то приглушенным шепотом. Крейн пробежал глазами по лицам, отыскивая знакомых. Брайс, интерн-психиатр. Гордон Стампер, спасатель. Лаборанты, повара, механики, библиотекари, кассиры магазинов, официанты — те сотрудники станции, которых он лечил, с кем работал или кого просто встречал за проведенные здесь недели.

Не было только двоих знакомых ему людей: Роджера Корбетта и Мишель Бишоп.

Справа от Крейна располагалась небольшая панель управления, за которой сидели Вандербильт и техник, которого Крейн не знал. Вандербильт поднялся и подошел к нему.

— А адмирал Спартан? — спросил он.

— Он остался, — ответил Крейн.

Вандербильт кивнул. Опустившись на колени, он тщательно задраил входной люк. Потом повернулся и дал знак технику, который быстро переключал регуляторы на пульте.

Над головой раздался тихий шум.

— Началась расстыковка, — объявил техник.

Вандербильт поднялся, отер руки о полу лабораторного халата.

— Пошел пятиминутный обратный отсчет — производится герметизация, — пояснил он.

— А сколько времени требуется на всплытие?

— Как только мы отделимся от купола — чуть больше восьми минут. По крайней мере, по расчетам.

Перебросив медицинскую сумку через плечо, Крейн пошел вдоль скамеек, проверяя, нет ли раненых. Потом он вернулся к пульту в нижней части помещения. Хьюи Пинг сидела рядом с Вандербильтом. Она слабо улыбнулась Крейну, и он устроился возле нее.

— Готова? — спросил он.

— Нет.

Во входном люке был маленький круглый иллюминатор. Он выглядел точно так же, как тот, у которого сидел Крейн, когда спускался на станцию в батискафе. Сейчас Крейн подался вперед, чтобы выглянуть наружу. Он увидел лестницу, ведущую вниз, к закрытому наружному люку, обозначенному бледным синим светом.

— Две минуты, — сказал техник. — Давление соответствует расчетному.

Рядом с ним зашевелилась Хьюи Пинг.

— Я вот о чем думаю, — начала она.

Крейн погладил ее по мокрым плечам.

— О чем же? — спросил он.

— Помнишь, ты говорил про гору Окотилло? Ты еще сказал, что есть два вида мер, направленных на то, чтобы предотвратить умышленное или ненамеренное проникновение в хранилища радиоактивных отходов: пассивные способы и активные.

— Верно.

— Я понимаю, что такое пассивные средства — предупредительные знаки, таблички, выгравированные на металле, и так далее. А каковы активные?

— Не знаю. На медицинской конференции ничего о них не говорили, только упомянули, что они существуют. Я решил, что информация о них засекречена. — Он повернулся к ней. — А почему ты спрашиваешь?

— Этих подводных стражей, которых мы обнаружили, когда копали тоннель к Мохо, по твоей классификации можно отнести к пассивным мерам. Они только предупреждают. Я все думаю: а что, если у них тоже есть средства активного противодействия?

— Не знаю, — медленно ответил Крейн. — Хороший вопрос.

— Минута, — объявил техник.

И в наступившей тишине Крейн ясно услышал, как снизу, сквозь входной люк у его ног, донесся резкий частый звук автоматной очереди.

## 60

Тоннелепроходческую машину и снаряд отвели в боковую шахту. Активировали стабилизатор, который удерживал аппарат точно над аномалией. Эти последние действия неоднократно отрабатывались на тренажерах, и поэтому в реальной жизни они были выполнены безупречно. Теперь люди в Сфере работали словно хирурги, используя только компрессор и роботизированный манипулятор. В кабине стояла мертвая тишина.

— Еще раз, — прошептал Королис. — Осторожно, осторожно.

— Есть, сэр, — так же шепотом ответил Рафферти.

Три человека обменивались взглядами и короткими фразами. Похоже, обстановка подействовала даже на доктора Флайта. Королис вытер пот с лица и еще раз приник к крошечному видеоэкрану. В воздухе ощущалось какое-то благоговение, словно они были археологами и раскапывали знаменитую древнюю гробницу. Пульсирующая головная боль и неприятный металлический привкус на языке, что так донимали Королиса, теперь, кажется, совсем исчезли.

Он смотрел, как инженер послал вниз по тоннелю новую порцию сжатого воздуха. В желтом свете наружного прожектора Сферы появилось облачко песка и каменистых обломков, которое быстро втянул насос.

— Осторожно, — пробормотал Королис. — Какое расстояние?

— Мы на месте, сэр, — ответил Рафферти.

Королис опять приник к видеоэкрану.

— Еще порцию, — велел он.

— Есть еще порцию, сэр.

Он наблюдал, как очередной поток сжатого воздуха ударил в дно рабочего участка. Видны ему были и два больших подводных стража, которые плавали по бокам, беспокойно водя взад-вперед блестящими шлейфами, лениво покачивая усиками. Они словно следили за представлением. А почему бы и нет? Это же хорошо и правильно, что они здесь: они явились затем, чтобы не только стать свидетелями его триумфа, но и отвести к сказочным техническим сокровищам, поджидавшим именно его. Не случай привел сюда Королиса на самом важном погружении, это была сама судьба.

— Еще, — прошептал он.

Новый импульс — и опять серый вихрь донного грунта. Как только вакуумная система откачала взвесь, пространство в поле зрения очистилось. Коммандер еще крепче стиснул рукоятки управления.

Радио на пульте ожило.

— Сфера-три, вызывает диспетчерская. Сфера-три, вызывает диспетчерская, ответьте...

Не отрывая глаз от экрана, Королис протянул руку и выключил рацию. Он что-то увидел среди мути над поверхностью рабочего участка — яркое сверкание, почти как блеск металла в отраженном свете.

— Еще раз, — велел он. — Очень осторожно, доктор Рафферти. Аккуратно, как со стеклом.

— Так точно, сэр.

В темноте по ленивой воде прошел импульс сжатого воздуха, вызвавший новое возмущение серых и коричневых частиц. А когда все прояснилось, Королис ахнул.

— Господи боже мой, — воскликнул он.

Воздушная система расчистила дно шахты, открыв гладкую стеклянистую плоскость. Замершему у видеоэкрана Королису показалось, будто с крышки стола стерли пыль. Под ней появилась иллюзия (или он решил, что иллюзия) почти бездонной глубины: черная бесконечность, протянувшаяся куда-то вниз. Луч его прожектора преломлялся на блестящей поверхности, но Королис решил, что там внизу, за ярким отражением, показался еще один, тусклый, источник света.

Подводные стражи по бокам Сферы заволновались. Они уже не просто плавали, а беспокойно метались взад-вперед по узкому пространству шахты.

— Выключи свет, — велел Королис.

— Простите, сэр? — удивился Рафферти.

— Выключи, пожалуйста, свет.

Через миг прожектор погас. Теперь Королис видел лучше.

Они висели над огромной пещерой, и видна была только совсем небольшая ее часть. Была ли пещера пустой или вся заполнялась тем веществом, которое Коммандер видел прямо под собой, сказать было нельзя. Бархатная чернота давала только ощущение неизмеримой глубины.

Но нет… пока Королис смотрел, далеко внизу показался неяркий свет. Королис глядел, едва дыша, а огонек медленно разгорался.

Он придвигался ближе.

— Сэр! — воскликнул Рафферти.

Его обычно спокойный голос звучал напряженно. Королис глянул на него.

— Что такое?

— Сигналы прекратились. Снизу ничего не поступает.

— Вы все системы контролируете? — спросил Королис.

— Да, сэр. Радиоуправляемые и телеуправляемые тоже. Датчики работают в штатном режиме: ультразвуковой, радиационный, магнитометр.

Королис снова повернулся к видеоэкрану.

— Они выходят к нам, — прошептал он.

Свет стал ближе. Королис заметил, что его интенсивность меняется, но не в плавной волнообразной манере, как у подводных стражей, а резко, почти агрессивно пульсирует. И цвет был такой, какого он никогда не встречал, — так сияет раскаленный металл перегретого в горне клинка. Ему показалось, что он не только видит это сияние, но и ощущает его. Странное, беспокойное было это чувство. Такое, что волосы у него на затылке зашевелились.

— Сэр, — опять обратился к нему Рафферти. — Теперь, когда датчики работают, регистрируется излучение снизу.

— Какое, доктор Рафферти?

— Все виды, сэр. Инфракрасное, ультрафиолетовое, гамма-излучение, радиоволны. Приборы сходят с ума. Такого спектра я не знаю.

— Значит, надо его проанализировать, доктор Рафферти.

— Есть, сэр.

Инженер повернулся к маленькому ноутбуку, прикрепленному к пульту, и забарабанил по клавиатуре.

Королис вернулся к экрану. Странный сверкающий предмет продолжал подъем из густой черноты. Его удивительный цвет потемнел. Предмет имел форму тора, а его внешние обводы пульсировали даже ярче, чем он сам. Пока Королис смотрел, разинув рот, сияющее неземное чудо вдруг всколыхнуло в нем воспоминания детства, давно забытые. Шестилетним мальчиком родители взяли его в Италию, где они все вместе посетили папскую мессу в базилике Святого Петра. Когда понтифик вынул гостию и, подняв над головой, показал собравшимся, Королис почувствовал, словно по его телу пробежал электрический ток. Роскошь барочного представления впервые дала ему прочувствовать всю важность события. Тогда, у дарохранительницы, понтифик предлагал ему самый дивный дар этого мира — таинство Святых Даров.

Конечно, с тех пор официальная религия давно утратила в глазах Королиса всякий смысл. Но сейчас, глядя на этот поразительный сияющий предмет, он испытал все тот же вихрь эмоций. Сейчас ему несли самый дивный дар Вселенной — высшую власть.

Во рту пересохло, а на язык вернулся медный привкус.

— Не хотите посмотреть? — спросил он хриплым голосом.

Рафферти все еще сидел, согнувшись над своим ноутбуком. Доктор Флайт кивнул, пробрался по тесному помещению и занял место перед экраном. Сначала старик ничего не говорил. Но через миг он вскинул голову и пробормотал:

— «Не свет, но тьма...»

Вдруг Рафферти оторвался от ноутбука.

— Коммандер! — воскликнул он.

Королис обернулся к нему.

— Сэр, вы должны это видеть.

Королис нагнулся над монитором, изображавшим две фигуры, составленные из мешанины узких вертикальных линий.

— Сначала я не мог определить спектр электромагнитного излучения, — начал Рафферти. — Мне казалось, что такое невозможно и в показаниях приборов нет никакого смысла.

— Почему?

Королис понял, что взгляд его против воли обращен к рамке экрана.

— Потому что спектр содержит длины волн и материи, и антиматерии в одно и то же время.

— Но так не бывает. Материя и антиматерия не могут существовать вместе.

— Именно. Но посмотрите сюда. Согласно показаниям датчиков, вот эта штука состоит и из того и из другого. Тогда я разделил характеристики материи и антиматерии. И вот что получил...

Инженер указал на монитор.

— Что это?

— Излучение Хокинга, сэр.

Доктор Флайт, услышав это, в удивлении повернулся, оторвавшись от экрана.

— Излучение Хокинга? — переспросил Королис.

Рафферти кивнул. На его лбу выступил пот, а в глазах появился странный блеск.

— Это тепловое излучение, регистрируемое по краям черной дыры.

— Ты шутишь.

Инженер покачал головой.

— Любой астрофизик сразу узнает этот спектр излучения.

Королис ощутил, как нараставший в нем восторг растворяется в недоверии.

— Ты хочешь сказать, что вот это, то, на что мы смотрим, — черная дыра? Которая состоит из материи и антиматерии в одно и то же время? Это же невозможно!

Флайт вернулся к обзорному экрану. И вдруг отпрянул от него.

— Эгей! Кажется, я понял!

— Тогда объясните, пожалуйста, доктор Флайт.

— Господа, господа, тороидальный объект под нами — не черная дыра, а две черные дыры!

— Две? — опять переспросил Королис, все меньше веря.

— Да. Я так и говорю. Представьте себе две черные дыры, каждая из них невелика, примерно размером со стеклянный шарик; они вращаются друг вокруг друга по сверхмалым орбитам на большой скорости, наверное, тысячу оборотов в секунду, а то и быстрее.

— Как вращаются? — спросил Королис.

— Даже я не могу ответить на все вопросы, коммандер Королис. Наверное, на этих траекториях их удерживает какая-то сила, какая-то технология, природа которой нам неизвестна. Невооруженному глазу они кажутся одним телом. А согласно приборам Рафферти, они испускают излучение Хокинга, характерное как для материи, так и для антиматерии.

— Но на самом деле это два разных тела? — уточнил Королис.

— Конечно, — выдохнул Рафферти. — Это и показывают раздельные спектры на моем компьютере.

И Королис внезапно понял. Невообразимо мощное, но изящное в своей простоте оружие. Его снова охватил восторг.

— Две черные дыры, — сказал он скорее сам себе, чем остальным. — Материя и антиматерия. Запертые рядом, но не соприкасающиеся. А если силу, которая удерживает их на орбитах, убрать... или выключить...

— Материя и антиматерия столкнутся, — мрачно произнес Рафферти. — Произойдет полный переход материи в энергию. В энергию превратится больше вещества на единицу массы, чем во время любой другой известной науке реакции.

— Дайте посмотреть.

Королис занял место доктора Флайта у экрана. Сердце колотилось у него в груди, а руки соскальзывали с пульта управления. Он с благоговением изучал объект внизу.

Начиная погружение, он рассчитывал найти новые, многообещающие технологии, что-нибудь ошеломляющее, невообразимое — такое, что могло бы обеспечить вечное превосходство Америки. Но удача превзошла даже самые смелые ожидания.

— Бомба, — прошептал он. — Самая мощная бомба во всей Вселенной. А ее можно положить в спичечный коробок.

— Бомба? — переспросил Рафферти, в его голосе слышалось беспокойство, даже страх. — Сэр, вот это, под нами, как оружие практической ценности не имеет.

— Почему это? — спросил Королис, не отрывая взгляда от экрана.

— Потому что его нельзя будет использовать. Если эти две черные дыры когда-нибудь соприкоснутся, сила взрыва будет невообразимой. Погибнет вся Солнечная система.

Но Королис его уже не слышал. Потому что черная бесконечность на экране стала едва уловимо меняться.

Там, где раньше была одна лишь чернильная темнота, нарушаемая только сверканием одинокого артефакта, появился слабый синеватый свет, начавший заполнять пустое пространство внизу. Словно занималась заря. У Королиса перехватило дыхание, когда он увидел, что именно высветилось. Там был не один такой артефакт, а сотни, нет, тысячи, они парили, пойманные в необъятную прозрачную клетку, простертую под Сферой. Ближайшие сияли странным, неземным сиянием. А самые дальние обозначились маленькими, словно булавочные головки, искрами, едва заметными глазу. Между ними, трепеща усиками, безостановочно сновали подводные стражи.

Такая находка перекрывала все ожидания, ошеломляла, выходила за пределы воображения.

Королис оторвался от экрана, тыльной стороной кисти вытер глаза и снова приник к окуляру.

— Возвращайтесь к своему пульту, — сказал он Флайту. — И готовьте манипулятор.

Инженер-кибернетик заморгал.

— Простите?

— Готовьте манипулятор. Вытяните его вниз на метр.

— Но тогда он коснется поверхности…

— Именно.

Наступило молчание. Потом заговорил Рафферти:

— Простите, сэр, но вы уверены, что это разумно, учитывая явное…

— Я хочу дать им знать, что мы принимаем их дар.

Опять молчание. Флайт, пробормотав что-то по-гречески, сел за свой пульт и привел в действие механизм управления механической рукой.

Королис наблюдал на экране, как манипулятор выходит в поле зрения камеры под Сферой. Он двигался вперед медленно, немного неровно, вытянув вперед один металлический палец. И снова память вернулась в детство, к тому путешествию в Рим. Королис вспомнил, как стоял в Сикстинской капелле, смотрел, открыв рот, вверх, на «Сотворение Адама» работы Микеланджело — кончики пальцев Бога и человека вот-вот соприкоснутся, — первый миг жизни, начало всех начал…

Манипулятор уперся в прозрачную поверхность. Она подалась, словно прозрачный желатин.

Королису показалось, что он слышит далекий звук, словно пение хора где-то на вершине горы. Вот это каково — дотянуться до вечности…

Вдруг два подводных стража, плававшие по бокам Сферы, пропали из виду. Только что они были, а в следующий миг их не стало, только память еще сохраняла их образы. Королис смотрел, как глубоко в пространстве под ним разгорается свет. Он имел золотистый оттенок крошечного солнца. И его безжалостное сияние обнажило все тайны необъятной пещеры. Королис замер, потрясенный, когда ему открылись истинные, невообразимые размеры и ошеломляющее, не поддающееся рассудку количество артефактов, заключенных в ней.

Запасов смертоносного арсенала хватит на уничтожение космоса.

— Если одним можно взорвать Солнечную систему, зачем им тысячи? — прошептал он.

В наступившей тишине раздался голос Флайта:

— Знаете, почему Парфенон лежит в развалинах? — спросил он.

Это прозвучало так неожиданно, что Королис невольно обернулся к старику.

— Турки, — продолжал тот, став необычно серьезным. — В восемнадцатом веке они использовали его как склад боеприпасов. А случайный снаряд все взорвал. Коммандер, перед нами — то же самое.

Тут свалка оружия, продукт межгалактической гонки вооружений. Все это далеко превосходит наши технические представления.

— Ерунда, — ответил Королис. — С вами, наверное, говорил доктор Крейн?

— Боюсь, что это не ерунда. Нам нельзя было это находить. Оружие запрятали так, чтобы никто не мог его обнаружить или использовать. Потому что оно способно уничтожить не только Солнце, но и всю известную часть Вселенной.

— Сэр! — воскликнул Рафферти. — Идут какие-то странные сигналы.

— Какие?

— Я ничего подобного еще не видел. Совершенно неизвестное излучение.

— Энергия?

— Так точно. И движется к нам с ужасающей скоростью.

— «Род приходит, и род уходит, — протянул Флайт низким, скорбным, заунывным голосом, — а земля пребывает вовеки…»[16]

Повернувшись к экрану, Королис увидел, что расцветшее под ними солнце оказалось не таким уж и маленьким. Пение зазвучало громче, перешло в жуткий крик. Еще через миг Королис понял, что нечто внизу движется, проходя мимо подводных стражей и артефактов, то есть бомб, с такой скоростью, что они мелькают цветными пятнами. Прямолинейное движение предмета напомнило ему ракету «земля-воздух», вышедшую на цель. Но тут объект, приблизившись, утратил всякое сходство с любыми известными Королису, он несся все быстрее по пещере под ними, вырастая в размерах, пока его безжалостный свет не залил весь обзорный экран, выбрасывая языки пламени бешеными завихрениями, словно брызги расплавленного металла…

…а когда он поглотил Сферу-три и выплеснулся в тоннель, менее чем за тысячную долю секунды превратив в пар плоть Королиса и в уголь — его кости, коммандер так и не успел ощутить ни удивления, ни боли.

**61**

— Тридцать секунд, — произнес техник за пультом. — Набрали максимальную плавучесть.

Вандербильт поднял голову от панели датчиков и оглядел спасательную капсулу.

— Держитесь, ребята. Дорога будет ухабистая.

Выстрелы внизу прекратились.

Крейн огляделся. В капсуле стало совершенно тихо, и в тусклом синем свете все лица показались безжизненными, напряженными, полными тревоги.

— Десять секунд, — доложил техник.

— Расстыковка завершена. Стартуем, — сказал Вандербильт.

Теперь Крейн услышал, как во входном тоннеле по наружному люку скребут чем-то металлическим. Кто-то у него за спиной начал молиться вслух. Доктор протянул руку и взял ладонь Хьюи Пинг.

— Отошли, — произнес техник.

Резкий толчок, лязг металла по металлу, и вот спасательный аппарат прыгнул, словно пробка из бутылки. Крейн почувствовал, как его вжимает в сиденье, — они, словно на ракете, летели к поверхности моря. Он глянул вниз, в иллюминатор, но увидел только вихрь пузырьков в луче света из капсулы.

И тут он услышал новый звук. Глухой, почти на пределе слышимости, он шел откуда-то снизу. Крейну показалось, что сама Земля застонала, словно от боли. Глубоководный аппарат затрясло, да так, что это не могло быть вызвано быстрым всплытием.

В помещении раздались крики и стоны.

Хьюи рядом с ним подняла руку к лицу.

— Уши, — сказала она.

— Меняется давление воздуха, — пояснил Крейн. — Постарайся зевнуть или глотнуть. Или сделать маневр Вальсальва.

— Что?

— Маневр Вальсальва. Зажми нос и закрой рот, а потом попытайся продуть воздух через ноздри. Это поможет выровнять кровяное давление.

Он еще раз глянул в иллюминатор, пытаясь найти источник странного гула. Вихрь пузырьков рассеялся, и сейчас было видно закругление купола, уже в нескольких сотнях футов под ними, а его прожектора казались крошечными звездочками в ночном небе. Пока он смотрел, они погасли и скрылись в темноте.

И вот, когда Крейн уже собирался отвести взгляд, внизу вспыхнуло солнце.

Словно вдруг осветился весь океан. На миг, почти в тысяче футов под собой, Крейн увидел морское дно — оно тянулось во всех направлениях, словно серая лунная поверхность. Бесчисленные странные и жуткие на вид глубоководные рыбы плыли над ним, будто подвешенные на ниточке. Потом свет стал слишком ярким, и Крейну пришлось отвернуться.

— Что за черт? — услышал он голос Вандербильта.

Теперь иллюминатор сиял, словно лампа, озаряя внутреннее помещение капсулы, совсем недавно погруженное в синеватый полумрак, ярким желтым сиянием. Но Крейн заметил, что свет постепенно гаснет. Снизу послышались новые звуки: резкие удары и треск, словно там горел гигантский фейерверк. Крейн снова подался вперед и, прищурившись, глянул вниз. И замер.

— О господи, — вырвалось у него.

В луче, бившем с океанского дна, он мог разглядеть только прочный купол. Взорванный изнутри, с краями, завернувшимися, словно кожура у банана. А внутри полыхали языки неземного огня — красного, коричневого, желтого, — яростный каскад взрывов разрывал станцию на части.

Но это было не самое страшное: с невероятной скоростью снизу к ним неслась мощная ударная волна, качая и переворачивая все на своем пути, словно живая.

Крейн поспешно сел прямо, одной рукой прижал к себе Хьюи Пинг, другой схватился за поручень.

— Приготовиться к толчку! — крикнул он.

Жуткий миг ожидания... и взрывная волна резко бросила капсулу набок, чуть не перевернув. Раздались крики. Свет погас, и теперь единственным источником освещения оказался умирающий желтый луч со дна. Крейн крепко держал Хьюи, а капсулу жестоко мотало взад и вперед. Кто-то полетел по салону, натолкнулся на поручень и со стоном повалился на пол. Опять крики, призывы о помощи. Раздался резкий хлопок, а за ним — плеск воды.

— Заделать пробоину! — приказал Вандербильт технику, стараясь перекричать общий шум.

— Что там? — спросила Хьюи.

Она прижималась лицом к плечу Крейна.

— Не знаю. Но ты говорила о мерах активного противодействия. Похоже, что Королис их обнаружил.

— А… а станция? — спросила Хьюи.

— Ее больше нет.

— Нет… нет! Все люди там… — И Хьюи заплакала.

Жестокая болтанка понемногу стихала. Крейн оглядел слабо освещенное помещение. Люди рыдали и стонали, а кого-то, напуганного и возбужденного, успокаивали соседи. Но кажется, травму получил только один — тот человек, который слетел со своего места и прокатился по салону. Крейн осторожно высвободился и подошел к раненому.

— Сколько еще? — спросил он у Вандербильта.

Океанограф помогал технику заделать пробоину.

— Неизвестно, — крикнул он в ответ. — Питание отключилось, приборы не работают. Теперь мы поднимаемся только за счет собственной плавучести.

Доктор опустился на колени рядом с пострадавшим. Тот был оглушен, но находился в сознании и пытался подняться. Крейн помог ему сесть и быстро обработал раны — рассеченную бровь и ссадину на правом локте. Свет снизу погас совсем, и в капсуле стало темно, как в погребе. Крейн ощупью пробрался по щиколотку в воде обратно к Хьюи.

Сев, он почувствовал, как в темноте кто-то подошел к нему.

— Мы не можем заделать пробоину, — раздался голос Вандербильта. — Остается только надеяться, что до поверхности недалеко.

— Восемь минут уже истекли, — сказал техник. — Наверняка.

Пока он говорил, Крейн обратил внимание, а может, ему показалось, что полная чернота уступает место едва заметным сумеркам. Хьюи стиснула его ладонь — она тоже заметила. Стремительный подъем, кажется, замедлился, а потом и вовсе прекратился. Теперь помещение стало заполняться неровным светом, поблескивавшим зелеными и темно-синими оттенками.

И тогда появилось безошибочное ощущение — они качались на мягких волнах.

Люди в капсуле кричали от радости. Хьюи еще плакала, но Крейн понял, что теперь это от счастья.

Вандербильт пробрался по воде к внешнему люку в потолке капсулы. В это время снаружи, сверху, послышались приглушенные крики. По

крыше застучали шаги, рукоятка наружного люка повернулась и заскрипела, открываясь.

И вот Крейн увидел — впервые за несколько недель — яркий солнечный свет и сияющее синее небо.

**62**

Скопище комнат и кабинетов, шквал вопросов. Кто-то посветил ему яркой лампой сначала в правый глаз, потом в левый. На плечи набросили толстый купальный халат. А затем, вернувшись, словно во сне, к началу, Крейн снова оказался на платформе «Сторм кинг», один, в библиотеке за столом; он сидел все перед тем же компьютерным монитором, как и две недели назад, в тот день, когда только что приехал.

Крейн облизал губы. Наверное, все это и было видением и ничего на самом деле не происходило. Это какая-то далекая от логики, сказочная фантазия, что началась ярко и радостно, но потом медленно переросла в страшный ночной кошмар. А теперь Крейн приходит в себя, фрагменты сна осыпаются, словно куски штукатурки со старого фасада, здравый смысл снова вступает в свои права, и все умопостроения предстанут в истинном свете, явив рассудку свою полную абсурдность.

Тут экран мигнул и засветился, показав усталого человека в темном костюме и в очках без оправы; он сидел за полированным деревянным столом. И Крейн понял, что все это никоим образом не сон.

— Доктор Крейн, — произнес человек на экране. — Меня зовут Макферсон. Я так понимаю, адмирал Спартан дал вам мою визитку.

— Да.

— Вы один там?

Крейн кивнул:

— Один.

— Тогда почему бы вам не начать сначала? Не пропускайте ничего.

Медленно, методично Крейн рассказал о событиях последних двух недель. Большую часть времени Макферсон просто слушал, сидя совершенно неподвижно, но изредка вставляемые вопросы давали понять, что в основном все изложенное не было для него такой уж неожиданностью. Когда повествование Крейна приблизилось к концу — обоснованию теории Ашера, действиям Королиса, последней встрече со Спартаном, — усталое лицо Макферсона стало еще более изможденным. Мешки под глазами потемнели, плечи опустились.

Крейн замолчал, и на какое-то время в комнате наступила полнейшая тишина. Наконец Макферсон поднялся. Откашлялся.

— Благодарю вас, доктор Крейн.

Он протянул руку к панели управления, расположенной рядом с ним, готовясь отключить связь.

— Минутку, — начал Крейн.

Макферсон посмотрел на него.

— Разве вы ничего не расскажете мне о диверсантах? То есть зачем кому-то надо было это сделать?

Макферсон холодно улыбнулся.

— Боюсь, причин немало, доктор Крейн. Но, отвечая на ваш вопрос, могу сказать, что вам я почти ничего сообщить не могу. Видите ли, мы отследили их канал связи, как раз так, как Мэррис, шифровальщик Ашера, и собирался это сделать. И всего час назад на платформе был произведен арест.

— Здесь? — удивился Крейн. — На платформе?

Макферсон кивнул.

— Да, арестовали человека, с которым поддерживала контакт доктор Бишоп. Мы пока всего не знаем, но уже известно, что мы имеем дело с идейным противником американских интересов, задача которого — во что бы то ни стало лишить нас возможности защищать себя. Эти люди набирают себе агентов в колледжах и университетах, во многом подобно тому, как были завербованы Ким Филби, Гай Берджесс[17] и другие шпионы в Кембридже — молодые люди, легко поддающиеся впечатлениям, полные высоких идей; их легко уговорить и легко шантажировать. Эта группа очень хорошо финансируется, но мы пока не выяснили, делают ли это какие-то иностранные правительства или частные лица. Но скоро узнаем. Как бы то ни было, они собирались решительно воспрепятствовать нам получить технику, которая была скрыта под морским дном.

Они немного помолчали.

— И что теперь? — просил Крейн.

— Вы побудете у нас несколько дней. Вы, мисс Пинг и еще некоторые специалисты. Как только сбор и систематизация информации будут закончены, мы вас отпустим.

— Нет, я не то имел в виду. Я хочу спросить — что будет с проектом? Со станцией?

— Доктор Крейн, больше нет никакого проекта. Станции не существует.

С этими словами Макферсон снял очки, потер глаза и выключил связь.

* * *

Крейн покинул библиотеку и пошел по унылому коридору. Он миновал кабинет, где собрались несколько человек и тихо, почти шепотом, переговаривались. В соседней комнате за письменным столом сидела женщина; сцепив руки, она склонила голову, как если бы глубоко задумалась или молилась. Кажется, все были потрясены. Мимо прошел лаборант в рабочем халате; он шагал медленно, словно без особой цели.

Добравшись до конца коридора, Крейн открыл люк. Снаружи, за металлическими поручнями ограждения, в бесконечность убегал сине-черный океан. Крейн вышел на воздух, пропитанный запахом моря, и поднялся на несколько пролетов вверх по лестнице, на крышу платформы. У посадочной площадки собрался примерно десяток из тех, кто спасся со станции «Глубоководный шторм»; люди ждали, когда из Исландии в очередной раз прилетит вертолет компании «Амшейл». Поодаль от них стоял бледный мужчина в очках в черепаховой оправе, прикованный к металлической стойке; руки и ноги у него также были в кандалах. Человека охраняли два вооруженных морских пехотинца.

На краю платформы, в стороне от всех, замерла Хьюи Пинг. Она смотрела в море, наблюдая, как солнце садится в беспокойные волны. Крейн подошел к ней; какое-то время они молча стояли рядом. Далеко внизу, в радужном масляном пятне вокруг опор платформы взад-вперед ходили два катера ВМС, то и дело останавливаясь, чтобы подобрать что-нибудь из пятна обломков, все расширявшегося в диаметре.

— Все? — спросила наконец Хьюи.

— Пока да.

— А теперь что?

— Пару дней побудем здесь в гостях у правительства. Потом, думаю, поедем домой. Постараемся вернуться к нормальной жизни.

Указательным пальцем Хьюи заправила прядь волос за ухо.

— Я стою тут, пытаясь во всем разобраться. Мне кажется, я понимаю, почему доктор Бишоп убила Ашера: когда она услышала, что они с Мэррисом следят за обменом информацией между диверсантами, то, наверное, решила, что выбора у нее нет. Ей не хотелось, чтобы ее остановили.

— И я так думаю. Ашер говорил мне, что предупредил всех руководителей отделов, чтобы были настороже, — значит, ее тоже. И сам себе подписал смертный приговор.

— Но вот чего я не понимаю — почему мы до сих пор здесь?

Крейн повернулся к ней.

— Что ты имеешь в виду?

— Станция разрушена чудовищным взрывом. Это, скорее всего, означает, что Королис добрался до Мохо. Если мы были правы насчет того, что лежит там, внизу, почему мы все еще живы? — Она указала на небо. — Почему я вижу Венеру над горизонтом?

— Я и сам об этом думаю. И единственное объяснение, которое приходит мне в голову, — что их средства активного противодействия имеют какой-то особый характер.

— То есть взрыв, разрушивший станцию, — просто защитная мера?

Крейн кивнул.

— Именно. Чтобы никто не мог пробраться в их хранилище. Жуткий взрыв, но, возможно, это просто булавочный укол по сравнению с тем, что могло бы произойти.

Они опять замолчали. Хьюи все смотрела на горизонт.

— Какой красивый закат, — наконец вымолвила она. — Знаешь, там, внизу, мне уже начало казаться, что я никогда его не увижу. И все же...

Она вздохнула и покачала головой.

— Что?

— И все же я немного разочарована. Тем, что больше мы никогда не увидим эти инопланетные чудеса. Даже то немногое, что мы нашли... Было просто потрясающе. А теперь мы потеряли это навсегда.

Крейн ответил не сразу. Он повернулся к поручням и опустил руку в карман.

— Ну, я бы не стал так утверждать.

Теперь наступила очередь Хьюи смотреть на него вопросительно.

Крейн медленно вытащил руку из кармана. У него на ладони, поблескивая в оранжевом свете заката, лежала пластиковая пробирка, заткнутая красной резиновой пробкой. А внутри лениво парил крошечный предмет, посылая им вместе с сиянием обещания новых загадок и открытий.

**Эпилог**

Крейн промыл под струей горячей воды бритвенный станок, внимательно изучил свое лицо в зеркале ванной комнаты и вышел в спальню. Он быстро оделся: белая рубашка, коричневый галстук, светло-коричневые брюки — гражданская одежда, или то, что может считать таковой флотский офицер. Взял с комода большой красный бейдж, прицепил его к карману рубашки. В последний раз оглядел комнату, уложил несессер в чемодан и взял его с кровати. Как и все остальное, кофр был выдан флотским квартирмейстером и казался почти невесомым. Неудивительно, подумал Крейн, ведь там и лежит-то всего ничего — с «Глубоководного шторма» он взял только подводного стража, да и того после некоторых колебаний отдал Макферсону.

Макферсон. Он звонил всего несколько минут назад и просил Крейна заглянуть к нему.

Врач еще немного помедлил. Потом, в последний раз оглядев комнату, вышел в коридор и шагнул на улицу, под июльское солнце.

Уже три дня он находился на военно-морской базе «Джордж Стаффорд» в двадцати милях к югу от Вашингтона. Однако в этом маленьком, тщательно охраняемом мирке он уже чувствовал себя как дома. Щурясь на ярком солнце, он прошел мимо испытательного бассейна и здания мастерских к серому, похожему на ангар строению, известному как семнадцатый корпус. Он показал пропуск вооруженному солдату, стоявшему у входа в здание, но это была простая формальность — в последние дни Крейн приходил и уходил так часто, что все уже знали его в лицо.

Семнадцатый корпус был ярко освещен внутри. В нем не было внутренних перегородок, и похожее на пещеру пространство отзывалось эхом, какое бывает в спортивном зале. В центре, на площадке, которую охраняли морские пехотинцы, лежали искореженные металлические предметы: все, что осталось от станции, или, по крайней мере, то, что можно было поднять. Немало деталей еще находилось на морском дне, и уровень радиации был слишком высок, чтобы к ним подступиться. Части, разложенные на полу, напоминали жуткую гигантскую головоломку. Сначала, когда Крейн должен был помогать идентифицировать обломки, его охватывал ужас. Сейчас их вид вызывал у него просто печаль.

В дальнем конце семнадцатого корпуса расположилось несколько кабинок; в огромном пространстве они казались совсем маленькими. Крейн прошагал по бетонному полу к ближайшему кабинету и, хотя двери не было, ради формальности постучал по стенке.

— Входите, — прозвучал знакомый голос.

Крейн шагнул внутрь. Обстановка кабинки состояла из рабочего стола, стола для совещаний и нескольких стульев. Крейн увидел, что Хьюи Пинг уже здесь. Он улыбнулся, и она ответила ему, немного робко, как ему показалось. Но он сразу почувствовал себя лучше.

С момента приезда на базу большую часть своего рабочего времени они проводили вместе, отвечая на бесконечные вопросы, восстанавливая события, объясняя, что случилось и почему, целой группе ученых, откомандированной правительством, высшим офицерам и каким-то загадочным людям в темных костюмах. Это время послужило укреплению той связи, которая, если задуматься, установилась между ними еще на станции. Крейн по-прежнему не мог сказать с уверенностью, что его ожидает в дальнейшем, может быть, он займется какими-нибудь исследованиями, но был твердо уверен: так или иначе будущее Хьюи Пинг связано с его будущим.

За столом сидел Макферсон и смотрел на экран своего компьютера. Один конец стола был завален секретной документацией, другой — графиками и какими-то объемными распечатками. В центре стоял кубик прозрачного плексигласа. Внутри парил подводный страж, равнодушный ко всему происходящему вокруг.

Крейн подумал, что у Макферсона, наверное, есть какое-то имя. Есть, наверное, и дом где-нибудь в пригороде, а то и семья. Но если у Макферсона и была какая-нибудь жизнь за пределами базы, то, похоже, он отложил ее в долгий ящик. Когда бы Крейн ни пришел в семнадцатый корпус, там находился и Макферсон: сидел на совещаниях, составлял доклады или шепотом советовался о чем-то с научными консультантами. Дни шли за днями, и этот человек, и так-то сдержанный и закрытый, отдалялся все более. В последнее время он взялся пересматривать видеоматериалы, полученные при последнем погружении Сферы, — раз за разом, так, как обычно трогают больной зуб. Крейн увидел, что и сейчас на дисплее компьютера Макферсона идет именно эта запись. Крейн мимоходом подумал: а не отвечал ли Макферсон за работу станции? Может быть, его в конечном счете и обвинят в случившейся трагедии?

— Разрешите, я присяду? — спросил Крейн тихо.

Макферсон еще какое-то время смотрел на экран, разглядывая видеозапись не самого лучшего качества. Потом отодвинулся от монитора.

— Да, пожалуйста. — Он помолчал, взглянул на доктора, затем на Хьюи и опять на Крейна. — Уже собрались?

Хьюи кивнула.

— Много времени не потребовалось.

— Командование оформит вам документы. Как только последние собеседования закончатся, машина отвезет вас в аэропорт.

Макферсон повернулся к своему столу. Крейн решил, что сейчас появятся очередные бумаги, на которых надо будет расписываться. Но Макферсон вытащил две небольшие кожаные папки и положил их на стол.

— Посмотрите, пожалуйста.

Крейн смотрел, как Хьюи открывает свою папку. Внутри лежало официальное рекомендательное письмо, подписанное не только полудесятком высших офицеров флота, но и самим президентом.

— Боюсь, я не совсем понимаю, — сказал он.

— А что здесь неясного, доктор Крейн? Вы и доктор Пинг выявили реальную природу аномалии. Вы сохранили присутствие духа в трудной ситуации, когда другим это не удалось. Вы спасли жизнь ста двенадцати человек. И правительство перед вами в неоплатном долгу.

Крейн медленно закрыл папку.

— Вы для этого нас пригласили?

Макферсон кивнул.

— Да. И еще я хотел попрощаться. — Он поднялся, пожал им руки. — Вас ждут в администрации.

Он снова сел и уставился в монитор.

Хьюи встала и пошла к выходу. Там она остановилась и обернулась, поджидая Крейна. Он медленно поднялся, переводя взгляд с Макферсона на дисплей. На экране он увидел согнувшегося перед обзорным экраном Королиса, а рядом — работавшего манипулятором Флайта. Звук был включен на минимальную громкость, но Крейн все же расслышал птичий голос старика:

— Это свалка оружия. Продукт межгалактической гонки вооружений…

— Отпустите, — тихо произнес он.

Макферсон глянул на него.

— Простите?

— Отпустите. Уже все кончилось.

Макферсон вернулся к экрану. Он ничего не ответил.

— Да, это трагедия, но уже все позади. Можно не беспокоиться, что кто-то проникнет туда. Никакое иностранное правительство не сможет добраться до участка — настолько высок там уровень радиации.

Но Макферсон все еще не отвечал. Кажется, он боролся с собой.

— Я могу понять, что вас тревожит, — тихо произнес Крейн. — Мысль о том, что внутри нашей планеты запрятана жуткая свалка оружия, способного разрушить все вокруг. Это и меня беспокоит. Но я все время говорю себе, что кто бы ни закопал эти объекты, он обладал техническими возможностями защитить их, чтобы уж наверняка никто не смог их применить. Королис убедился в этом ценой собственной жизни — ваша запись это доказывает.

Макферсон поерзал и вроде принял какое-то решение. Он еще раз глянул на Крейна.

— Меня волнует не это.

— А что тогда?

Макферсон указал на экран.

— Вы же слышали, что сказал Флайт. Он сказал, что это свалка оружия. Могильник, которым никто никогда не сможет воспользоваться.

— Да.

Макферсон подтянул к себе клавиатуру, напечатал команду. Запись переключилась на начало. Еще одним нажатием кнопки он запустил ее. Крейн вслушался в разговор:

«Две черные дыры на очень тесных орбитах одна вокруг другой… с очень большой скоростью… материя и антиматерия… если убрать силу…»

Макферсон резко выключил запись. Из коробки на столе он вытащил бумажную салфетку и промокнул глаза.

— У нас тоже есть могильники оружия, — тихо продолжил он.

— Ну да, например у горы Окотило. Ашер проводил там исследования, поэтому…

— Видите ли, доктор Крейн, — перебил его Макферсон, — вот это и не дает мне спать. Прежде чем захоронить устаревшее вооружение, мы приводим его в негодность.

Крейн в замешательстве смотрел на Макферсона, вникая в его слова.

— Вы же не хотите сказать… — начала Хьюи и замолчала.

— Так что же захоронено под Мохо? — спросил Макферсон и сам ответил: — Тысячи устройств. В рабочем состоянии. Это оружие невообразимой мощи, черные дыры из материи и антиматерии, вращающиеся вокруг друг друга. Для того чтобы обезвредить эти устройства, достаточно разделить материю и антиматерию так, чтобы они никогда не пришли в соприкосновение. Верно? — Он подался вперед. — Если здесь свалка, почему это не было сделано?

— Потому что… — Крейн ощутил, как во рту у него вдруг пересохло. — Потому что их еще не сняли с вооружения.

Макферсон медленно кивнул.

— Надеюсь, что я ошибаюсь. Но мне кажется, что это не могильник.

— Вы считаете, это действующий арсенал? — так же медленно спросил Крейн.

— Да, спрятанный на бесполезной планетке, — ответил Макферсон. — Пока…

Он не закончил. Все стало понятно и так.

Крейн и Пинг медленно шли по гулкому ангару. Они миновали обломки, когда-то составлявшие станцию, и направились к проходной в дальней стене. Шагая, Крейн не мог не вспомнить о летописи, которая излагала свидетельство очевидца, датского рыбака, записанное почти шестьсот лет назад: «В небесах появилась дыра…»

Они вышли, ступили на бетон, под безжалостный свет. Солнце висело огненным шаром в безупречной лазури. Крейн, глядя в небо, спросил себя: а сможет ли он когда-нибудь смотреть на него прежними глазами?

## Примечания

**1**

Уильям Блай — командир знаменитого корабля «Баунти»; во время плавания в южных морях в 1789 г. команда, возмущенная жестокостью капитана, подняла бунт и высадила его вместе со сторонниками у одного из островов в Тихом океане.

**2**

Марвел, Эндрю (1621–1678) — английский поэт, публицист.

**3**

Пиранези, Джованни Баттиста (1720–1778) — итальянский археолог, архитектор и художник-график, мастер архитектурных пейзажей.

**4**

Гандшпуг — деревянный или железный рычаг, употребляемый при подъеме или передвижении тяжестей.

**5**

Господь с вами (лат.).

**6**

И с духом твоим (лат.).

7

Неизвестная страна (лат.).

**8**

В районе Грум-Лейк расположен секретный полигон ВВС США.

**9**

До совершения деяния (лат.).

**10**

Скотт, Роберт Фалкон — английский полярный исследователь. Погиб при покорении Южного полюса в 1912 году. Эрхарт, Амелия — американская летчица, поставила несколько мировых рекордов. Погибла при попытке совершить кругосветный перелет в 1937 году. «Челленджер» — американский космический корабль многоразового использования, потерпел катастрофу в 1986 году.

**11**

Игла Хагедорна — хирургическая игла с круглым ушком без прорези.

**12**

Перевод В. Вересаева.

**13**

Гомер. Одиссея. Перевод В. Вересаева.

**14**

Гомер. Одиссея. Перевод В. Вересаева.

**15**

Гомер. Одиссея. Перевод В. Вересаева.

**16**

Екклезиаст, 1, 4.

**17**

Ким Филби, Гай Берджесс — советские разведчики, участники «Кембриджской пятерки» (другие члены — Энтони Блант, Дональд Маклин, Джон Кернкросс), названной так по месту вербовки этих нелегалов. Все пятеро занимали высокие посты в британской разведке и дипломатических структурах.